

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

ISSN 2713-2536

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА**

Электронный журнал
№ 1 (90) 2022 г.

**Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2022**

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [Электронный ресурс] : электрон. журнал / Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (1,31 МБ). – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Технический редактор *А.Ю. Денисова*
Корректор *А.К. Аванесян*

Дата выхода в свет: 04.05.2022.
Объем издания: 1,31 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 6 компакт-дисков

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл № ФС77-78909 от 14.08.2020

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

302027, Россия, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
<http://www.orui.mvd.ru>.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему
Российского индекса научного цитирования. URL: <http://www.elibrary.ru>
и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестаци-
онной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы ос-
новные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки»
по специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент С.А. Синенко

Заместитель главного редактора – заместитель начальника Орловского
юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
(по научной работе) доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев

Члены редакционной коллегии:

заместитель начальника Барнаульского юридического института
МВД России (по научной работе) доктор юридических наук,
профессор Ю.В. Анохин;

профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного
университета доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор
юридических наук, доцент С.С. Безруков;

профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент В.Ф. Васюков
(секретарь редакционной коллегии);

профессор кафедры государственного и муниципального права Омского госу-
дарственного университета им. Ф.М. Достоевского доктор юридических наук,
профессор В.В. Головкин;

директор Иркутского юридического института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук,
профессор О.П. Грибунов;

заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина (по научной работе) доктор юридических наук,
доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук,
доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук,
доцент А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского
военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации доктор юридических наук,
доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего
профессионального образования В.П. Малахов;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия доктор
юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук,
доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-
исследовательского института ФСИН России доктор юридических наук,
профессор Н.Г. Шурухнов.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства; история правовых учений

Алексеева Л.А. ВЗГЛЯД НА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	11
Майорова С.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА	18
Фомичев А.А. ЛЕГИТИМНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК КРИТЕРИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	25

Административное право; административный процесс

Афонин В.В. К ВОПРОСУ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ, КОТОРЫЕ НЕ ПОДЛЕЖАТ ВКЛЮЧЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СТАТИСТИЧЕСКУЮ ОТЧЁТНОСТЬ	30
Жбанова С.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПРИ НАДЗОРЕ ЗА ДОРОЖНЫМ ДВИЖЕНИЕМ	36
Заталокин А.А. МЕХАНИЗМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К УЧАСТИЮ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	43
Зиборов О.В., Павлова Е.В. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КОАП РФ И ПРОЕКТА КОАП РФ	52
Ноговицина Е.Н. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ЧАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПДД РФ	59

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Олейник В.В. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРПОРАТИВНЫЕ ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ УПРАВЛЯЮЩИМИ И КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ЛИЦАМИ (ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТА ИМУЩЕСТВА КОРПОРАЦИЙ)	66
Подчерняев А.Н., Кравцов И.А. К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ	72
Савченко М.М. ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРЕДИТНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО	80
Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА	87

Уголовный процесс

Ветрова О.А., Гришин А.В. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	95
Григорьева Н.В. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	103
Мерлаков Д.С. КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ	109
Семенов Е.А., Кузьменко Е.С. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ)	116

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Дягилев Д.С. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ	123
Екимцев С.В. ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	131
Кураков Д.В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ: «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»	138
Никонович С.Л., Васильев Д.В., Кайргалиев Д.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ	145
Сретенцев А.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	151
Информация для авторов	157

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of legal teachings

Alekseeva L.A. A LOOK AT DEMOCRACY THROUGH THE PRISM OF HISTORY	11
Mayorova S.A. SOME ASPECTS OF CORPORATE LAW: DOCTRINE AND PRACTICE	18
Fomichev A.A. LEGITIMATE COERCION AS A CRITERION FOR THE EMERGENCE OF POLICE FORMATIONS IN THE STRUCTURE OF SOCIETY AND THE STATE	25

Administrative law; administrative process

Afonin V.V. ON THE ISSUE OF ROAD ACCIDENTS THAT ARE NOT SUBJECT TO INCLUSION IN THE STATE STATISTICAL REPORTING	30
Zhbanova S.A. ENSURING PERSONAL SAFETY BY EMPLOYEES OF THE ROAD PATROL SERVICE DURING TRAFFIC SUPERVISION	36
Zatolokin A.A. MECHANISM FOR INVOLVING REPRESENTATIVES OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS TO PARTICIPATE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES	46
Ziborov O.V., Pavlova E.V. COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE COMPOSITION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DRAFT ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	52
Nogovitsina E.N. ON THE ISSUE OF THE PROBLEM OF THE OPERATION OF MEANS OF INDIVIDUAL MOBILITY, IN TERMS OF COMPLIANCE WITH THE TRAFFIC REGULATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION	59

Criminal law and criminology; penal enforcement law

Oleynik V.V. CRIMINAL LIABILITY FOR CORPORATE THEFT COMMITTED BY MANAGERS AND CONTROL PERSONS (SEQ AND EMPLOYMENT OF CORPORATION PROPERTY)	66
Podchernyaev A.N., Kravtsov I.A. ON THE ISSUE OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP	72
Savchenko M.M. GENESIS OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CREDIT FRAUD	80
Shalagin A.E., Idiyatullov A.D. CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A VIOLENT CRIMINAL	87

Criminal proceedings

Vetrova O.A., Grishin A.V. THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF ENSURING THE RIGHTS OF MINORS DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION	95
Grigor'eva N.V. LEGAL NATURE OF PROVING IN CRIMINAL PROCEEDINGS	103
Merlakov D.S. COMPETENCE OF THE BODIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION TO CONDUCT INVESTIGATIVE ACTIONS WITH THE USE OF VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION SYSTEMS	109
Semenov E.A., Kuzmenko E.S. FEATURES OF THE USE OF COERCIVE MEASURES AGAINST JUVENILE ACCUSED (SUSPECTS)	116

Forensics; forensic activity; investigative activities

Daygilev A.A. THE IMPACT OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES ON CHANGING THE WAY PEOPLE ARE TRAFFICKED	123
Ekimtsev S.V. FEATURES OF DISCLOSURE OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES.....	131
Kurakov D.V. SEPARATE ASPECTS OF CONDUCTING THE OPERATIONAL-SEARCH EVENT: «OPERATIONAL EXPERIMENT»	138
Nikonovich S.L., Vasil'ev D.V., Kairgaliev D.V. CRIMINALISTIC ASPECTS OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES	145
Sretentsev A.N. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE PERSONAL IDENTIFICATION SYSTEM IN CRIMINAL PROCEEDINGS	151
Information for authors	157

Теория и история права и государства; история правовых учений

УДК 340.1

ВЗГЛЯД НА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Алексеева Лилия Алексеевна. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В настоящей статье исследуется трансформация содержательной составляющей одного из основных терминов, используемых в конституциях ряда современных государств, – «демократия», отношение к ней на различных исторических этапах, а также формы ее проявления в современном мире. Понимание и восприятие демократии на протяжении длительного исторического развития не всегда было позитивным и однозначным. Современное осмысление демократии подразумевает, что власть формируется на выборной основе, является сменяемой и подконтрольной институтам гражданского общества, она не должна быть сконцентрирована в одних руках, представляет собой консенсус между всеми слоями и общественными объединениями, представляющими государство, при постоянном стремлении расширения возможностей участия в управлении государством максимально широких слоев населения.

Ключевые слова: демократия; демократические институты; непосредственная демократия; представительная демократия.

A LOOK AT DEMOCRACY THROUGH THE PRISM OF HISTORY

Alekseeva Lilia Alekseevna. Professor of the chair of State and Legal Disciplines. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

This article examines the transformation of the content component of one of the main terms used in the constitutions of a number of modern states, "democracy", the attitude towards it at various historical stages, as well as the forms of its manifestation in the modern world. The understanding and perception of democracy throughout the long historical development has not always been positive and unambiguous. The modern understanding of democracy implies that power is formed on an elective basis, is replaceable and controlled by civil society institutions, it should not be concentrated in one hand, represents a consensus between all layers and public associations representing the state, with a constant desire to expand the opportunities for participation in government of the widest possible segments of the population.

Keywords: democracy; democratic institutions; direct democracy; representative democracy.

В ст. 1 Конституции Российской Федерации отражена форма российского государства, при учреждении которой дается характеристика всех трех ее элементов: режима, государственного устройства и формы правления, при этом подчеркивая, что Россия является демократическим государством. Схожую норму, закрепляющую демократический режим как единственно возможный в современных цивилизованных государствах, включает в себя Конституция ФРГ (ст. 20), Конституция Франции (ст. 1), Конституция Испании (ст. 1) и целый ряд других государств. Современная трактовка демократии, в дословном переводе с греческого означающая «власть народа», понимается как определенный режим осуществления власти. М.Ю. Барбашин отмечает, что под демократией понимается политическая система, основанная на политическом и гражданском равноправии всех граждан, организации, основанные на равном в них участии всех её членов, а также демократические общественные движения за свои гражданские права [1]. Демократия считается сейчас идеалом развития общества, поскольку имеет немало положительных сторон:

- социальная основа – гражданское общество;
- обеспечение прав меньшинства, критика большинства, наличие своей позиции по тому или иному вопросу;
- человек рассматривается как высшая социальная ценность;
- принцип разделения властей, функционирующих по системе взаимных противовесов.

Все эти демократические принципы представляются единственно верными. Однако понимание и восприятие демократии на протяжении длительного исторического развития не всегда было таким позитивным и однозначным. Анализ трудов ряда авторов, в числе которых такие исторические личности, как Платон, Аристотель, Демокрит, Полибий, Фома Аквинский, Монтескье, Руссо, Кант и другие, позволяет проследить эволюцию развития как самого термина «демократия», так и фактическое ее воплощение в реальной жизни.

Древнегреческий ученый Демокрит считал, что заботы граждан должны быть направлены к лучшему устройству государства и управлению. В государстве должны царить гражданское единение, взаимопомощь, взаимозащита и братство. Идеал государственного устройства у Демокрита близок демократическому правлению, но содержит замечания о целесообразности правления «мудрых», ибо «глупцам лучше повиноваться, чем повелевать, так как управление государством – сложнейшее из искусств».

Достаточно интересны взгляды на демократию и у Платона. Уделяя большое внимание вопросам, связанным с понятием «справедливость», Платон, тем не менее, обосновывает и оправдывает социальное неравенство. В государстве, по мнению Платона, должно быть точное разделение труда: «справедливость – это когда каждый исполняет свое». Воплощением справедливости является идеальное государство. При этом Платон разделяет людей на группы в зависимости от их трудового вклада. К первой «низшей касте» относятся ремесленники, купцы, земледельцы; во вторую группу входят воины и защитники государства. По мнению Платона, представители данной группы могут становиться правителями государства. Третья группа – это правители, наделенные такими добродетелями, как воспитание, образование, мудрость. Каждой группе присущи свои качества: правители должны быть мудрыми, защитники – храбрыми, земледельцы – умеренными. В идеальном государстве правителями являются мудрые философы, способные устанавливать и поддерживать порядок. Идеальная форма правления – это аристократия, если правят несколько философов, или монархия, если правит один философ. Худшими формами правления являются тирания и деспотия, где у власти необученные люди.

Демократическое государство у Платона – это власть бедного большинства, свергнувшего олигархов с течением времени, вырождающаяся в тиранию. Несмотря на свое отрицательное отношение к демократии, Платон одним из первых обозначил ее основные признаки. Согласно его рассуждениям, при демократии все граждане равны и свободны, каждый имеет право на участие в государственном управлении [2].

Что касается ученика Платона – Аристотеля, то к числу лучших форм правления он относит монархию, аристократию и полицию, где правят, соответственно, один, немногие или все и власть осуществляется в интересах всех. К числу неправильных форм он относит тиранию, олигархию, демократию, поскольку ни одна из указанных форм не имеет общего интереса.

Древнегреческий историк и философ Полибий замечает, что выделение некоторыми авторами трех простых форм – царской власти, аристократии и демократии не соответствует действительности, поскольку рядом с этими формами существуют три других, которые одновременно и отличаются и похожи на них. От царской власти отличается монархия и тирания. Аристократия является лучшей формой государства, поскольку основывается на управлении справедливых и разумных людей, пришедших к власти на выборной основе. Олигархия основана на отсутствии выборности и своекорыстии людей, стоящих у власти. Хорошую демократию Полибий определяет как преобладание мнения большинства. Охлократию Полибий определяет следующим образом: «Нельзя считать демократическим устройством такое, в котором чернь может делать то, что хочет и мыслит для себя».

Перечисленные формы государственного устройства цикличны. Первой возникает монархия, которая, вырождаясь, превращается в тиранию. Власть тирана приводит к недовольству лучших граждан, которые при поддержке народа свергают тирана, и устанавливается аристократия. Но в следующем поколении аристократия вырождается в олигархию, которую свергают недовольные граждане, в результате чего устанавливается демократия. В третьем поколении демократия начинает разлагаться. Появляются лидеры – демагоги, которые развращают народ подачками. Возникает власть толпы – самая извращенная форма – охлократия. Беззаконие приводит к установлению власти самодержца, наводящего порядок. Круг замыкается и начинается сначала [3].

Созвучной воззрениям Полибия является и точка зрения Цицерона на лучшую форму государства, которая должна сочетать в себе элементы царской власти, аристократии и демократии. Подобным идеалом является аристократическая республика.

Очевидно, что античная мысль не относит демократию к лучшим формам правления, поскольку управление государством требует наличия определенных качеств, которые не присущи простому народу. При этом критика демократии у ряда античных авторов сопряжена с выделением ее положительных качеств, таких как возможность открытого обсуждения важных государственных вопросов, сочетание принципов свободы и политического равенства граждан [4].

Спустя столетия созвучные взглядам античных философов мысли были изложены доминиканским монахом Фомой Аквинским, который отмечал, что если несправедливое правление осуществляется одним человеком – это тирания, если немногими в целях своего обогащения – олигархия, если большим количеством людей – демократия – засилие народа, который подавляет богатых.

Рассуждая о справедливом правлении, Фома Аквинский выделяет полицию, при которой управление осуществляется множеством, состоящим из воинов; аристократию, при которой правление осуществляется немногими людьми, но такими, которые обладают превосходными качествами; царскую власть, при которой справедливо управляет один. Самой лучшей формой правления Фома Аквинский называет монархию, а самой худшей – тиранию.

В Эпоху Возрождения в новом русле начинают развиваться идеи, заложившие основы социализма Нового времени.

В зависимости от того, в чьих руках сосредотачивается власть, по мнению Бодена, возникают три формы государства. Демократия – государство, в котором «все или большая часть граждан, как бы они не были организованы, обладают верховной властью над всеми». При аристократии «меньшая часть граждан обладает верховной властью над всеми и над каждым в отдельности». В монархии верховная власть принадлежит одному лицу. Отдавая предпочтение наследственной монархии, демократию он сравнивает со зверем, лишенным рассудка, неспособным к позитивным поступкам, но преследующим богатых, искореняющим и изгоняющим лучших, избирающим худших [5].

Н. Макиавелли, говоря о государстве как об отношении между правительством и подданными, опирающемся на страх или любовь последних, в качестве лучшей формы правления называл республику, которая включает в себя элементы монархической, аристократической и демократической форм правления, как результат согласования стремлений и интересов борющихся социальных групп.

В своих произведениях Спиноза отмечает, что «общество может быть создано без всякого противоречия с естественным правом, а всякий договор может быть соблюден всеми». Именно в создании демократического государства Спиноза усматривает единственную возможность реального обеспечения естественных прав человека. Демократические институты способны представлять интересы всех людей. Власть фактически сливается с народом, но, оставаясь обособленной от общества силой, воплощает разумную общую волю [6].

Самым известным произведением Монтескье считается «О духе законов» (1748 г.), где он, переосмысливая античное наследие, выделяет три «образа правления»: республиканский – при котором верховная власть находится в руках всего народа или его части; монархический – управление осуществляется одним лицом на основе неизменных законов; деспотический, где управление осуществляется вне законов, по воле и произволу одного лица. Монтескье делит республики на демократические и аристократические, отмечая при этом, что аристократическая республика тем лучше, чем ближе она к демократической, и тем хуже, чем ближе к монархии. Сущность демократии в народовластии. Однако непосредственная демократия сопряжена с непреодолимыми трудностями, поскольку управлять государством все не могут. Во-первых, это невозможно технически, а во-вторых, не все обладают необходимыми для этого качествами. В этой связи наиболее приемлемым способом является демократия представительная. «Подобно тому, как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела самостоятельно» [7].

Руссо основой государства считал общее согласие граждан или «общественное соглашение», суть которого в том, что «каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого». Источник верховной власти – народная воля. Взгляды Руссо на осуществление демократии во многом созвучны взглядам Монтескье, обосновавшего возможность демократии представительной. Вместе с тем демократические идеалы Руссо нивелировали интересы личности. Руссо считал, что индивидам не стоит думать о своих личных правах, они ему практически не нужны, так как реализацией их интересов и прав будет заниматься государство.

Мэдисон, выступая за республиканскую форму правления, противопоставляет ее демократической, отмечая что «...общественные взгляды в республике ... просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливость с наибольшей вероятностью не допустят принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям. При республиканских порядках общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее, окажется сообразным общественному благу, чем при демократическом». Одной из центральных проблем любого демократического государства Мэдисон называет проблему соотношения воли большинства и прав.

Рассматривая формы правового государства, Кант лоялен как к республике, так и к конституционной монархии. При этом демократию Кант отождествляет с деспотизмом. Республика, по его мнению, организуется на основе принципов свободы членов общества, демократия же с этой свободой входит в противоречие. Для Канта главным является не форма государства как таковая, но то, что в дальнейшем получило название политического режима, т.е. совокупность методов управления.

Таким образом, до определенного временного периода демократия рассматривалась как форма правления, а вот рассмотрение демократии в качестве совокупности методов управления стало присуще политико-правовым взглядам с XIX века. В этот же период складываются различные направления политической мысли, в учениях которых предлагались различные пути достижения демократии.

Теория Руссо получила свое отражение в социалистической демократии Ленина и Сталина. Ключевыми особенностями данной концепции служат всестороннее отрицание частной собственности, замена народа рабочим классом, что в результате сказалось на том, что избирательным правом (правом голоса) обладали только рабочие, исходя из положений Декрета о выборах. Распространилась идея главенствующей роли коммунистической партии. В данном случае она играла роль руководителя в переходе к полной демократии, а именно общественному самоуправлению.

С развернутым обоснованием идеала плюралистической демократии выступал английский политический деятель Гарольд Ласки, сформулировавший понятия «плюралистическая теория государства» и «политический плюрализм» (многообразие).

Ласки критиковал марксистскую идею революционного насилия и диктатуры пролетариата как несовместимые с принципами демократии и свободного развития граждан. Но, начиная с 20-х гг., взгляды Ласки постепенно радикализируются и сближаются с марксистскими. В работе «Грамматика политики» (1925) он уже отстаивал идею верховенства государства, обеспечивающего единство общества, взаимодействие различных групп и объединений. Государство должно содействовать примирению интересов различных социальных групп, определять и стремиться к реализации общего блага. Ласки основал теорию плюралистической демократии, согласно которой государство является демократическим лишь в том случае, когда в осуществлении власти принимает участие максимально возможное множество организаций, автономных групп и т. п.

Между первой и второй мировыми войнами как антитеза модели социализма, создававшейся в Советском Союзе, вошел в обиход термин «демократический социализм». Согласно данной концепции, в современной политической системе государство – только одна из форм входящих в нее ассоциаций и не обладает особыми преимуществами. Поэтому рабочим нет необходимости бороться за завоевание государственной власти, им достаточно получить парламентское большинство в лице социалистических партий, которые будут добиваться создания благоприятных условий для утверждения социализма.

Теория «демократического социализма» повлияла на становление политических концепций в странах, освободившихся от колониальной зависимости (например, идеи «индийского образца социалистического общества» и «арабского социализма»). Менее близок к идеям «демократического социализма» «арабский социализм», в котором преобладает религиозный фактор над социальным.

Один из основателей и первый Президент Китайской республики Сунь Ят-Сен сформулировал три основных принципа, на которых должно основываться государство. Первый принцип – национализм, заключающийся в возможности нации самой определять путь своего развития, вплоть до права на самоопределение. Второй – принцип народовластия, заключающийся в возможности установления республиканской формы правления и утверждении демократического режима. Третий принцип – принцип народного благоденствия, заключающийся в уравнивании прав, начиная с фактической национализации земли и ограничения монополий. В монархии видел тормоз развития общества и государства, и только республиканская форма способна преодолеть смуты и междоусобицу и гарантировать всем членам общества равенство. Условием существования свободы и равенства выступает демократия.

При этом он выступал с критикой западных демократий, подчеркивая высокий уровень коррупции и бюрократии. Власть, по мнению Сунь Ят-Сену, должна быть разделена на пять ветвей: законодательную, исполнительную, судебную, контрольную и экзаменационную. Население должно быть наделено политическими правами: правом избирать, правом отзывать, правом инициативы и правом референдума. Основа демократии, по мнению Сунь Ят-Сена, заключается в возможности формирования местного самоуправления.

В XX веке появляется концепция «новой демократии», основоположником которой становится Мао Цзэдун. Согласно данной концепции, в остальных странах возможно установление демократической диктатуры народа как формы диктатуры пролетариата.

Мао выделял следующие формы государственного строя: 1) республики буржуазной диктатуры; 2) республики пролетарской диктатуры; 3) республики диктатуры союза нескольких революционных классов. Первый тип Мао называет старой демократией; там демократией «уже и не пахнет»; «они превратились или превращаются в государства кровавой военной диктатуры буржуазии». Второй тип существует в СССР, и ему принадлежит будущее. Третья форма – переходная, созданная революциями. Это государства новой демократии, где антиимпериалистические классы объединятся для совместной диктатуры. Мао оговаривал, что органы государственной власти должны избираться собраниями народных депутатов всех ступеней. Новую систему власти Мао называл демократическим централизмом. «Государственный строй – диктатура союза всех революционных классов, форма организации власти – демократический централизм. Таков политический строй новой демократии».

В своей «Зеленой книге» Кадаффи попытался предложить альтернативу как коммунизму, так и капитализму. Основа данной альтернативы заключалась в формировании подлинно демократического общества на основе ислама. Кадаффи выступает за прямую демократию – Джамахирию, которая фокусируется на авторитете народа, отказывается от представительства или делегирования полномочий и признает необходимость организации людей на более низких уровнях общества.

Современное осмысление демократии подразумевает, что власть формируется на выборной основе, является сменяемой и подконтрольной институтам гражданского общества, она не должна быть сконцентрирована в одних руках. Поэтому власть имеет различные уровни – региональные и местные. Именно они осуществляют непосредственное взаимодействие с населением и призваны учитывать его пожелания и чаяния в

своей деятельности, руководствоваться ими. Любой гражданин, проживающий на данной территории, имеет право прямого взаимодействия с представителями власти. Современная демократия может быть представлена в двух основных формах: прямой (непосредственной) и представительной.

Прямая демократия, так же, как и представительная, возможна на разных уровнях. Воплощение представительной демократии возможно при создании соответствующих выборных органов как государственной власти, так и местного самоуправления, состоящих из депутатов и обладающих правом представлять интересы граждан населения; способных принимать от его имени решения, действующие на территории компетенции. Прямая демократия предполагает самостоятельное решение определенных вопросов населением. Представительная демократия организуется посредством создания выборных органов различного уровня.

Однако, несмотря на существование различных демократических институтов как непосредственной, так и представительной демократии практически во всех развитых государствах, именно «недостаточностью» демократии были обоснованы охватившие мир «цветные революции», в ходе которых демонстрировалось крайне негативное отношение к органам государства (особенно к высшим). Это нашло свое выражение в создании во всех странах целой системы национальных консультативных и государственных контрольных органов с участием представителей различных группировок общественности, характеризующихся как национальные органы «для поддержки демократии» (ст. 132 Конституции Туниса) [8], а также изменении политических режимов.

Таким образом, демократия в современном ее понимании – тот вариант режима власти, для которого характерно достижение консенсуса между всеми слоями и общественными объединениями, представляющими государство, при постоянном стремлении расширения возможностей участия в управлении государством максимально широких слоев населения. Отношение к демократии за прошедшие столетия трансформировалось от неприятия, но допущения до признания оптимальной и единственной возможной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбашин М.Ю. Институциональная демократия и социальные дилеммы: опыт постсоветских трансформаций. М., 2011. С. 89.
2. Еникеев А.А., Приходько Е.Г. Понятие и сущность демократии в античной философии // Эпомен. 2020. № 46. С. 14-20.
3. Тыжов А.Я. Полибий и его «Всеобщая история». СПб.: Наука, Ювента, 1994. С. 23.
4. Сытин А.Г. Становление и особенности осмысления проблематики демократии в античной общественной мысли // Философия и общество. 2006. № 1 (42). С. 145-165.
5. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. С. 149.
6. Галкин И.В. Правовое отчуждение в политической философии Бенедикта Спинозы // Государство и право. 2012. № 8. С. 123-126.
7. Воронцов Е.А. Политическое учение Ш.Л. Монтескье // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2013. № 4 (16). С. 85.
8. Чиркин В.Е. Новеллы конституционного правопорядка: опыт «цветных революций» и «арабской весны» // Право и современные государства. 2017. № 2.

УДК 340.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Майорова Светлана Анатольевна. Доцент кафедры административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородская академия МВД России.

Служебный адрес: 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

В настоящей статье исследуются теоретические аспекты корпоративного права. Определяется место корпоративного права в системе российского права, признаки норм корпоративного права, его функциональное назначение. Также рассматриваются дискуссионные теоретические подходы к определению понятия корпоративного права и виды корпоративных норм. Обозначаются требования, предъявляемые к корпоративным нормам. Автор предпринимает попытку устранения терминологических неточностей при определении понятия корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративные нормы; корпоративное правотворчество; локальные нормы; корпоративное право.

SOME ASPECTS OF CORPORATE LAW: DOCTRINE AND PRACTICE

Mayorova Svetlana Anatolyevna. Assistant professor of the chair of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences, associate professor.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 603950, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse 3.

This article examines the theoretical aspects of corporate law. The place of corporate law in the system of Russian law, the signs of corporate law norms, its functional purpose are determined. Debatable theoretical approaches to the definition of corporate law and types of corporate norms are also considered. The requirements for corporate standards are indicated. The author attempts to eliminate terminological inaccuracies in the definition of corporate law.

Keywords: corporate norms; corporate law-making; local norms; corporate law.

Правовое пространство России представлено совокупностью различных правовых предписаний, исходящих от субъектов, обладающих различной компетенцией. Это нормы, созданные федеральным законодателем, законодателями субъектов федерации; нормы, содержащиеся в актах органов местного самоуправления и иные. Наряду с указанными видами норм активно применяются и реализуются так называемые корпоративные нормы.

Сам термин «корпоративные нормы» широко используется в юридической литературе, однако его содержательная составляющая разными авторами трактуется по-

разному. Можно утверждать, что на сегодняшний день доминируют два основных подхода к трактованию термина «корпоративные нормы»: широкий и узкий.

Представители узкого подхода считают, что корпоративные нормы представляют собой регуляторы отношений, складывающихся в организациях, осуществляющих хозяйственную деятельность. Подобную точку зрения, в частности, разделяют такие правоведы, как Т.В. Кашанина, О.А. Макарова, утверждая, что в ряде случаев государством презюмируется право хозяйственных организаций на создание обязательных правил поведения, распространяющихся на членов этой организации.

М.Н. Марченко, Р.Б. Головкин, являясь представителями широкого подхода, под корпоративными нормами понимают такие регуляторы, которые складываются «внутри общественных организаций, трудовых коллективов, в учебных заведениях, предпринимательских союзах, которые содержатся в документах некоммерческих, негосударственных корпораций – общественных объединений, а также коммерческих корпораций» [1].

Как представляется, именно широкий подход отличается большей жизнеспособностью, поскольку в регулировании нуждается и имеет его не только сфера производственно-хозяйственных отношений, но и непромышленная сфера, которая в равном объеме интегрирована в многообразные общественные отношения.

Существующие теоретические наработки по теме корпоративных норм, как справедливо замечает А.Б. Козырева, «не отражают практическую действительность современных корпоративных норм. Существуют следующие «тормозящие» научное развитие корпоративных норм факторы: «советское наследие» со своим «локальным» подходом к нормам организаций; путаница в терминах «корпоративные» и «локальные»; непризнание правового характера корпоративных норм; отождествление корпоративного и акционерного права; смешивание законодательных норм, применимых к корпоративным организациям, и норм, устанавливаемых корпоративными организациями самостоятельно; а также другие факторы, которые представляют собой уже «отработавшую» и не укладывающуюся в современную деятельность корпоративных организаций теорию» [2].

Вместе с тем корпоративные нормы, составляя часть правового пространства нашего государства, должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, органично вплетенного в право отечественное; должны соответствовать общеправовым принципам, в числе которых законность, предполагающая в указанном контексте наделение правотворческого органа соответствующим объемом компетенции, гуманизм – не допускающий унижения человеческого достоинства, равенство граждан и иные.

На основе вышеуказанных принципов сформированы не только традиционные отрасли права, такие как конституционное, уголовное, административное и иные, но и формируются новые отрасли, отвечающие запросам современных общественных отношений, такие как адвокатское, банковское, инвестиционное, информационное, коммерческое, конкурсное и, конечно, корпоративное право.

Нормы корпоративного права, выступая частью целого, имеют в себе все признаки целого, присущего нормам права. Так, корпоративная норма как любая иная норма права является, прежде всего, формально-закрепленным регулятором, в котором закрепляются права, обязанности и ответственность участников правовых отношений. При этом нормам корпоративного права присущи не только негативные, но и позитивные санкции. Нормативность корпоративных предписаний предопределяется цикличностью и постоянством возникающих корпоративных правоотношений. Как следствие, необходимость формального закрепления корпоративных норм имеет объективный характер. Кроме того, корпоративным нормам присуща системность, обязательность для

адресатов, формальная определенность. Но существенным отличием норм корпоративного права является то, что они исходят не от государства, а являются продуктом деятельности негосударственных органов. Подобная тенденция в правотворчестве является закономерным результатом происходящих в России фундаментальных демократических преобразований, вследствие которых государство утратило свою гегемонию на правотворчество.

Весьма подробно освещает вопрос корпоративных норм А.Б. Козырева. Автор в первую очередь обращает внимание на терминологическую проблему: «В юридической литературе и правотворческой практике, – пишет А.Б. Козырева, – наиболее часто встречаются следующие два термина: «локальные нормы» и «корпоративные нормы». Из этого следует, что к одному явлению применяется несколько терминов» [2]. Далее ею приводятся существующие в отечественной юридической мысли подходы по данному вопросу:

- термины «локальные» и «корпоративные» тождественны;
- термин «локальные» включает в себя термин «корпоративные»;
- каждый в отдельности термин – и «локальные», и «корпоративные» – имеет самостоятельное значение.

Следует согласиться с мнением о самостоятельности терминов «локальные» и «корпоративные», согласно которому корпоративные нормы – это целый пласт внутренних правил поведения, регулирующих разные виды правоотношений. Термин же «локальные» и вовсе является весьма архаичным и уже не вписывается в современные правовые реалии [3].

Значимой особенностью корпоративного нормотворчества является сведенное к минимуму государственное участие в создании корпоративных норм. Такого рода участие можно охарактеризовать как опосредованное, не прямое. Вышеобозначенное свойство корпоративного нормотворчества носит в условиях рыночной экономики объективный характер, поскольку прямое участие государства существенно увеличивает коррупционные риски и ведет к разрушению рыночных отношений.

Вместе с тем говорить о том, что государство совсем не принимает участия в развитии корпоративного права, было бы в корне неверно. Утверждая подобное, следовало бы сделать логический вывод о неспособности государства регулировать достаточно значимые для общества общественные отношения. В данном конкретном случае прямое невмешательство имеет иную природу. Именно государство создает рамки и стандарты, которые могут конкретизироваться и уточняться в ходе корпоративного нормотворчества. Но такого рода очерчивание правовых рамок не ограничивает корпорации в создании наиболее приемлемых для себя норм, способных иметь функциональную эффективность. В этой связи можно согласиться с Л.А. Алексеевой, утверждающей, что правотворчество является активным, творческим и государственным видом деятельности [4].

Искусственное, исходящее исключительно от государства создание правовых норм, безусловно, возможно, но тогда следует вести речь о тоталитаризме.

Однако в реалиях сегодняшнего дня создание правовых корпоративных норм исключительно государственными органами является не просто нецелесообразным, но и фактически неосуществимым ввиду невозможности со стороны государства проанализировать, охватить и нормативно закрепить разнонаправленные интересы, имеющиеся у всего многообразия коммерческих объединений. Так, например, по данным Росстата, число предприятий и организаций на 10 000 человек населения на 1 января 2020 года на большей территории России составило 191,6 – 260,0; самый высокий показатель зафиксирован в Калининградской области – 413,0 – 568,2 [5].

Таким образом, корпоративная норма представляет собой результат сознательной волевой нормотворческой деятельности специально уполномоченных субъектов или органов корпорации. Нормы корпоративного права представляют собой аккумуляцию совпадающих волей и интересов отдельных групп лиц, всего коллектива или субъектов управления, отраженную в корпоративных актах конкретной организации, корпорации. Возникающие вследствие принятия корпоративных норм противоречия между отдельными субъектами корпорации, фактическое непринятие корпоративных ими норм не обязательно приводит к изменению самих норм. В таких ситуациях возможно изменение статуса участника таких корпоративных правоотношений посредством выбытия из состава корпорации.

Как справедливо отмечает А.Б. Козырева: «По отношению к обеспечению права государственным принуждением корпоративные нормы имеют двойственный подход. С одной стороны, корпоративные нормы могут обеспечиваться силой государственного принуждения (например, нарушитель обжалует примененную к нему санкцию в суде, и государство в лице суда выносит окончательное решение о правильном понимании санкции), с другой стороны, данная обеспечительная мера носит больше дополнительный характер, чем основной. Чаще всего корпоративная организация, устанавливающая свои собственные внутренние правила и санкции за их нарушение, сама справляется с их нарушителями через свои собственные механизмы принуждения» [2].

Данные позиции представляются наиболее верными и отвечают современным реалиям. Начиная формироваться судебная практика по «защите» корпоративных норм об этом свидетельствует.

Так, суд, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску А.В. Заикина к АО «ДРСК» в лице филиала АО «ДРСК» «Амурские ЭС» об оспаривании приказа о наложении дисциплинарного взыскания, взыскании компенсации морального вреда, установил следующее.

Приказом № 160-А от 1 июня 2020 года истец привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора за нарушение Кодекса корпоративного поведения работников АО «ДРСК», а именно за неуважительное отношение к коллегам, грубость и допущенное оскорбление руководителя ГРП – Т.Г. Соловьевой. С приказом о применении дисциплинарного взыскания не согласен, считает его незаконным.

Судом установлено, что в АО «Дальневосточная распределительная сетевая компания» утвержден Кодекс корпоративного поведения работников АО «ДРСК» К-ИСМ-6.2-1.12-02-01, введенный в действие приказом от 18 декабря 2017 года № 411, из которого следует, что он адресован и распространяется на всех работников общества. Поступая на работу в общество, каждый работник знакомится с текстом кодекса, принимает и разделяет его принципы, осознает обязательный характер их исполнения в рамках своей профессиональной деятельности. Согласно пп. 4.2.7 и 4.2.9 Кодекса, работники общества должны строго соблюдать нормы трудовой, профессиональной этики и правила делового поведения; проявлять вежливость, доброжелательность, корректность, внимательность и терпимость в обращении со своими коллегами, контрагентами, потребителями, заявителями и другими заинтересованными лицами общества.

В силу п. 6.2 Кодекса корпоративного поведения работникам общества необходимо исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и каждый гражданин имеет право на защиту чести, достоинства, своего доброго имени.

Работникам необходимо воздерживаться от: грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений (п. 6.3.2); угроз, оскорбительных выражений или реплик, дей-

ствий, препятствующих нормальному обращению или провоцирующих противоправное поведение (п. 6.3.3).

Судом по ходатайству представителя ответчика в судебном заседании в качестве свидетелей были опрошены ... которые подтвердили факт грубого, неуважительного отношения А.В. Заикина к коллегам, высказывания оскорблений в адрес руководителя группы рабочего проектирования Т.Г. Соловьевой., факт допуска нецензурных слов в ее адрес.

Оценив по правилам ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации представленные доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу, что у работодателя имелись основания для привлечения истца к дисциплинарной ответственности в виде выговора.

Истцу в удовлетворении исковых требований к АО «ДРСК» в лице филиала АО «ДРСК» «Амурские ЭС» о признании незаконным Приказа № 160-д от 1 июня 2020 года филиала АО «ДРСК» «Амурские ЭС» о наложении дисциплинарного взыскания, взыскании компенсации морального вреда в сумме 50000 рублей отказать [6].

Заслуживает внимания точка зрения Т.В. Кашаниной касательно того, что подготовка корпоративных нормативных актов – дело не простое, ведь, чтобы быть действенным регулятором, они должны отвечать определённым требованиям, а именно:

- корпоративные нормативные акты должны отражать объективную реальность;
- корпоративные нормативные акты должны иметь определенную структуру, а не представлять собой хаотичный набор нормативных положений;
- корпоративные нормативные акты должны быть доступными для понимания всех членов корпорации, ее работников;
- корпоративные нормативные акты должны иметь все обязательные реквизиты (указание на вид корпоративного акта, наименование акта, дата принятия акта, подписи должностных лиц, номер акта) [7].

Значение корпоративной нормы через призму общеправового регулирования видится в реально созданной возможности урегулировать узконаправленные, зачастую коллективно обусловленные интересы определенной корпорации, которые нецелесообразно регулировать не только на государственном, но и на региональном уровне.

Учитывая то, что нормы корпоративного права создаются изнутри и имеют, как правило, объективный характер, их регулятивный функционал достаточно высок. Вместе с тем корпоративное право не лишено недостатков. Однако системное рассмотрение дефектов корпоративного нормотворчества на данном этапе познания представляется достаточно затруднительным. Причиной тому разрозненность источников корпоративного права, несогласованность участников корпоративного нормотворчества, отсутствие доктринальных научных разработок по этому направлению. В этой связи особой значимостью обладает поддержка функционирования корпораций, в том числе и в сфере нормотворчества.

Поддержка со стороны государства происходит как прямо, так и косвенно. Прямая поддержка – это предоставление льгот, рассрочек, кредитов; косвенная – повышение требований к конкурентам, осложняющим «жизнь» корпорации-монополиста.

Конечно, без государственной поддержки в условиях кризиса многим (в первую очередь малым) корпорациям «не выжить». Однако такая поддержка должна иметь строгую адресность и ответственность корпораций за конечный результат. Но достижение подобного пока мыслится только в перспективе. На практике же государственная поддержка носит импульсный характер.

Таким очередным импульсом послужила пандемия COVID-19 [8]. В период пандемии коронавирусной инфекции российское государство приняло меры поддержки

бизнеса – как оперативного, так и долгосрочного характера. Среди них: налоговые послабления, создание в Государственной Думе Российской Федерации Комиссии по вопросам поддержки малого и среднего предпринимательства, упрощение регистрации новых лекарств, мораторий на плановые проверки малого бизнеса, отсрочка по налогам и страховым взносам для пострадавших на фоне пандемии коронавируса отраслей, гособеспечение кредитов на зарплаты, обеспечение гибкости бюджетного процесса, отсрочка переоформления разрешительных документов, авансы по госконтрактам, госгарантии для пострадавших от коронавируса предприятий, возмещение затрат туроператорам, субсидии в размере 23,4 млрд. рублей на поддержку российских авиакомпаний и иные меры [9].

В системе механизма правового регулирования корпоративная норма выступает предпосылкой к реализации – использованию предоставленных прав или исполнению возложенных обязанностей, в том числе претерпеванию юридической ответственности. В этой связи государство не может и не имеет права абсолютно полагаться на чувство ответственности корпораций; нужны официально узаконенные нормы там, где корпорации стремятся к неформальному либо скрытому нормотворчеству.

С развитием информационных технологий корпоративная документация стала более доступной для ознакомления рядовым гражданам. Отчасти серьезная компания стремится максимально освещать свою деятельность посредством размещения информации на соответствующих интернет-ресурсах. В первую очередь это, конечно же, официальный сайт организации, а в последнее время социальные сети выступают вспомогательными информационными площадками. Появилось целое самостоятельно направление – продвижение бизнеса в социальных сетях. Такое продвижение представляет собой «совокупность мер, направленных на привлечение потенциальной целевой аудитории, удержание уже существующей и поддержание популярности с помощью коммуникаций с клиентами, партнерами и спонсорами. Значение продвижения в социальных сетях за последние несколько лет возросло настолько сильно, что его выделили в отдельную отрасль маркетинга – Social Media Marketing (SMM)» [10].

Полагаем, что необходима и полезна законодательная фиксация базовых корпоративных терминов и понятий, отдельных средств и технологий. Действительно, многие корпорации включают в себя ограниченный круг субъектов, но это не означает, что государство не вправе зафиксировать имеющимися у него способами отдельные технико-юридические средства. Это находит отражение и в законодательных нормах. Так, статья 2 Федерального закона «Об электронной подписи» среди основных понятий, используемых в данном законе, содержит определение корпоративной информационной системы: «информационная система, участники электронного взаимодействия в которой составляют определенный круг лиц» [11].

В целом со стороны законодательной власти должно произойти трансформирование интереса к контролю корпоративного нормотворчества.

Государство не только вправе признавать правовой характер корпоративных норм, но оно также обязано, с общесоциальной позиции (и это одна из нарождающихся его функций), санкционировать, то есть признавать допустимыми (безвредными) для использования корпоративные нормы. Именно благодаря государственному санкционированию корпоративные нормы обретают статус правовых, а в сознании участников корпоративных правоотношений – социально ценных и полезных регуляторов. Этим обеспечивается стабильность социального взаимодействия, безопасность для окружающего социума функционирования существующих и вновь образуемых корпораций.

Социально вредные корпоративные нормы (а значит и корпорации, их принимаемые) должны подлежать ликвидации, изъятию, удалению из правового пространства.

Среди направлений совершенствования реализации корпоративных норм выделяются: активизация практики государственного поощрения корпоративного нормотворчества путем разрешений и допусков; контроль за процедурой корпоративного нормотворчества, введение запретов на принятие и реализацию определенных норм (коррупционных, неписаных); легализация корпоративной ответственности; активное внедрение в корпоративную практику Кодекса корпоративного управления; законодательная фиксация базовых корпоративных терминов и понятий, отдельных средств и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапаев Д.Ю. Взаимодействие права и корпоративных норм (на примере регулирования организации деятельности коллективов сотрудников ОВД и ФСИН РФ): автореф. дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 14-15.
2. Козырева А.Б. Современный подход к понятию и правовой природе корпоративных норм // Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях: монография / под ред. Н.Л. Лютова. М.: Буки Веди, 2016. 196 с.
3. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. С. 322.
4. Алексеева Л.А. Правотворчество в современной России: теория и реальность // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. 2021. С. 221-225.
5. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pio120.png>
6. [Электронный ресурс]. Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) № 2-4895/2020 2-4895/2020~М-4087/2020 М-4087/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-4895/2020-Г. URL: // sudact.ru/regular/doc/FoLKDthemc1C/.
7. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество): учебное пособие. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 160–162.
8. Пандемия COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_COVID-19.
9. Поддержка бизнеса в период распространения коронавируса: что сделано. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48315/>.
10. Култышева О.М., Шушарина А.В. Специфика продвижения бизнеса в социальных сетях [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prodvizheniya-biz-nesa-v-sotsialnyh-setyah/viewer>.
11. Об электронной подписи: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апреля.

УДК 340.12

ЛЕГИТИМНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК КРИТЕРИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Фомичев Андрей Андреевич. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Статья посвящена критерию возникновения первичных полицейских образований в структуре общества и государства. Анализируются подходы ученых к исследованию данного вопроса, приводятся аргументы в пользу недостаточности выбранных ими критериев. В качестве оптимального критерия предлагается и обосновывается легитимное принуждение. Рассматриваются особенности возникновения и развития легитимного принуждения на различных исторических этапах существования общества и государства. Раскрывается закономерная связь между легитимным принуждением и полицейскими образованиями.

Ключевые слова: легитимное принуждение; государство; полиция; полицейские образования; образование государства.

LEGITIMATE COERCION AS A CRITERION FOR THE EMERGENCE OF POLICE FORMATIONS IN THE STRUCTURE OF SOCIETY AND THE STATE

Fomichev Andrey Andreevich. Teacher of the chair of Criminology and Preliminary Investigation. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article is devoted to the criterion of the emergence of primary police formations in the structure of society and the state. The approaches of scientists to the study of this issue are analyzed; arguments are given in favor of the insufficiency of the criteria chosen by them. Legitimate coercion is proposed and justified as an optimal criterion. The features of the emergence and development of legitimate coercion at various historical stages of the existence of society and the state are considered. The natural connection between legitimate coercion and police formations is revealed.

Keywords: legitimate coercion; the state; the police; police formations; the formation of the state.

В современную эпоху постмодернизма, глобализации и интеграции социальных процессов мир стремительно теряет прежние рамки и координаты оценки происходящих событий. Несмотря на провозглашенное господство концепций гуманизма и либерализма в мировой политике, государства все чаще сталкиваются с новыми вызовами, угрозами и опасностями. Констатируя наличие цивилизационного кризиса, определя-

ющего существование человека на Земле, президент России В.В. Путин в то же время указывает: «Мы живем в эпоху перемен. Мир столкнулся с одновременными системными изменениями по всем направлениям. Мы должны осознавать опасность и быть готовыми ей противостоять. Пандемия доказала, как хрупко наше сообщество, насколько уязвимо» [1].

Устоявшиеся институты и формировавшиеся веками нормы и правила утрачивают свое значение. Под потоками противоречивой информации общество раскалывается на разнородные группы. Значимость государства все чаще оспаривается, а его структура непрерывно изменяется, подстраиваясь под стремительные общественные перемены. В этой связи затянувшееся реформирование органов внутренних дел нуждается в рефлексии и четком осознании собственной сущности.

Чтобы выявить сущность явления, необходимо рассматривать его с момента возникновения, то есть раскрыть генезис, определить изменяемые и неизменные характеристики.

Выявляя сущность органов внутренних дел, прежде всего, важно подчеркнуть закономерный характер их возникновения. Как отмечает С.П. Матвеев, в том или ином виде полиция существует во всех государствах и у всех народов по объективным причинам, обусловленным законами развития общества [2, с. 106].

Исследователи истории органов внутренних дел (полиции), как правило, связывают начало их формирования с рождением государства, при этом в качестве критериев определения полицейских образований выступают наличие системы пресечения и раскрытия преступлений [3, с. 37], функции государства по обеспечению внутренней упорядоченности общественной жизни [4, с. 3], полицейской деятельности государства [5, с. 10].

Так, Р.С. Мулукаев указывает, что атрибутом любого государства является система раскрытия и пресечения преступлений. Она обеспечивает стабильность и нормальное функционирование государства, а ее институциональным выражением выступают органы внутренних дел (полиция) [3, с. 37]. А.Е. Епифанов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев также отмечают, что вместе с рождением государства возникает его функция по обеспечению внутренней упорядоченности общественной жизни. Осуществляет данную функцию специальный аппарат, усложняющийся и складывающийся по мере развития в целостную систему, имеющую название «органы внутренних дел» [4, с. 3]. Обращаясь конкретно к отечественной истории, Н.С. Нижник и Е.С. Гугасари аналогичным образом признают началом полицейской деятельности момент возникновения российской государственности [5, с. 10].

Частично соглашаясь с вышеуказанными мнениями исследователей о зарождении полиции, необходимо сделать ряд пояснений.

Во-первых, выбранные учеными критерии возникновения полицейских образований изначально ограничивают предмет исследования рамками существования государства. Его наличие предполагается, когда речь идет и о системе пресечения и раскрытия преступлений, и о полицейской деятельности государства, и о государственной функции по обеспечению общественного порядка. Однако полицейская деятельность, как и упорядочивание общественной жизни, осуществляется не только в период существования государства, но и до его возникновения. Следовательно, обозначенные критерии формирования полицейских образований следует признать не вполне верными.

Во-вторых, искомый критерий, с методологической точки зрения, должен быть наиболее широким, охватывающим все возможные этапы существования полиции.

В-третьих, критерий возникновения полицейских образований должен выступать сущностной характеристикой или признаком полиции, либо быть тесно связан с ними.

Обозначенные методологические требования к критерию, определяющему наличие полиции в структуре общества, позволяют более обоснованно и полно понять природу и сущность данного феномена, выявить его сущностные характеристики, место и роль в обществе и государстве.

Искомым критерием, соответствующим указанным методологическим требованиям, целесообразно признать легитимное принуждение, охраняющее и обеспечивающее действие общественных норм и правил поведения (далее – легитимное принуждение). Под легитимным принуждением понимается осуществляемое уполномоченным субъектом психическое и (или) физическое воздействие на социальный объект с целью выполнения им официальных требований (санкционированных обществом или его управленческим аппаратом). Не ограничиваясь рамками существования государства, данный критерий распространяется и на догосударственный период. При этом он связан с сущностью полицейских образований и потому наиболее объективно способен сообщить об их наличии в структуре общества на всех этапах его существования.

Последовательно сменяя и взаимодействуя друг с другом, различные формы общества (семья, род, племя, союз племен) с самого начала уже содержат в себе зачатки легитимного принуждения. Оно неотъемлемо от принятых обществом норм и правил поведения, так как выступает инструментом их обеспечения. Без него социальные стандарты остаются лишь пожеланиями, не имеющими средств реализации. Следовательно, любое общество, имеющее и вырабатывающее социальное нормирование, содержит и зачатки полиции, однако не везде допустимо говорить о ее институциональном выражении.

Простейшие формы общества, такие как союз семейственный и родовой, не имея достаточной социальной дифференциации в своей структуре, сочетают множество функций и социальных ролей в одном лице – главе семьи или старейшине рода [6, с. 150]. Остальные члены общества здесь равны, и, несмотря на их различные обязанности, об обеспечении кем-либо из них норм и правил поведения на постоянной основе говорить преждевременно, так как последние не только охраняются и поддерживаются, но и вырабатываются всем обществом. Значит, каждый заинтересован в их соблюдении. Как указывает Г.Ф. Шершеневич, соблюдение таких норм охраняется давлением общественной среды, не допускающей никаких уклонений от их точного выполнения [7, с. 435]. Соответственно, потребность в отдельных лицах, обеспечивающих реализацию нормативных стандартов, в рассматриваемых формах общества отсутствует.

Устойчивая потребность в обеспечении вырабатываемых социумом стандартов поведения возникает в племенной, а затем усиливается и активно проявляется в союзно-племенной форме общества. Вместе с развитием экономических отношений и увеличением численности населения дифференцируется как общество, так и интересы его членов. Порождаемое объединением родов и племен слияние нормативных систем обуславливает систематическое столкновение интересов членов нового (объединенного) социального образования. По данному поводу Р.А. Ратнер-Штенберг, Е.Л. Петри, Ф.И. Павлова отмечают: «Господствующий народ имеет обыкновено более сильную политическую организацию, подавляющую народ более слабый; параллельно с ней идет и более развитая религия, которая, естественно, становится господствующей» [8, с. 19]. В этой связи возникают и учащаются факты неприятия и отторжения новых социальных стандартов, что становится причиной институционального выделения «за-

родыша полиции» – лиц, санкционируемых обществом или его административным элементом на осуществление легитимного принуждения.

Далее в процессе исторического развития общества с усилением социальной дифференциации и увеличением населения значимость легитимного принуждения возрастает, что непосредственно отражается на его институциональном выражении: расширяется аппарат полицейских образований, усиливается их функциональная специализация, деятельность осуществляется на постоянной основе.

Так, рост общественной группы и ее разнородности приводит к увеличению числа правил, создаваемых для сохранения сплоченности населения [7, с. 435]. Разделение таких правил на различные категории обуславливало особую реакцию при их нарушении со стороны как общества, так и его представителей, наделенных властью. Например, как отмечают Р.А. Ратнер-Штенберг, Е.Л. Петри, Ф.И. Павлова, дурной поступок – это то, что общество как целое считает противоестественным, а преступление – деяние, строго порицаемое и сурово наказуемое существующей властью [8, с. 2].

Довольно распространен был принцип самоуправства, самопомощи в тех случаях, когда нарушение правил затрагивало личные интересы. Их защита опиралась на силу, и только при осознании ее недостаточности происходило обращение к общественному суду или власти. Впоследствии властью был образован самостоятельный суд, решения которого поддерживались более энергичными средствами [7, с. 435-437].

Опираясь на легитимное принуждение и его институциональное выражение, роль властных элементов с течением времени возрастала и становилась все ощутимее. Постепенно данные элементы сливаются в единый аппарат, уже не являющийся частью общества, а стоящий над ним. Он вырабатывает собственные обязательные для всех нормы и правила, которые носят официальный характер, имеют доминирующее значение и которые вполне могут противоречить стандартам, принятым в обществе. Так образуются государство и право. Здесь легитимное принуждение приобретает новую, а именно государственную форму. Это влечет изменения и в его институциональном выражении, обретающем характер государственных полицейских образований.

В дальнейшем эволюционном движении общества, государства и права, на каждом историческом этапе параллельно происходит развитие легитимного принуждения, все более дифференцирующегося в своих разнообразных формах и институциональных проявлениях, в том числе в органах внутренних дел.

Обобщая изложенное, следует сделать ряд выводов:

1. Одним из наиболее информативных критериев возникновения полицейских образований в структуре общества и государства следует признать легитимное принуждение, составляющее сущностную характеристику полиции.

2. Легитимное принуждение и, соответственно, полицейский элемент впервые возникают еще до образования государства, а именно в тот момент, когда имеется достаточная степень упорядоченности общественных отношений, политической организации и дифференциации социальной структуры, предполагающих наличие аппарата управления, функциональной специализации членов общества, нормативной системы и выработки средств ее обеспечения.

3. В процессе исторического развития общества на догосударственном этапе значимость легитимного принуждения постоянно возрастает, что непосредственно отражается на его институциональном выражении: расширяется аппарат полицейских образований, усиливается их функциональная специализация, деятельность характеризуется постоянством.

4. Легитимное принуждение и его институциональное выражение в лице полицейских образований становятся одной из важнейших предпосылок образования государства.

5. В государстве легитимное принуждение приобретает новую форму, которая институционализируется в государственных образованиях, прежде всего, полицейской направленности.

6. На каждом историческом этапе государственного развития одним из институциональных проявлений легитимного принуждения является полиция (органы внутренних дел).

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Путин выступил на Валдайском форуме // Рос. газ. 2021. 21 октября.

2. Матвеев С.П. Эволюция полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1. С. 99-113.

3. Мулукаев Р.С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 37-41.

4. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. М.: NOTA BENE МедиаТрейд Компания, 2005. 336 с.

5. Нижник Н.С., Гугасари Е.С. Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 10-19.

6. Мэйн Г. Древний закон и обычай: исследования по истории древнего права. М.: Красанд, 2011. 312 с.

7. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. 494 с.

8. Ратнер-Штенберг Р.А., Петри Е.Л., Павлова Ф.И. Народы Мира в нравах и обычаях. Петроград: изд-во П.П. Сойкина, 1816. 724 с.

**Административное право;
административный процесс**

УДК 351.81

**К ВОПРОСУ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ,
КОТОРЫЕ НЕ ПОДЛЕЖАТ ВКЛЮЧЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
СТАТИСТИЧЕСКУЮ ОТЧЁТНОСТЬ**

Афонин Вадим Вячеславович. Старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих в области обеспечения безопасности дорожного движения, а именно при ведении государственной статистической отчетности по дорожно-транспортным происшествиям. Анализируется действующее законодательство в области дорожного движения и регламентирующее ведение учета дорожных происшествий. Поднимается вопрос о важности решения проблемы, связанной с серьезным ростом количества дорожно-транспортных происшествий. Автором проведен анализ статистических данных разных видов дорожно-транспортных происшествий, перечислены те дорожные происшествия, которые не входят в перечень подлежащих включению в государственную статистическую отчетность. Кроме того, выявлены причины совершения дорожных аварий и предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; аварийность; модель ДТП; транспортное средство; статистическая отчетность.

**ON THE ISSUE OF ROAD ACCIDENTS THAT ARE NOT SUBJECT
TO INCLUSION IN THE STATE STATISTICAL REPORTING**

Afonin Vadim Vyacheslavovich. Senior teacher of the chair of the Organization of the Traffic Police Activities. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article is devoted to the consideration of problems arising in the field of road safety, namely in the management of road traffic accidents. The current legislation in the field of road traffic and regulating the recording of road accidents are analyzed. The question is raised about the importance of solving the problem associated with a serious increase in the number of road accidents. The author analyzed statistical data on various types of road accidents, lists those road accidents that are not subject to inclusion in state statistical reports. In addition, the causes of road accidents were identified and ways to solve the indicated problems were proposed.

Keywords: road accident; accident rate; road accident model; vehicle; statistical reporting.

Обеспечение безопасности дорожного движения в нашей стране является важной проблемой, которой государство уделяет постоянное внимание посредством внесения изменений в действующее законодательство, регламентирующее деятельность в области дорожного движения, а также принимая новые документы правового характера в этой области [1].

Количество транспортных средств и лиц, желающих обучиться искусству управления автомобилем, постоянно увеличивается. Безусловно, транспорт (и личный, и общественный) оказывает неоспоримую услугу населению. В то же время он является источником высокой опасности. В нашей стране отмечается ежегодный рост количества дорожно-транспортных происшествий, однако отрадно отметить, что число пострадавших и погибших в них участников снижается. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, вследствие дорожно-транспортных происшествий (ДТП) ежегодно погибает 1,3 млн. человек. В России в 2020 году погибло около 16 тыс. человек. И с каждым годом количество ДТП растет пропорционально автомобилизации в стране [2]. Для более полного понимания проблематики следует в рамках данной статьи рассмотреть такие термины, как аварийность и дорожно-транспортное происшествие.

Так, под аварийностью понимается одна из наиболее острых проблем, стоящих перед Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Российской Федерации. Она становится на первое место среди задач ГИБДД МВД России, поскольку вызвана недостаточным соответствием дорожно-транспортной инфраструктуры потребностям общества, нехваткой кадров в системе, что закономерно приводит к неэффективности её функционирования. Согласно статистике ежегодно на дорогах погибают миллионы человек. Необходимо учесть и то, что ДТП наносят удар по экономике, являющейся основой любого государства. Именно поэтому в настоящее время особенно актуальна тема обеспечения безопасности дорожного движения.

В свою очередь, дорожно-транспортное происшествие – событие, возникшее в результате движения механического транспортного средства (ТС) и с его участием приведшее к гибели людей либо причинению физического вреда человеку, повреждению ТС, грузов, сооружений, а также в случае, когда причинен иной материальный ущерб.

Следует отметить тот факт, что аварии возможны не только из-за ненадлежащего управления автомобилем, они могут также случаться и в результате несчастных случаев. Безопасность дорожного движения обеспечивается наличием всех составляющих его элементов: адекватного состояния водителя, соблюдения правил дорожного движения (в том числе и пешеходами), качества дорожного покрытия, погодных условий [3]. Отсутствие одного из указанных элементов может привести к дорожно-транспортному происшествию.

Однако не все происходящие на дорогах нашей страны дорожно-транспортные происшествия подлежат включению в государственную статистическую отчетность. Существует ряд проблемных аспектов в данной области, на рассмотрении некоторых из них мы более подробно остановимся в положениях настоящей научной статьи.

Известно, что становление любого информационного общества берет свое начало с момента фиксации информации на каком-либо носителе с целью ее сохранения и возможности передачи. Постепенное развитие технологий совершенствовало процесс хранения, обработки и передачи информации, но с появлением вычислительной техники и развитием средств передачи данных ситуация изменилась кардинальным образом.

Сейчас практически невозможно представить общество без современных средств связи, несмотря на то, что в массовый обиход они вошли сравнительно недавно. Особую актуальность тема «информационного общества» обрела в 1990-е годы, с развитием так называемой «новой экономики», «экономики знания», «цифровой экономики». Так, в соответствии с требованиями приказа МВД России от 16 августа 2014 года № 700 «О порядке эксплуатации в органах внутренних дел Российской Федерации автоматизированных систем оперативного сбора, учета и анализа сведений о показателях в области обеспечения безопасности дорожного движения» с 1 октября 2014 года введены в эксплуатацию следующие информационные системы:

- автоматизированная система учета ДТП («Госучет ДТП»), разработанная в целях повышения качества и полноты сбора данных о ДТП с пострадавшими и погибшими;

- многопараметрическая информационно-аналитическая система прогнозирования и моделирования ситуации в области обеспечения безопасности дорожного движения («МИАС»), которая производит анализ причин, фактов, времени, сопутствующих условий и мест совершения ДТП, а также характеристик участников происшествий;

- автоматизированная информационно-управляющая система Госавтоинспекции («Журнал ДТП»), ориентированная на повышение оперативности ввода, объективности, достоверности сведений и контроля за внесением показателей о ДТП [4].

Модель ДТП – это модель, полученная в процессе зарисовки движения уже совершенного ДТП. В большинстве случаев интерпретируется термин «математическая модель». Это построение модели на основе многомерной обработки данных. При возникновении ДТП одним из первых на место приезжает экипаж сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД). Они анализируют произошедшее, фиксируют все обстоятельства случившегося происшествия и принимают решение о дальнейших действиях участников.

Информационные технологии сейчас охватили все сферы жизни человека. Существует большое количество программ, которые применяются для статистики ДТП.

На различных этапах развития общества совершенствовались и знания о составе модели ДТП. Так, в научной литературе устанавливаются основные параметры, которые входят в ее состав:

- 1) водитель;
- 2) транспортное средство;
- 3) окружающая среда;
- 4) транспортный поток;
- 5) место.

При этом достаточное количество дорожных аварий после фиксации подлежит занесению в систему государственной статической отчетности. Согласно Приказу МВД России от 19 июня 2015 года № 699 «Об организации учета, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях» [5] в государственную статистическую отчетность по дорожно-транспортным происшествиям включаются сведения только о дорожно-транспортных происшествиях, в которых погибли или были ранены люди. Учет ДТП ведется для того, чтобы изучить причины и условия их возникновения и принятия мер по устранению этих причин и условий [6].

В сентябре 2020 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 2020 года № 1502 были утверждены новые «Правила учета дорожно-транспортных происшествий». В соответствии с этим документом некоторые виды аварий и дорожных происшествий не считаются ДТП и не входят в официальную статистику:

- аварии на дорогах при «постановочных действиях» во время съемок фильмов или при проведении «театрализованных мероприятий»;
- аварии на дорогах во время ЧС;
- падения пассажиров внутри движущихся городских автобусов, трамваев, троллейбусов, при условии, что водитель не нарушил ПДД, нет погибших или раненых, иных участников движения, не повреждены другие машины, груз или сооружения;
- аварии, происшедшие из-за смерти водителя за рулем в результате инфаркта, инсульта, простудных, инфекционных и других заболеваний либо из-за острых отравлений;
- дорожные инциденты, связанные с попыткой полицейских и других «должностных лиц» принудительно остановить машину (в которой, к примеру, находился преступник) [7].

Причины ДТП, не подлежащих включению в государственную статическую отчетность, различны [8]. Рассмотрим особенности и факторы, влияющие на такого рода происшествия.

Следует отметить, что большинству аварий, происходящих в зимний период, сопутствуют несвоевременное внесение противогололедных смесей и несвоевременная уборка снежной «каши». Особое место в безопасности дорожного движения занимают и средства технического регулирования. Отсутствие дорожных знаков, например, таких как «Опасный поворот», «Дорожные работы», «Пешеходный переход», может нести тяжелые последствия.

Материальный ущерб владельцам автомобилей в случае аварии может быть причинен в связи с отсутствием дорожной разметки, непредупреждением о приближении к опасным участкам дороги, отсутствием светофорного регулирования на пересечении равнозначных дорог. Неудовлетворительное состояние искусственных сооружений на автомобильных дорогах также играет важную роль в безопасности участников дорожного движения.

Несоблюдение требований к содержанию искусственных сооружений на автомобильных дорогах приводит к разрушению их укрепления, что ставит под угрозу безопасность дорожного движения, не обеспечивая нормальный водоотвод с дороги, а также целостность дорожной насыпи в целом, размывая кювет.

Важно понимать, что за небрежностью дорожных рабочих, ненадлежащим выполнением своих полномочий должностными лицами, ответственными за состояние дорог и сооружений на них, кроется экономический ущерб и тяжкие последствия в виде смертей и поврежденного здоровья людей. При совершении ДТП к ответственности привлекаются в большинстве случаев лишь его участники. Даже когда аварии происходят из-за неудовлетворительного состояния дороги, привлечь к ответственности должностных лиц очень сложно.

Поэтому назрел вопрос и о возмещении материального ущерба владельцам транспортных средств, пострадавших из-за работников дорожных служб [9, с. 21].

Нужно понимать, что стоимость мероприятий, которые необходимо произвести для улучшения качества обустройства дорог, существенно выше административных штрафов. Поэтому подрядчику бывает проще заплатить штраф, чем выполнять предписанные требования. Решение таких вопросов находится в компетенции органов прокуратуры. При неоднократном невыполнении предписанных требований необходимо информировать Министерство транспорта области, председателя правительства, губернатора.

Участились случаи нарушений правил обеспечения транспортной безопасности, что, несомненно, является серьезной проблемой. В этой связи в 2010 году были внесены соответствующие поправки в законодательство в части механизма привлечения к

уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации на транспорте, а именно за неисполнение гражданами, должностными и юридическими лицами требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и на транспортных средствах (ст. 263.1 УК РФ) [10].

Стоит отметить, что российское законодательство не предусматривает уголовную ответственность для юридических лиц, к тому же, согласно статистике Верховного Суда Российской Федерации, по данной статье судами Российской Федерации дела рассматриваются крайне редко. Данный факт обусловлен тем, что обязательным признаком состава преступления является причинная связь между указанным в статье деянием в виде, например, отсутствия проверки в установленном порядке по оценке уязвимости объектов транспортной инфраструктуры, неприятием планов обеспечения транспортной безопасности и вредными последствиями.

Зачастую за все последствия расплачиваются участники ДТП, а неудовлетворительное состояние дорог оправдывается обязанностью водителя учитывать дорожные и метеорологические условия. Довольно сложно предъявить гражданский иск о возмещении материального ущерба, причинённого в результате того, что разбиты дороги.

Для снижения уровня аварийности, уменьшения количества дорожных аварий различного вида и уменьшения тяжести последствий действующая в России программа по обеспечению безопасности дорожного движения предусматривает планомерную работу сотрудников Госавтоинспекции, Департамента автотранспорта и автомобильных дорог областей, дорожных организаций низового звена, автотранспортных и других заинтересованных организаций.

Полномочиями по ведению учета дорожных происшествий наделены не только сотрудники ГИБДД, но и дорожные организации (каждый в своей и на определенном участке дороги). Кроме того, в компетенцию этих организаций входит выявление причин и способствующих случившемуся условий, определение особенно опасно-аварийных участков, а также поиск способов и планирование мероприятий, направленных на улучшение обстановки в этом дорожном отрезке. Приоритетными задачами представителей дорожных служб в сфере повышения безопасности дорожного движения являются: обеспечение скоростных режимов движения, пропускной способности, прочности дорожной одежды, ровности и сцепных качеств покрытия, наличие элементов инженерного обустройства и обстановки дороги, качественное содержание дорог в неблагоприятные периоды года (расчетный весенний и зимний периоды).

Таким образом, для решения задач в области ведения учета и статистики дорожных происшествий в деятельности Госавтоинспекции внедрены автоматизированные информационные системы: АИУС Госавтоинспекции, АС УДТП, МИАС. Совершенствование системы информационного обеспечения деятельности подразделений Госавтоинспекции происходит также за счет активного внедрения автоматизированных рабочих мест и аппаратно-программных комплексов. Использование мобильного доступа к сервисам ИСОД с помощью АРМ позволяет сотрудникам Госавтоинспекции удаленно решать служебные задачи в режиме реального времени, а АПК обеспечивают фиксацию нарушений ПДД в автоматическом режиме. Используемые на сегодняшний день в Госавтоинспекции геоинформационные системы позволяют повысить эффективность решения широкого спектра повседневных задач, связанных с накоплением и выдачей в удобном для пользователя виде больших массивов данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.А. О регистрации и учете дорожно-транспортных происшествий // Вестник науки. 2018. № 8. С. 62-66.
2. Данные Всемирной Организации Здравоохранения о ДТП [Электронный ресурс]. URL: insur-portal.ru
3. Эксплуатация транспортных средств (организация и безопасность движения) / Б.Т. Бадагуев. М.: Альфа-Пресс, 2018. 240 с.
4. Хайруллин Р.Р. Вопросы учета дорожно-транспортных происшествий в автоматизированных системах подразделений Госавтоинспекции // Вестник НЦБЖД. 2017. № 3(33). С. 140-145.
5. Об организации учета, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19 июня 2015 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Матросова Л.Д. Государственный статистический учет данных о дорожно-транспортных происшествиях в сфере аналитической деятельности ГИБДД МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С.137-139.
7. Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 19 сентября 2020 г. № 1502 // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 39, ст. 6077.
8. Семенов Е.Ю. Особенности учета дорожно-транспортных происшествий // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2021. № 1 (4). С. 399-403.
9. Епанешников В.В., Костин Р.В. Статистика ДТП в России [Электронный ресурс] // NovaUm.Ru. 2019. № 17. С. 20-21.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 17 июня. № 25, ст. 2954.

УДК 351.81

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПРИ НАДЗОРЕ ЗА ДОРОЖНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Жбанова Светлана Александровна. Старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД. Кандидат экономических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье рассматриваются особенности осуществления надзора за дорожным движением сотрудниками дорожно-патрульной службы в процессе выполнения ряда административных процедур, предполагающих непосредственное взаимодействие с участниками дорожного движения. В связи с этим, важно соблюдение множества правил, к числу которых относятся правила межличностного общения, тактические приёмы расположения относительно других людей и методика действий при складывающихся ситуациях, в том числе – нестандартных. Новизна исследования состоит в комплексном анализе теоретических и правовых аспектов основополагающих идей обеспечения безопасности дорожного движения. Проведенный в статье анализ позволит сотрудникам полиции более эффективно исполнять свои служебные обязанности при осуществлении государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства и обеспечить права, свободы и охраняемые законом интересы граждан и организаций.

Ключевые слова: надзор за дорожным движением; дорожно- патрульная служба; чрезвычайная ситуация; административные процедуры; личная безопасность; Госавтоинспекция.

ENSURING PERSONAL SAFETY BY EMPLOYEES OF THE ROAD PATROL SERVICE DURING TRAFFIC SUPERVISION

Zhbanova Svetlana Alexandrovna. Senior teacher of the chair of Traffic Police Organization. Candidate of economical sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article deals with the peculiarities of the supervision of traffic by employees of the road patrol service in the process of performing a number of administrative procedures involving direct interaction with road users. In this regard, it is important to observe a variety of rules, which include the rules of interpersonal communication, tactical methods of positioning relative to other people and methods of action in emerging situations, including non-standard ones. The novelty of the research consists in a comprehensive analysis of the theoretical and legal aspects of the fundamental ideas of road safety. The analysis carried out in the article will allow police officers to perform their official duties more effectively when exercising state supervision over compliance by road users with the requirements of legislation and ensure the rights, freedoms and legally protected interests of citizens and organizations.

Keywords: traffic supervision, road patrol service, emergency situation, administrative procedures, personal safety, State Traffic Inspectorate.

Надзор за дорожным движением предполагает множество аспектов, которые создают угрозу жизни и здоровью сотрудников полиции. В первую очередь, нельзя не упомянуть о том, что движение на дороге – динамичный и постоянно подверженный изменениям процесс. Этот фактор обязывает сотрудников ни на секунду не отвлекаться от контроля обстановки, поскольку за считанные мгновения может приблизиться транспортное средство или изменить траекторию движения, направленную на инспектора ДПС или патрульный автомобиль. Всё это требует принятия оперативных мер реагирования.

Предпосылкой того, что сотрудники ДПС часто становятся жертвами преступных посягательств, является и то обстоятельство, что в отличие от сотрудников других наружных служб, например патрульно-постовой службы полиции, сотрудники ДПС в ситуациях служебного контакта с правонарушителями в абсолютном большинстве случаев объективно лишены возможности заблаговременно выявить и оценить признаки опасности [1].

Ещё одним условием является то, что сотрудники подразделений, обеспечивающих безопасность дорожного движения, подвержены воздействиям атмосферы наряду с участниками дорожного движения и непосредственно дорогой. Выпадение осадков, изменение температур оказывает влияние на дорожное движение путём изменения дорожных условий. Поэтому при надзоре за дорожным движением и выполнении соответствующих административных процедур следует уделять внимание и этому аспекту.

Согласно п.11 Положения о Госавтоинспекции МВД России, реализация полномочий сотрудников подразделения в целях выполнения указанной ранее обязанности происходит посредством контроля за соблюдением требований безопасности при строительстве и эксплуатации дорог и иных объектов автодорожной инфраструктуры; за техническим состоянием транспортных средств и за перевозками отдельных видов грузов [2].

Кроме того, приоритетным направлением деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы является надзор за соблюдением участниками дорожного движения норм и правил в области дорожного движения в процессе передвижения их по дорогам, перемещения на транспортных средствах и перевозки грузов [3]. Иными словами, эффективное выполнение возложенных на ГИБДД обязанностей и реализация предписанных нормативными правовыми актами требований возможны только при непосредственном наблюдении за водителями, пешеходами и пассажирами, а также за состоянием элементов дорожной инфраструктуры и автомобильного транспорта, что предполагает регулярное нахождение в пределах дороги.

Вне зависимости от форм несения дорожно-патрульной службы важно уделять особое внимание правилам личной безопасности сотрудников полиции, что позволит повысить качество службы и максимально снизить риск получения увечий и гибели инспекторов ДПС ГИБДД при выполнении служебных обязанностей. Актуальность подтверждается и перечисленными выше факторами, специфичными для автомобильных дорог.

Деятельность ГИБДД в данном аспекте регламентирована ведомственными актами и методическими рекомендациями, однако, по нашему мнению, основы безопасности сотрудников, выполняющих функции в пределах дорог на транспортном средстве и в пешем порядке, содержатся в Правилах дорожного движения. На наш взгляд,

личная безопасность в первую очередь основывается на общих положениях, распространяющихся на всех участников дорожного движения.

Несение службы на патрульном автомобиле осуществляется посредством движения в транспортном потоке в целях предупреждения и пресечения нарушений правил обгона, маневрирования и расположения транспортных средств на проезжей части. Также возможно движение впереди с разрешённой или оптимальной в конкретной ситуации скоростью.

Наиболее распространённая форма контроля за соблюдением участниками дорожного движения норм и правил – на патрульном транспортном средстве в стационарном положении.

Особенностью является то, что отсутствуют специально оборудованные места для расположения автомобиля (мотоцикла) ДПС, которые позволяют максимально обеспечивать безопасность инспекторов и участников дорожного движения.

Наряд ДПС занимает определённое место в пределах маршрута патрулирования на участках дороги, не предназначенных для выполнения сотрудниками административных процедур (иных действий).

При выборе участка в пределах дороги, на котором сотрудникам ДПС ГИБДД предстоит нести службу, необходимо руководствоваться погодными условиями, видимостью, особенностями организации дорожного движения. Для продолжительного несения службы в стационарном положении следует исключать места, где остановка и стоянка транспортных средств запрещена. Кроме того, важно обеспечить видимость патрульного автомобиля другими участниками дорожного движения на расстоянии, достаточном для принятия мер по снижению скорости.

В общих случаях в тёмное время суток необходимо нести службу на участках, где имеется искусственное освещение; на транспортном средстве необходимо включить проблесковые маячки, установленные на крыше. При этом не рекомендуется включение стробоскопов и фар-вспышек, поскольку такие световые сигналы могут ослеплять водителей проезжающих транспортных средств и не обеспечивают видимость со всех сторон.

Наиболее оптимальным местом расположения патрульного транспортного средства на дороге являются стояночные площадки за пределами обочины, а также остановочные карманы.

В связи с тем, что одним из направлений деятельности в рамках реализации государственной функции является выполнение неотложных действий на месте ДТП, рассмотрим конкретные особенности правил личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД.

Важно отметить, что складывающаяся обстановка зачастую предполагает возникновение необходимости нахождения на проезжей части для оказания помощи пострадавшим, проведения измерений и т.д. Кроме того, не всегда представляется возможность своевременно освободить дорогу от трупов, повреждённого транспорта, его частей; требуется принятие мер по сохранению обстановки на месте ДТП до прибытия следственно-оперативной группы.

Это в несколько раз повышает риск вторичного ДТП, когда водители проезжающих транспортных средств своевременно не замечают препятствие и допускают наезд, несмотря на принимаемые сотрудниками полиции меры по оцеплению участка дороги.

Полагаем, что при нахождении на проезжей части на дорогах, например, для оформления ДТП, необходимо принимать повышенные меры безопасности. В первую очередь они должны быть направлены на своевременное оповещение водителей проез-

жающих транспортных средств о наличии препятствия на дороге в целях снижения скорости и изменения направления движения. Для этого по общему правилу выставляются знаки аварийной остановки, на патрульном транспортном средстве включаются проблесковые маячки. Однако, в ясную погоду такие меры могут быть не замечены.

Патрульный автомобиль следует располагать с краю проезжей части по ходу движения транспорта, перед иными объектами и предметами, имеющими отношение к происшествию. При этом обязательно включение специальных световых сигналов. Передние колёса автомобиля ДПС нужно повернуть в правую сторону, чтобы в случае наезда на него не допустить съезда на полосу движения и на находящиеся впереди предметы.

Для эффективной реализации полномочий сотрудников ДПС ГИБДД, предусмотрена, в частности, остановка транспортного средства.

На наш взгляд, данная административная процедура является одной из основополагающих, поскольку иные действия в отношении водителя (проверка документов, составление материала об административном правонарушении) возможны только после прекращения движения транспортного средства.

Действия инспектора по остановке и проведению последующих мероприятий имеют сложный характер, требующий комплексного подхода. Актуальна психологическая составляющая, достаточное знание нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в области дорожного движения и определяющих правовой статус сотрудника ГИБДД, соблюдение мер личной безопасности, владение в совершенстве тактическими приёмами, навыками самообороны, применения специальных средств, огнестрельного оружия, а также правилами взаимной страховки.

При остановке транспортного средства, в первую очередь необходимо выбрать место на участке дороги, отвечающее требованиям безопасности (наличие искусственного освещения, площадки, хорошая обзорность). Остановка транспортного средства должна осуществляться таким образом, чтобы не ставить под угрозу жизнь и здоровье водителя и пассажиров.

Сигнал об остановке подаётся при помощи жезла, громкоговорящего устройства или жестом руки. В темное время суток либо в условиях ограниченной видимости подача сигнала должна осуществляться с использованием специальных световых сигналов и светящегося жезла. Затем следует указать место, которое водителю следует занять, прекратив движение. При этом действия должны выполняться в соответствии с ПДД в местах, где остановка и стоянка разрешена.

Вместе с тем, необходимо исключить возможность создания помех в движении другим водителям, пешеходам, а также в работе организаций и предприятий [4, с.121-123].

Однако в случаях, не терпящих отлагательства, допускается остановка транспортного средства с отступлением от положений ПДД (необходимость немедленного прекращения движения в связи с совершением грубого нарушения, наличия неисправности, создающей опасность и т.д.).

Водителям для остановки должно быть указано место перед патрульным автомобилем. В обоснование позиции приведём следующие аргументы: 1) остановленный автомобиль, в особенности – крупногабаритный, не будет ограничивать видимость специальных световых сигналов на патрульном автомобиле водителями, движущимися в попутном направлении; 2) сотрудник, находящийся в салоне, может наблюдать за поведением лиц и незамедлительно принять меры в зависимости от складывающейся обстановки; 3) в тёмное время суток возможно освещение задней части остановленного автомобиля дальним светом в целях определения количества пассажиров в салоне и их действий.

Остановленное транспортное средство должно располагаться правее проекции патрульного автомобиля, чтобы минимизировать риск наезда проезжающего транспорта на инспектора и транспортное средство). Как уже говорилось ранее, важно обращать внимание на пассажиров, находящихся в салоне транспортного средства. Это существенно затрудняется затемнёнными стёклами, однако напрямую влияет на обеспечение личной безопасности инспекторов ДПС. Поэтому сотрудник должен потребовать опустить стёкла для визуального осмотра салона автомобиля. Логическим продолжением остановки транспортного средства является выполнение других административных процедур, к числу которых можно отнести проверку документов, номерных обозначений на агрегатах и технического состояния [4, с.121-123].

Ещё одним аспектом, требующим рассмотрения и руководства правилами в целях обеспечения личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД, является подход к остановленному транспортному средству и нахождение у него при проверке документов, а также при осуществлении иных действий. Обращение к водителю транспортного средства по общему правилу должно осуществляться со стороны места нахождения водителя. Однако наиболее безопасен подход с правой стороны автомобиля и нахождение за передней правой стойкой кузова, что не противоречит правилам, закреплённым Административным регламентом ДПС, допускающим возможность обращения к водителю с противоположенной стороны при наличии объективных обстоятельств [3].

Это позволяет контролировать действия водителя и пассажиров, исключает возможность нанесения удара инспектору дверью, а также является препятствием на проекции между сотрудником ДПС и лицами, находящимися в автомобиле. Затрудняется их воздействие при помощи холодного и огнестрельного оружия, поскольку требуется большее количество движений и время, что даёт инспектору возможность среагировать и принять меры. Однако подход с правой стороны не всегда возможен в виду, например, наличия валов снега, грязи на обочине и т.п. Подход со стороны водителя (с левой стороны транспортного средства) следует осуществлять с соблюдением мер предосторожности, убедившись в отсутствии транспорта на полосе движения попутного направления. При нахождении у остановленного автомобиля необходимо контролировать поток движущегося транспорта.

Если возникает необходимость выхода водителя и пассажиров из транспортного средства, необходимо незамедлительно переместиться на обочину. Передачу документов инспектору следует осуществлять таким образом, чтобы рука инспектора не находилась в салоне автомобиля, чтобы исключить возможность получения травм от действия водителя. Категорически запрещается наклоняться внутрь через боковой оконный проём автомобиля.

Сотрудник, находящийся на водительском месте патрульного автомобиля, выполняет роль страхующего напарника и при общении напарников с гражданами находится в салоне автомобиля и концентрируется на действиях лиц, поэтому, в отличие от инспекторов, осуществляющих проверку документов, может незамедлительно принять меры по отражению нападения и сообщить в подразделение ГИБДД о факте противоправного посягательства, а также примет меры к преступникам и их транспортному средству.

Существенную угрозу жизни и здоровью сотрудника с позиции обеспечения личной безопасности представляет досмотр транспортного средства, который проводится при наличии оснований перевозки в нём предметов, имеющих отношение к преступлению, ставших орудиями совершения преступления или административного правонарушения. Кроме того с досмотром тесно связано понятие осмотра транспортного средства, который проводится в целях визуального определения технического состоя-

ния транспортного средства, выявления неисправностей, определения соответствия номерных обозначений узлов и агрегатов транспортного средства документам и т.п.

Досмотр транспортного средства и проверка агрегатов автомобиля должны осуществляться при участии не менее двух сотрудников ДПС ГИБДД. При этом всем необходимо выйти из салона автомобиля и находиться на расстоянии, исключающим возможность прямого воздействия на инспекторов [5].

Один из сотрудников осуществляет досмотровые мероприятия, второй – наблюдает за поведением лиц. При проверке подкапотного пространства сотрудником ДПС ГИБДД водителю также необходимо находиться на достаточном расстоянии под контролем второго инспектора. Пренебрежение лицами, управляющими автомобилем транспортными средствами, правилами дорожного движения повышает актуальность вопроса об ограничении права на управление автомобилем транспортными средствами [6].

Отмечается, что в мотивации правонарушителей доминирует легкомыслие и намерение игнорировать правила дорожного движения в связи с завышенными представлениями о технических достоинствах автомобиля, о дополнительных обязанностях в отношении себя как участника дорожного движения [7].

В завершение отметим, что осуществление надзора за дорожным движением предполагает выполнение ряда административных процедур, предполагающих непосредственное взаимодействие с участниками дорожного движения. В связи с этим, важно соблюдение множества правил, к числу которых относятся правила межличностного общения, тактические приёмы расположения относительно других людей и методика действий при складывающихся ситуациях, в том числе – нестандартных. Зачастую надзор за дорожным движением сотрудниками ГИБДД сводится к общению с водителями, которое происходит после остановки транспортного средства, т.е. его кратковременного прекращения движения, связанного с выходом из общего транспортного потока. Сотруднику ДПС важно обеспечить свою безопасность и безопасность участников дорожного движения, поэтому сигнал об остановке подаётся заблаговременно. Водителю указывается место для остановки, как правило, целесообразно перед патрульным автомобилем, что наиболее полно отвечает положениям Административного регламента ДПС. Это позволяет находиться в пределах зон охвата камерами видеонаблюдения и фиксации, установленными в салоне патрульного автомобиля и не окажет маскирующего воздействия патрульного автомобиля: он будет отчётливо виден водителями проезжающего транспорта. Место для остановки следует выбирать в соответствии с положениями ПДД, регламентирующими правила остановки и стоянки, однако в крайних случаях допускается отступление от этих требований. После остановки сотрудник обязан незамедлительно подойти к водителю, при общении с ним быть повернутым лицом к потоку транспорта, в то же время располагаться таким образом, чтобы исключить нанесения удара дверью и контролировать действия водителя и пассажиров в транспортном средстве. Нельзя поворачиваться к участнику дорожного движения спиной и стороной с оружием. Этих же правил следует придерживаться и при досмотре и осмотре транспортного средства. Большое значение имеет взаимная страховка, по правилам которой один сотрудник должен вести общение с участниками дорожного движения, проверку документов и т.п., а другой – контролировать их поведение, имея готовность к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в целях отражения нападения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слышалов И.В. Некоторые вопросы правового обеспечения личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при осуществлении ими контрольно-надзорной дея-

тельности в области дорожного движения // Вестник Омской юридической академии, 2018. № 4.

2. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации // Указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711: ред. от 19 февраля 2021 г.

3. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения // Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664: ред. от 21 декабря 2017 г. // Рос. газ. 2017. 13 октября. № 232.

4. Михайлов О.Б. Тактика обеспечения личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при остановке транспортного средства // Человек. Общество. Право: материалы международной научной конференции курсантов, слушателей и студентов. 2018. С. 121-123.

5. Зинов П.И., Петренко С.И., Флерова А.Д. Обеспечение личной безопасности сотрудников ДПС при досмотре транспортных средств // Актуальные вопросы тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник статей по итогам научно-практической конференции / под ред. В.Н. Гонтаря. 2020. С. 22-28.

6. Якимов А.Ю. Ограничение права на управление автотранспортными средствами (различные виды и их правовая природа) // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 8 - 13.

7. Мукабенов М.В. Субъекты административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.14. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 20.

УДК 342.9.

МЕХАНИЗМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К УЧАСТИЮ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Затолокин Александр Александрович. Доцент кафедры конституционного и административного права. Кандидат юридических наук.

Краснодарский университет МВД России.

Служебный адрес: 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Проблема административной ответственности связана с общими проблемами юридической ответственности и является актуальной в современный период развития нашего государства. Статья содержит анализ практики участия институтов гражданского общества в контроле миграционного законодательства, а также анализ действующих нормативных источников. В работе нашли отражение правовые, организационные аспекты взаимодействия подразделений по вопросам миграции с общественностью в сфере исполнения миграционного законодательства; сформулированы рекомендации, направленные на совершенствование данной деятельности.

Ключевые слова: представители общественности; производство; административные правонарушения; механизм привлечения; общественный контроль; исполнение миграционного законодательства.

MECHANISM FOR INVOLVING REPRESENTATIVES OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS TO PARTICIPATE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Zatolokin Alexander Alexandrovich. Assistant professor of the chair of Constitutional and Administrative Law. Candidate of legal sciences.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 350005, Russian Federation, Krasnodar, st. Yaroslavskaya 128.

The problem of administrative responsibility is connected with the general problems of legal responsibility and is urgent in the modern period of development of our state. The article contains an analysis of the practice of participation of civil society institutions in the control of migration legislation, as well as an analysis of existing regulatory sources. The work reflects the legal and organizational aspects of the interaction of migration units with the public in the field of the implementation of migration legislation; recommendations aimed at improving this activity are formulated.

Keywords: members of the public; production; administrative offenses; mechanism of attraction; public control; enforcement of migration legislation.

Вопросы участия представителей институтов гражданского общества в осуществлении производства по делам об административных правонарушениях находят свое отражение в действующих источниках права. Основным нормативным правовым

актом в рассматриваемой сфере является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. При, казалось бы, полной правовой урегулированности рассматриваемых моментов все же существуют определенные пробелы, связанные с невозможностью прописать в Законе все тонкости его применения. В настоящее время отсутствуют необходимые в этом случае подзаконные акты, детализирующие различные аспекты привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитника (представителя), понятого, специалиста, переводчика.

Не настаивая на бесспорности суждений, учитывая определённые теоретические наработки и практический опыт, предлагаем авторское видение механизма привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях.

Так, юридической помощью защитника, согласно КоАП, может воспользоваться лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. На органы (или должностные лица), осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, не возлагается обязанность предоставлять защитника (как, например, в раках производства по уголовным делам). Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, самостоятельно либо через законных представителей предпринимает меры для приглашения защитника к участию в деле. Закон предоставляет право выбора защитника из адвокатов или из иных лиц. Ходатайствуя о привлечении в качестве защитника или представителя иного лица, за исключением адвоката, необходимо позаботиться о документарном удостоверении его полномочий. Учитывая требования действующего законодательства (КоАП и ГПК), а также позицию Верховного Суда [1], следует отметить, что подобным удостоверением полномочий должна стать доверенность на осуществление соответствующей юридической помощи.

Таким образом, механизм привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитника можно представить в виде алгоритма следующих действий:

1. Заявить ходатайство о привлечении в производство по делу об административном правонарушении в качестве участника – защитника. На любой стадии производства по делу об административном правонарушении лицо, в отношении которого ведется соответствующее производство, имеет право в соответствии со ст. 24.4 КоАП (ходатайства) заявить ходатайство о привлечении в качестве защитника совершеннолетнее не заинтересованное в исходе дела лицо (удовлетворяющее требованиям ст. 25.5 КоАП).

Смоделируем ситуацию, при которой иностранный гражданин (в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении) заявляет ходатайство о привлечении в качестве защитника, например, председателя общественного совета при МВД России А. Кучерену. Однако следует иметь в виду, что перед заявлением ходатайства о привлечении в качестве участника производства конкретного защитника необходимо лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, получить согласие от предполагаемого защитника.

При этом, говоря об участии в производстве по делу об административных правонарушениях представителей институтов гражданского общества (членов общественных советов при территориальных органах МВД России), необходимо отметить, что такое участие возможно как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Например, профессиональный юрист А. Кучерена, может осуществлять защиту лица на абсолютно

безвозмездной основе, учитывая значимость рассматриваемого дела и имеющийся общественный резонанс от него. Член общественного совета, принимая участие в производстве по делу об административном правонарушении, может не только качественно оказать юридическую помощь, но и, так сказать, изнутри, поучаствовать в осуществлении контроля за исполнением миграционного законодательства, транспарируя полученный в конкретном деле практический опыт на практику проведения общественного контроля. Участие общественника в деле в качестве защитника даст возможность ознакомиться с материалами дела, проконтролировав тем самым правильность составления сотрудниками подразделений по вопросам миграции всех процессуальных документов, установленные законом сроки принятия решений, а также определить законность применения тех или иных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

2. Оформить доверенность. Привлекая в качестве защитника представителя общественного совета при территориальном органе МВД России, необходимо позаботиться о наличии формальных оснований осуществлять представление интересов в соответствующем производстве. Поскольку в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях не установлены требования к подобному документу, а Пленум Верховного Суда [1] требует в таких случаях руководствоваться ГПК, то в качестве обязательных реквизитов доверенности можно назвать:

- обязательное удостоверение доверенности (нотариусом либо организацией, в которой работает или учится доверитель);
- доверенность (в тех случаях, если выдается от имени юридического лица, подписывается уполномоченным лицом и скрепляется печатью) [2].

3. Осуществить причитающиеся выплаты (факультативное действие). Данное действие заявлено как факультативное по нескольким причинам:

- во-первых, выплаты могут не наступить, поскольку общественник участвовал в деле в качестве защитника на безвозмездной основе;
- во-вторых, выплаты не положены в тех случаях, когда в ходе производства не было принято решение об отказе в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности.

Раскрывая данное действие, следует отметить, что в ряде случаев при рассмотрении жалобы человека на постановление по делу об административном правонарушении суды не в полном объеме компенсируют затраты лица на оплату защитника (о чем свидетельствуют публикации в Интернете) [3], поэтому при составлении жалобы необходимо отталкиваться от п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», гласящего, что расходы на оплату работы адвоката не могут быть отнесены к издержкам [1].

Далее рассмотрим механизм привлечения к производству по делу об административном правонарушении представителей институтов гражданского общества в качестве понятых. При реализации совместных мероприятий, проводимых во взаимодействии сотрудников подразделений по вопросам миграции и общественности может возникнуть ситуация, при которой будут обнаружены признаки административного правонарушения, процессуальное оформление которого потребует участия понятых. В этом случае возникнет необходимость привлечения в качестве понятых членов общественного совета при территориальном органе МВД России.

В качестве примера подобного привлечения смоделируем ситуацию, когда при осуществлении общественного контроля за исполнением миграционного законодатель-

ства в иных формах представитель Общественного совета при краевом главе полиции совместно с сотрудниками ОВМ посещает потребителей государственных услуг в сфере миграции. Целью подобного мероприятия является получение отзыва о качестве предоставленных услуг в сфере миграции непосредственно от потребителя этих услуг [4]. В ходе подобного посещения, по месту пребывания потребителя государственных услуг, сотрудники ОВД совместно с общественником обнаруживают иностранного гражданина, который нарушил режим пребывания на территории Российской Федерации, выразившийся в уклонении от выезда из страны по истечении срока пребывания. Ответственность (административный штраф в размере 2000 – 5000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации) за данное административное правонарушение предусмотрена ч. 1.1. ст. 18.8. КоАП («1.1. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания)...») [5]. В подобной ситуации возникает необходимость применения такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как административное задержание (ст. 27.3 КоАП), которое подлежит процессуальному оформлению. В тех случаях, когда иностранный гражданин отказывается от подписи в протоколе административного задержания, в присутствии понятых делается соответствующая запись (ст. 27.4 КоАП).

Таким образом, механизм привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве понятых можно представить в виде алгоритма следующих действий:

1. Осуществить совместное мероприятие с представителями институтов гражданского общества.
2. В случае выявления признаков административного правонарушения, предусматривающего применение определенных мер обеспечения производства, предложить общественникам принять участие в соответствующем производстве в качестве понятых.
3. При оформлении процессуальных документов сделать запись в протоколе об участии в деле понятых.
4. По завершении оформления процессуальных документов поинтересоваться у участников производства, в том числе у понятых, о наличии замечаний по поводу совершаемых процессуальных действий. После удостоверить процессуальные документы подписями понятых.
5. В некоторых случаях, в том числе и в примере, приведенном выше, опросить понятых в качестве свидетелей.

Привлечение членов общественных советов при территориальном органе МВД России в качестве понятых при осуществлении контроля за исполнением миграционного законодательства позволит вывести административно-юрисдикционную деятельность органов внутренних дел на более качественный уровень, обеспечив поддержку общественности на любой из стадий производства. Подобное участие нивелирует возможные претензии со стороны общественности к сотрудникам органов внутренних дел в неправомерности или необоснованности применения тех или иных мер государственного принуждения.

Представители институтов гражданского общества могут быть привлечены и в качестве специалиста. Членами общественных советов при территориальных органах МВД Российской Федерации являются специалисты из различных отраслей общественной жизни, причем категории должностей данных специалистов (ректоры, генеральные директора, главные редакторы, представители духовенства, главы общественных организаций и фондов) не оставляют сомнения в их компетентности и осведом-

ленности по целому ряду вопросов. Не останавливаясь на правовых аспектах привлечения в качестве специалиста члена общественного совета при территориальном органе МВД России, раскроем организационные тонкости, представляя их в виде алгоритма последовательных действий:

Во-первых, изначально необходимо выяснить, в какой отрасли знаний необходим специалист. Учитывая предмет и объект настоящего исследования, а также понимая, что сфера исполнения миграционного законодательства в той или иной мере затрагивает и иные сферы общественной жизни, можно предположить, что существует необходимость участия в производстве разноплановых специалистов. Однако, принимая во внимание статистические данные, а также то, что правонарушения экстремистской направленности являются наиболее общественно опасными деяниями, рассмотрим механизм привлечения специалиста в производство по делу об административном правонарушении экстремистской направленности. Для участия в деле об административном правонарушении экстремистской направленности необходим специалист, обладающий соответствующими знаниями. В качестве такового можно привлечь и руководителя одной из образовательных организаций, который имеет лингвистическое образование и, соответственно, может дать компетентную консультацию по вопросам наличия в тексте призывов, содержащих признаки экстремизма. Кроме руководителей образовательных организаций, в качестве специалиста по схожему делу об административном правонарушении может быть привлечен и представитель духовенства. В ряде случаев члены общественных советов из представителей духовенства обладают наличием ученой степени кандидата или доктора богословия (кандидат или доктор теологических наук), что дает возможность высказывать экспертное мнение по применению и толкованию книг, отнесенных к Священному писанию. Иными словами, специалист (член Общественного совета при территориальном органе МВД России) в состоянии определить, имеет ли публикация, цитата и прочее отношение к Священному Писанию или относится к радикальным ответвлениям традиционно российских конфессий.

Во-вторых, определившись с областью знаний, в которой необходимо компетентное мнение специалиста, следует получить предварительное согласие от конкретного представителя института гражданского общества. В этой связи следует отметить, что представители духовенства довольно активно сотрудничают с органами государственной власти, осуществляя консультации в таких сферах, как религиоведение, социология религии, политология. Здесь следует привести пример, что советником спикера Госдумы Российской Федерации В. Володина на общественных началах является первый зампред Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ А. Щипков [6]. При этом, как правило, при каждом территориальном подразделении МВД России в состав общественного совета входит представитель духовенства от одной из традиционных конфессий (в том числе и отвечающий за внешние связи конкретной конфессии с правоохранительными органами). В Краснодарском крае таковым является священник Русской Православной церкви, настоятель Храма Преподобного Сергея Радонежского Б. Черных [4]. Необходимо отметить, что правом вызова специалиста в соответствии со ст. 25.8 КоАП [5] обладают судьи (мировые судьи); органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях; должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях и уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях.

В-третьих, непосредственный вызов специалиста. Заметим, что КоАП РФ раскрывает способ вызова специалиста, однако не регламентирует метод вызова. Исходя из этого, ряд исследователей, с позицией которых нельзя не согласиться, утверждают, что вызов специалиста может осуществляться всеми возможными способами, предо-

ставленными современными реалиями (личное уведомление; уведомление с помощью средств связи (телефонной, почтовой, электронной и др.)) [7].

В-четвертых, непосредственное участие представителя общественности в производстве по делу об административном правонарушении в качестве специалиста. Говоря о непосредственном участии представителя общественности в производстве, следует обозначить границы подобного участия [8]. В правоприменительной практике субъекты правоприменения зачастую сталкиваются с проблемной ситуацией, когда привлекают специалиста в производство по делу об административном правонарушении и ожидают от него экспертного заключения. Подобный подход является ошибочным и говорит о смешивании представлений о компетенции специалиста и эксперта по КоАП. Однако положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в гл. 25 и Определение Конституционного суда [1] Российской Федерации в определении от 29 сентября 2016 года № 1749-О к компетенции специалистов относят оказание технической помощи в проведении конкретных действий.

Таким образом, участвующий в деле специалист лишь может высказать свое компетентное мнение по отнесению того или иного документа к доказательствам, а также о выявлении в тексте признаков экстремистских высказываний, которые в дальнейшем будут отобраны и направлены на экспертизу.

Далее рассмотрим механизм привлечения к производству по делу об административном правонарушении представителей институтов гражданского общества в качестве переводчика.

При осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации ключевая роль отводится такому участнику, как переводчик.

Важность переводчика обусловлена тем, что, как правило, субъектами данной категории административных правонарушений выступают иностранные граждане и лица без гражданства, которые могут не владеть русским языком. Именно поэтому обеспечение участия переводчика является важнейшим и обязательным условием, посредством которого будет реализовываться конституционное право на защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации) [9].

Механизм привлечения переводчика к участию в деле об административном правонарушении во многом схож с вышерассмотренными процедурами, осуществляемыми в отношении иных участников (защитник, специалист, понятой). Кроме того, если сравнивать административно-процессуальные статусы переводчика и специалиста, то можно прийти к выводу об их большой схожести. Не может не обратить на себя внимания и тот факт, что даже такой важный элемент административно-правового статуса, как ответственность, является идентичной для целого ряда участников производства [10, с. 385], в том числе для свидетеля, специалиста, эксперта, переводчика, и выражается в виде административного штрафа от 1000 до 1500 руб. (ст. 17.9 КоАП «Заведомо ложные показания...»).

В целях исключения дублирования приведенных выше механизмов привлечения представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делу об административном правонарушении в качестве иных участников ниже остановимся лишь на особенностях реализации подобного механизма. Опуская пункты выбора среди членов общественного совета лица, владеющего языками или навыками сурдоперевода, необходимыми для перевода или сурдоперевода при производстве по делу об административном правонарушении, а также получения предварительного согласия на таковое от этих лиц, перейдем непосредственно к процессуальным особенностям.

1. Необходимо четко понимать, что участие в деле об административном правонарушении, субъектом которого будет иностранный гражданин (либо любой человек, не владеющий русским языком и заявляющий ходатайство о привлечении переводчика), переводчика является реализацией конституционного права на апелляцию. Соответственно, неудовлетворение подобного ходатайства, а равно непривлечение к участию в производстве по делу об административном правонарушении переводчика лишает возможности лица, в отношении которого ведется производство, ознакомиться с материалами дела, тем самым грубо нарушает его права на защиту.

2. Перевод необходимо осуществлять не только общения сотрудников подразделений по вопросам миграции с иностранным гражданином, но и всех процессуальных документов, составляемых в отношении иностранца. Копии самих процессуальных документов, а также переведенный текст вручаются под роспись лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

3. Участие переводчика оформляется путём занесения данных о нем в протокол по делу об административном правонарушении, а также иные процессуальные документы. Переводчик расписывается в каждом подготовленном им документе, при этом еще и знакомится под роспись об ответственности за заведомо ложный перевод.

4. Участие в деле об административном правонарушении члена общественного совета при территориальном органе МВД России в качестве переводчика окажет положительное влияние на человека, в отношении которого ведется соответствующее производство, а также станет гарантией транспарентности и законности [11, с. 52] всех применяемых мер государственного воздействия.

5. В дальнейшем, в случае необходимости опроса переводчика [12, с. 373], которым был член общественного совета при территориальном органе МВД России, его не придется долго искать и вызывать повестками, поскольку в общественный совет входят люди, всегда открытые для диалога с органами внутренних дел.

Таким образом, вышесказанное дает основание сделать следующие выводы:

1. Привлечение представителей институтов гражданского общества к участию в производстве по делам об административных правонарушениях возможно как лицом, в отношении которого ведется соответствующее производство, так и сотрудниками органов внутренних дел, и судьями. Причем инициативно привлекать к производству по делу об административном правонарушении человек может защитника или представителя. Во всех остальных случаях привлечением участников (специалист, понятой, переводчик) должно заниматься лицо, осуществляющее производство, либо суд. Однако никто не может лишить права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на заявление ходатайства о привлечении того или иного участника.

2. Механизм привлечения членов общественного совета в качестве участников производства по делу об административном правонарушении возможен лишь после анализа данных о наличии у них соответствующей квалификации, знаний и опыта. Кроме того, решающим моментом в принятии решения об их участии в производстве является наличие желания на участие в подобных мероприятиях.

3. Участие представителей институтов гражданского общества в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере миграционного законодательства можно рассматривать как реализацию сразу нескольких форм общественного контроля, таких как: форма взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления и иные формы, не противоречащие Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Подытоживая все вышесказанное, следует отметить, что участие членов общественных советов при территориальных органах МВД России в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере нарушения миграционного законодательства позволит обеспечить высокую степень законности, объективности и прозрачности данной деятельности, что, несомненно, будет способствовать повышению репутационного имиджа органов государственной власти. Кроме того, участие общественников в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве защитников, понятых, специалистов или переводчиков будет являться действенной реализацией заявленных в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы ее основных направлений. При этом общественник, непосредственно вовлеченный в производство по делу об административном правонарушении в качестве одного из участников, будет являться своеобразной гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Орлов П. Невиновен – получай. Расходы на адвоката в деле о нарушении КоАП вернули // Рос. газ. 2016. 19 апреля. Федеральный выпуск № 84(6952).
4. Официальный сайт ГУМВД России по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. URL: <https://23.мвд.рф> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. «Представитель РПЦ стал советником Володина по религиозным вопросам» [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru>. (дата обращения: 21.01.2022).
7. Анохина Н.В., Жамборов А.А. Организационные особенности привлечения специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях // Общество и право. 2017. № 3 (61).
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью ТПО «Татгидромаш» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 11 пункта 1 статьи 31 и статьей 96 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 сентября 2016 г. № 1749-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Труфанов М.Е., Анохина Н.В. Нормативно-правовое обоснование вызова специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях // Полицейская деятельность. 2016. № 4.
11. Огнева Е.А. Общественный контроль как фактор развития гражданского общества // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. № 2.

12. Палий В.М., Затолокин А.А. Особенности привлечения к административной ответственности иностранных граждан, нарушающих режим пребывания на территории Российской Федерации: сборник материалов Международного круглого стола «Актуальные проблемы современного права». Российский государственный университет туризма и сервиса. 2020.

УДК 351.81+37.01

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КОАП РФ И ПРОЕКТА КОАП РФ**

Зиборов Олег Валентинович. Первый заместитель начальника института. Доктор юридических наук, профессор.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Служебный адрес: 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Павлова Евгения Васильевна. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье проведен анализ отдельных положений действующих норм отечественного законодательства об административных правонарушениях и проектов правовых норм в сфере административно-правового регулирования административной ответственности за нарушение правил дорожного движения через призму авторского видения положительных аспектов и моментов, требующих корректировки указанных норм права. Основной акцент сделан на анализе административного законодательства в области системы материальных и процессуальных норм права, регламентирующих вопросы закрепления составов административных правонарушений в области дорожного движения. Проведен анализ отдельных положений Проекта кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующих административную ответственность за нарушение правил дорожного движения, в результате чего автор приходит к выводу о необходимости детализации отдельных положений в Проекте указанного кодифицированного акта, регулирующей состава административных правонарушений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; КоАП РФ; Проект КоАП РФ; дорожное движение; безопасность дорожного движения; правила дорожного движения.

**COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE COMPOSITION
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC
ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DRAFT
ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Ziborov Oleg Valentinovich. First Deputy Head of the Institute. Doctor of legal sciences, professor.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Work address: 117997, Russian Federation, Moscow, st. Akademika Volgina 12.

Pavlova Evgeniya Vasil'evna. Deputy Head of the chair of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article analyzes certain provisions of the current norms of domestic legislation on administrative offenses and draft legal norms in the field of administrative and legal regulation of administrative responsibility for traffic violations, through the prism of the author's vision of positive aspects and moments requiring adjustment of these legal norms. The main emphasis is placed on the analysis of administrative legislation in the field of the system of substantive and procedural norms of law regulating the issues of fixing the composition of administrative offenses in the field of traffic. The analysis of separate provisions of the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses regulating administrative responsibility for violation of traffic rules is carried out, as a result of which the author comes to the conclusion that it is necessary to detail certain provisions in the Draft of the specified codified act regulating the composition of administrative offenses in the area under consideration.

Keywords: legal entities; administrative liability; administrative offense; proceedings; legal acts; court decision; decision on the case.

Обеспечению безопасности дорожного движения уделяется значительное внимание как руководством государства, так и учеными-административистами, о чем свидетельствует значительное количество научных изысканий в рассматриваемой сфере [1, с. 27; 2, с. 51; 3, с. 9-16; 4, с. 14; 5, с. 300-304; 6, с. 12]. Кроме того, Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно обращал внимание на необходимость повышения безопасности дорожного движения в нашей стране. В частности, на встрече с заместителем председателя Правительства Российской Федерации М.Ш. Хуснуллиным 8 октября текущего года глава государства подчеркнул, что российские власти, полиция и дорожные службы должны вместе работать над повышением безопасности движения [7].

Необходимо отметить, что существует значительное количество факторов, которые прямо или опосредованно влияют на безопасность дорожного движения. Вместе с тем нельзя недооценивать именно законодательное регулирование административной ответственности в области дорожного движения, так как указанная дефиниция является важным фактором профилактики совершения рассматриваемых правых деликтов как самим нарушителем, так и другими лицами.

Административные правонарушения в области дорожного движения предусмотрены гл. 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Следует учесть, что законодательного закрепления понятия административного правонарушения в рассматриваемой сфере в настоящий период времени нет. Исходя из общего содержания понятия правонарушения, необходимо констатировать, что правонарушения в области дорожного движения обладают всеми признаками указанной юридической категории и отличаются от иных деликтов, за которые предусмотрена административная ответственность именно объектом посягательства.

Рассматриваемая группа административных правонарушений является одной из самых многочисленных. Как отмечает научный центр безопасности дорожного движения МВД России, в 2020 году выявлено 175,7 млн (+14,6 %) административных правонарушений [8], находящихся в компетенции органов внутренних дел. При этом выяв-

ленных административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения – 167,2 млн (+15,7 %). Более 95 % административных правонарушений, выявляемых органами внутренних дел, приходится на гл. 12 КоАП РФ.

Полагаем, что особенностью рассматриваемой группы правонарушений является то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев составы являются бланкетными или отсылочными и для правильной квалификации требуется анализ положений иных законодательных актов, регулирующих правоотношения в сфере дорожного движения. К таким нормам следует отнести: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», Федеральный закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Указанные нормативные правовые акты являются достаточно динамичными, учитывают меняющиеся правоотношения в рассматриваемой сфере и, как следствие, требуют внесения изменений в положения действующего

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Следует отметить, что в КоАП РФ вносится ежегодно значительное количество изменений, в том числе направленных на конкретизацию составов гл. 12, ужесточение либо изменение санкций, что не может не сказаться на возникновении определенных сложностей как у должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за безопасностью дорожного движения, так и у участников дорожного движения. Поэтому назрела необходимость модернизации административного законодательства об административной ответственности, выразившаяся в разработке Проекта Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [16].

Обратимся к положениям двух указанных кодифицированных актов и проведем сравнительный анализ их отдельных положений, затрагивающих административную ответственность в области дорожного движения.

Необходимо учесть, что название главы изменений не претерпело, в Проекте правонарушения в области дорожного движения сгруппированы в 21 главу, в действующей редакции это – 12 глава. Практически все ранее закрепленные составы нашли отражение в Проекте, однако произошли отдельные трансформации санкций статей (в основном в сторону их ужесточения), объективной и субъективной сторон рассматриваемых деликтов. Остановимся на наиболее значимых изменениях, свидетельствующих о значительной проделанной работе всеми заинтересованными субъектами, участвующими в реализации государственной политики в области дорожного движения:

- Ст. 12.1. (21.1 Проекта) претерпела значительные изменения, часть вторая трансформировалась в повторность совершения указанного правонарушения. Однако

на указанном моменте хотелось бы остановиться подробнее и указать, что в настоящее время для квалификации не имеет значения форма вины по указанному составу. Проблемой правоприменительной практики в части, касающейся квалификации указанного правонарушения, является привлечение к административной ответственности по ч. 2, ввиду того, что повторность возникает при управлении водителем не одним (разными) транспортным средством, при этом владелец зачастую не владеет информацией о том, что транспортное средство не зарегистрировано или регистрация его аннулирована (например, приобрел автомобиль, регистрация которого прекращена, с документами и государственными регистрационными знаками по договору купли-продажи). Таким образом, в части второй необходимо предусмотреть только умышленное повторное совершение указанного деяния. Санкция указанной нормы также существенно изменилась как суммой административного штрафа (Проект предусматривает административный штраф в размере пяти тысяч рублей), так и новым видом наказания – лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством.

- В редакции ст. 21.2 Проекта КоАП фабула статьи осталась неизменной. В санкции же ч. 3 указанной нормы появилась ответственность индивидуальных предпринимателей за нарушение данной статьи.

Проблемой привлечения к административной ответственности водителей за данное нарушение является тот факт, что наказание за указанное нарушение может постичь даже водителя, который не имел намерения скрывать номера с учетом климатических и дорожных особенностей в России. Таким образом, рассматриваемая норма также должна быть дополнена умыслом совершаемых действий.

- Ст. 21.5 Проекта КоАП РФ (12.5 КоАП РФ) дополнена нормой, предусматривающей ответственность за повторное управление транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента. Следует отметить, что указанное нововведение появилось благодаря обобщению правоприменительной практики, которая свидетельствует, что лица, управляющие транспортными средствами, допускают повторность совершения указанного деликта, а действующая норма не учитывает указанного обстоятельства.

- В Проекте учтены складывающиеся общественные отношения, связанные с запретом на управление транспортным средством в состоянии опьянения, где виды такого опьянения дополнены новыми потенциально опасными психоактивными веществами или иными вызывающими опьянение веществами, что свидетельствует о возникновении прецедентов управления транспортными средствами в вышеуказанных состояниях и необходимости закрепления административной ответственности за такие деяния.

- В Проекте кодекса (ст. 21.8) законодательно установлена административная ответственность за управление транспортным средством лицом в состоянии опьянения, если при этом в салоне транспортного средства будет находиться несовершеннолетнее лицо в возрасте до 16 лет. Представляется вполне обоснованным введение указанной нормы, так как рассматриваемые деяния являются не только потенциально опасными в плане наступления вредных последствий, но и формируют противоправное поведение у лиц, не достигших возраста административной ответственности. Полагаем, что норма является своевременной и будет способствовать законопослушному поведению подрастающего поколения.

- В подавляющем большинстве санкций прослеживается тенденция увеличения суммы административных штрафов, а также отражение в качестве наказания – лишение специального права управления транспортным средством (лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами). Следует отметить, что ст. 3.17 Проекта содержит норму, предусматривающую возможность назначения такого наказания, и в том случае, если лицо уклоняется от исполнения другого ад-

министративного наказания, связанного с порядком пользования таким правом, что, несомненно, будет стимулировать владельцев транспортных средств своевременно исполнять вынесенные постановления. Кроме того, в качестве наказаний предусмотрены обязательные работы и предупреждение.

- Вводится временное ограничение на право управления транспортным средством. Лицу, у которого задержано транспортное средство, может быть приостановлено право управления транспортными средствами до рассмотрения соответствующего дела об административном правонарушении по существу судом.

- Устанавливается административная ответственность за систематическое нарушение правил эксплуатации, использования транспортного средства и управления транспортным средством. Считаем введение нового состава обоснованным и своевременным, способствующим формированию правомерного поведения на дорогах. Вместе с тем считаем целесообразным внести отдельные корректировки в определении объективной стороны данного деяния. В Проекте указано, что ответственность наступит за систематическое нарушение правил эксплуатации, использования транспортного средства (ст. 21.1 (12.1), ст. 21.2 (12.2), ст. 21.5 (12.5) и др.) либо за систематическое нарушение правил управления транспортным средством. Учитывая то обстоятельство, что в Проекте закрепляется понятие грубого административного правонарушения, считаем возможным рассматриваемую норму целесообразно сформулировать следующим образом: «Систематическое нарушение правил дорожного движения, правил эксплуатации и использования транспортного средства, а также неоднократное совершение грубого административного правонарушения, предусмотренного 21 главой настоящего Кодекса, влечет лишение права транспортным средством на срок от шести месяцев до полутора лет».

Рассматриваемую норму необходимо вводить на основании и того, что должностные лица ГИБДД осуществляют анализ и вносят данные, используя Сервис «Информация по злостным нарушителям» в разделе федеральной базы данных Административная практика, где отражают количество нарушений, совершенных тем или иным лицом. Вместе с тем статистические данные свидетельствуют, что участники дорожного движения систематически нарушают правила дорожного движения, что свидетельствует о недостаточной эффективности принимаемых карательных и профилактических мер. Представляется обоснованным, что введение указанной нормы будет способствовать правомерному поведению участников дорожного движения.

- Ст. 21.40 Проекта предусматривает административную ответственность за управление по дорогам общего пользования средствами и механизмами, не предназначенными для движения по таким дорогам, что свидетельствует о необходимости законодательного регулирования правоотношений, связанных с использованием транспортных средств, которые граждане самостоятельно переоборудуют, конструируют и т. д., либо средств заводского изготовления, но имеющих иное предназначение.

Подводя итог проведенному анализу положений рассматриваемых кодифицированных актов, необходимо отметить, что проделана значительная работа по систематизации составов административных правонарушений в области дорожного движения, которая нашла свое отражение в Проекте кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Вместе с тем считаем целесообразным сформулировать ряд предложений, которые, на наш взгляд, должны найти отражение в указанном законодательном акте:

1. Следует предусмотреть административную ответственность за опасное вождение, в том числе отнести к опасному вождению и провокации участников дорожного движения по отношению к сотрудникам Госавтоинспекции.

2. По отдельным составам предусмотреть в качестве административного наказания административный арест.

3. Привлекать к административной ответственности родителей или лиц, их замещающих, по ст. 9.1 Проекта в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных главой 21, лицами, не достигшими как восемнадцатилетнего возраста, так и возраста административной ответственности, и указанное положение отразить в ст. 2.12 Проекта кодекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахаев А.А. Административно-правовое регулирование дорожного движения: вопросы безопасности и ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

2. Занина Т.М., Четверикова А.И. Административно-правовые основы регулирования системы обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 51.

3. Калюжный Ю.Н. Безопасность дорожного движения как компонент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право. 2020. № 4. С. 3-7.

4. Клишковштейн Г.И. Организация дорожного движения. М.: Транспорт, 1981. С. 14.

5. Четверикова А.И. Административно-правовое регулирование дорожного движения в Российской Федерации на современном этапе [Электронный ресурс] // NovaInfo.Ru. 2016. № 55-2. URL: <https://novainfo.ru/article/8864>.

6. Шахриманьян И.К. Безопасность дорожного движения. М., 1986. С. 12.

7. Заседание Президиума Государственного Совета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66968>.

8. По данным ГИАЦ МВД России, форма 577, раздел 3, книга 15 «Сводный суммарный по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации», введена в действие приказом МВД России от 17 августа 2017 г. № 649 [Электронный ресурс] // ГИБДД.РФ. URL: <https://xn--90adeag.xn--p1ai/>

9. О безопасности дорожного движения: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50, ст. 4873.

10. О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федер. закон Рос. Федерации от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2018. № 32 (часть I), ст. 5076.

11. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 46, ст. 5553.

12. Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1 (Часть I), ст. 27.

13. О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ: ред. от 11 июня 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32 (часть I), ст. 5076.

14. О правилах дорожного движения: Постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 47, ст. 4531.

15. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 9.

16. Проект Федерального закона Рос. Федерации «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

УДК 351.81

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ЧАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПДД РФ

Ноговицина Елена Николаевна. Преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье рассматриваются вопросы эксплуатации мобильного электротранспорта участниками дорожного движения, соответствия данного вида средств передвижения и поведения водителей электросамокатов требованиям ПДД РФ в условиях дорожного движения. Проблемы и пути решения по предупреждению дорожно-транспортных происшествий с участием водителей электросамокатов. Анализируется международный опыт и законодательные проекты Российской Федерации, устанавливающие порядок эксплуатации средств индивидуальной мобильности и регулирующие правоотношения участников процесса.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; дорожно-транспортный травматизм; показатели аварийности; государственное регулирование безопасности дорожного движения.

ON THE ISSUE OF THE PROBLEM OF THE OPERATION OF MEANS OF INDIVIDUAL MOBILITY, IN TERMS OF COMPLIANCE WITH THE TRAFFIC REGULATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nogovitsina Elena Nikolaevna. Teacher of the chair of the Organization of Traffic Police Activity.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article deals with the issues of operation of mobile electric vehicles by road users, compliance of this type of vehicles and the behavior of electric scooter drivers with the requirements of the traffic regulations of the Russian Federation in traffic conditions. Problems and solutions for the prevention of road accidents involving electric scooter drivers. The article analyzes the international experience and legislative projects of the Russian Federation, which establish the procedure for the operation of personal mobility equipment and regulate the legal relations of the participants in the process.

Keywords: road safety; mobile electric transport; electric scooters; traffic rules; state regulation of road safety.

Последние годы в России за счет своей мобильности, автономности и эффективности все большую популярность приобретает микроэлектротранспорт. Особенно с появлением услуг сервисов аренды (кикшеринга) стали весьма востребованными для развлечений и коротких поездок по городу электросамокаты – как альтернатива обще-

ственному транспорту. Это привело к тому, что к двухколесному транспорту получили доступ лица, не имеющие опыта управления им, что, в свою очередь, стало причиной многих несчастных случаев, в том числе со смертельным исходом.

Еще несколько лет назад электросамокаты не были так технически оснащены. Все они приравнивались к средствам индивидуальной мобильности типа роликовых коньков или скейтбордов, скорость таких средств достигала не более 25 км/ч.

Согласно данным института территориального планирования «Урбаника», число электросамокатов в российских шеринговых сервисах превысило число велосипедов еще в 2019 году [1].

Популяризации электросамокатов способствует несколько факторов:

- для управления не требуется обучение в автошколе, прохождение экзамена в ГИБДД и получение водительского удостоверения соответствующей категории. В отличие от велосипеда электросамокат кажется более мобильным и устойчивым.

Новая коронавирусная инфекция также сыграла большую роль в развитии таких средств передвижения в условиях города, когда все больше людей предпочитают индивидуальные виды транспорта общественным. В больших городах курьеры и доставщики еды (это сфера бизнеса, показавшая значительный рост спроса у граждан в последние два года) все чаще выбирают именно мобильные электросамокаты, так как современные электросамокаты отличаются серьезным улучшением показателей мощности и времени работы, а также удобством эксплуатации. Однако не все любители СИМ знают, что не всеми электросамокатами можно управлять без водительского удостоверения. Существует значение «разрешенная мощность электрического самоката», эти данные являются отправной точкой для получения такими лицами водительского удостоверения соответствующей категории, дающего право на управление СИМ.

Татьяна Михеева – эксперт в сфере «urbanmobility» считает, что перспективы этого вида транспорта очень серьезные и стратегически правильно развивать его ввиду экологичности и удобства [1].

Вместе с ростом количества электротранспорта и желающих управлять им растет недовольство других участников дорожного движения, так как лица, управляющие электросамокатами, частенько пренебрегают Правилами дорожного движения: получают травмы сами, совершают наезды на пешеходов, мешают движению транспортных средств, создавая опасные ситуации на тротуарах и дорогах общего пользования.

Согласно официальной статистике МВД России, за девять месяцев 2021 года с участием электросамокатов, электроскейтбордов, гироскутеров, сигвеев, моноколес и других мобильных электротранспортных средств было зарегистрировано 416 дорожно-транспортных происшествий. В результате таких аварий погибло – 10 человек, ранено – 438. По сравнению с аналогичным периодом 2020 года прирост дорожно-транспортных происшествий данного вида составил 51,27 % [2].

Казалось бы, есть проблема – должны быть и меры для ее решения. Еще в 2019 году Министерством внутренних дел и Министерством транспорта России началась работа над поправками в ПДД РФ, которые должны определить Правила движения для электротранспорта по тротуарам, улицам и дорогам.

Над представленным в 2021 году Проектом Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации» от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» Министерство внутренних дел и Министерство транспорта России работали три года. Проектом роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства будут выделены в отдельную группу и объединены одним понятием – «сред-

ства индивидуальной мобильности» (СИМ). Для таких участников дорожного движения по новым правилам будут предусмотрены отдельные обязанности. Предлагаемые касательно СИМ поправки предполагают установить:

- преимущество (приоритет) пешеходов во всех случаях совмещенного движения с велосипедистами и лицами, использующими СИМ;
- ограничение скорости движения СИМ (25 км/ч) и массу СИМ, имеющую право для совмещенного передвижения с пешеходами (35 кг);
- правила передвижения на СИМ по тротуарам, пешеходным и велопешеходным зонам, велодорожкам и обочине;
- ввести новые дорожные знаки для таких участников дорожного движения, например знак «Движение лиц на средствах индивидуальной мобильности запрещено» и др. [3].

Водители СИМ обязаны иметь индивидуальные средства защиты, например, обязательным будет использование шлемов.

Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации при обсуждении поправок предложил ввести ОСАГО для людей, пользующихся услугами кикшеринга, а также закрепить оснащение таких СИМ номерными знаками.

Наряду с этим, актуальным для обсуждения может быть ряд аспектов в виде: классификации СИМ, учитывающей конструктивные особенности и мощность их электродвигателя (электродвигателей); регламентации владения определенными моделями; обязательности экипировки для определенных моделей СИМ; проведения просветительской работы для лиц, управляющих СИМ; особенностей перевозки различных вещей и предметов на (при помощи) СИМ; особенностей хранения СИМ и их перевозки в общественном транспорте; регламентации тюнинга (изменения) СИМ; определения особенностей использования СИМ на территориях, не подпадающих под действие Правил; развития соответствующей инфраструктуры для передвижения на СИМ; регламентации проката СИМ и др. [4].

Много предложений, много споров вокруг вносимых в ПДД поправок. Но очевидно одно – когда для таких участников дорожного движения будут предусмотрены отдельные обязанности, а средства индивидуальной мобильности получат определение и будут приравнены к транспортным средствам, это позволит обязать их владельцев соблюдать Правила дорожного движения и приравнять ответственность каждого водителя электросамоката к ответственности водителей других транспортных средств.

Возрастающее использование гироскутеров, сегвеев, моноколес, электросамокатов порождает среди исследователей и сотрудников органов внутренних дел ряд вопросов ввиду отсутствия норм, закрепляющих основные положения использования данных средств и их официальное название. Так, гироскутеры, сегвеи, моноколеса, электросамокаты не имеют собственного определения, закрепленного на законодательном уровне, самостоятельного места в классификации участников дорожного движения; их использование не находит определенного законодательного отражения, что является причиной для многообразия при определении места рассматриваемых средств передвижения среди других участников дорожного движения [5].

Действующими ПДД установлено немало требований к транспортным средствам и участникам дорожного движения, в которых можно легко запутаться. С точки зрения ПДД, водитель самоката – это пешеход. Для самокатов, которые приводятся в движение исключительно человеческой ногой, такие требования выглядят вполне обоснованными, в отличие от требований, предполагаемых для средств индивидуальной мобильности.

Действительно четкого определения, что такое электросамокат, по состоянию на 2021 год, в ПДД нет. Однако есть понятия «Велосипед», «Мопед», «Мотоцикл» и пра-

вила, которыми должны руководствоваться участники дорожного движения в случае эксплуатации указанных «транспортных средств», то есть устройств, предназначенных для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем [3].

При этом определение транспортного средства, содержащееся в ПДД, дает четкое понимание того, к какому из видов транспортных средств можно отнести электросамокат. Самое главное – необходимо установить его максимальную скорость и мощность двигателя, а также его параметры и количество колес. Имеется и нарабатанная судебная практика по их разделению: в одних случаях их считают мопедами, в других – просто устройством для пешеходов. Соответственно, в определенных случаях водитель электросамоката обязан иметь водительское удостоверение, дающее ему право управлять транспортным средством, приравненным к мопеду. Практика показывает, что чаще всего лица, управляющие электросамокатами, у которых значительно больший скоростной режим, чем у обычных пешеходов, водительского удостоверения не имеют, в силу своего возраста или по незнанию требований ПДД.

Все зависит от технических характеристик электросамоката: если мощность менее 250 Вт – необходимости в водительском удостоверении нет, а если его максимальная скорость не более 50 км/ч или электродвигатель с номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки от 250 Вт до 4 кВт – приравнивается к мопеду, а лицо, им управляющее, должно иметь водительское удостоверение категории «М». Наличие водительского удостоверения любой другой категории или подкатегории подтверждает право на управление транспортными средствами категории «М», согласно ст. 25 Федерального закона Российской Федерации от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Сотрудникам Госавтоинспекции, в силу возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, сегодня нередко приходится сталкиваться со средствами индивидуальной мобильности и лицами, ими управляющими. Безусловно, исходя из требований действующего законодательства, сотрудник Госавтоинспекции имеет право остановить такой вид транспорта, установить факт наличия у лица, управляющего электросамокатом, документов, подтверждающих технические параметры СИМ и право на управление им. В случае выявления признаков опьянения или других нарушений ПДД со стороны лиц, управляющих СИМ, нужно принять к ним меры по пресечению административных правонарушений в области дорожного движения.

Правда, на практике все не так однозначно. Как показывает анализ сложившейся судебной практики, на определение правового статуса лица, управляющего таким транспортным средством, влияют технические характеристики транспортного средства и, в частности, мощность электродвигателя, то есть при определенных условиях электросамокат может быть признан мопедом. Однако и в данном отношении судебная практика не всегда однозначна [6], как и действия должностных лиц Госавтоинспекции в части возбуждения административных производств по признакам ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ и других нарушений ПДД.

Кроме этого, имеют место факты задержания и изъятия электросамокатов у их владельцев. Прецедент по изъятию электросамоката у его владельца произошел в Татарстане в августе 2021 года. Сотрудники ДПС заметили электросамокат на дороге и после остановки заподозрили, что водитель находится в состоянии опьянения. Документов на самокат у него не было, от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения он отказался, а в результате осмотра электросамоката сотрудниками ГИБДД была установлена его мощность – 600 W. При таких обстоятельствах электросамокату владельца был изъят и поставлен на штрафную стоянку, а административный материал по признакам ст. 12.26 КоАП РФ направлен в Мировой суд [7].

Надо понимать, что микроэлектротранспорт только начинает завоевывать наши улицы и дороги, а в дальнейшем его будет становиться значительно больше. Он мобилен, компактен и экологичен, что сегодня как никогда важно. На электротранспорте можно быстро и удобно передвигаться по городу; он дает возможность перемещаться тем, кто в силу разных причин лишен мобильности.

Конфликтные ситуации в дорожном движении с участием электросамокатов возникают по всему миру. В целом это проблема всего международного сообщества, но единого универсального решения в настоящий момент так и не найдено. Тем не менее при разработке проекта внесения поправок в ПДД касательно мобильного электротранспорта российскими законодателями был изучен опыт ряда зарубежных государств.

Так, в США самокаты разрешено использовать на велосипедных дорожках, а на трассе среди автомобилей скорость ограничена до 40 км/ч. Водители во время движения должны держаться ближе к обочине и соблюдать правила дорожного движения: двигаться по правой стороне в соответствии с сигналами светофоров и уступать пешеходам дорогу.

В 2021 году законы каждого штата накладывали собственные ограничения на использование электросамокатов и отличались:

- скоростными ограничениями (от 24 км/ч в Калифорнии до 48 км/ч во Флориде);
- минимальным возрастом пользователей электросамокатов (от 12 лет в Мичигане до 16 лет в Неваде);
- нормами использования на общих дорогах и тротуарах (нельзя ездить по обочине в Вашингтоне, запрещено выезжать на дороги в Пенсильвании).

В нескольких штатах для вождения необходимо получить водительскую лицензию (как для легковых автомобилей): например, в Алабаме, Калифорнии и на Аляске. В Северной Каролине самокат придется зарегистрировать как транспортное средство.

Во Франции в 2019 году электросамокаты и подобные им устройства отнесли к новому классу «личных моторизованных средств передвижения». Для водителей ввели следующие ограничения:

- запретили ездить детям до восьми лет;
- детей до 12 лет обязали надевать шлем во время поездки;
- скорость ограничили до 25 км/ч, за превышение – штраф €1500.

Водителям запретили возить пассажиров и ездить в наушниках. Также нельзя выезжать на тротуары, по ним можно вести самокаты только руками и рядом, иначе грозит штраф €135.

На самокате должны быть гудок, передние и задние фары, а на водителе – светоотражающая одежда.

С июня 2019 года власти Германии официально разрешили ездить на электросамокатах вне тротуаров при условиях:

- скорость не должна превышать 20 км/ч;
- самокат нужно оборудовать передними и задними фарами, боковыми отражателями, тормозами и звонком (или другим сигнальным устройством);
- максимальные габариты самоката: ширина, общая высота и длина – не более 70, 140 и 200 см соответственно. Масса без водителя – не более 55 кг.

В Великобритании по действующим правилам электросамокаты запрещены к использованию на дорогах общего пользования. С лета 2020 года власти проводят эксперименты по прокату электрических самокатов в разных регионах страны. Единой по-

зиции законодатели пока не выработали, ведется подготовка нормативно-правовых изменений.

С октября 2018 года правительство Китая требует от владельцев электрических велосипедов и самокатов пройти регистрацию в Дорожной полиции, чтобы получить номерной знак. Транспорт можно зарегистрировать, если соблюдены требования: максимальная скорость – 15 км/ч, масса не должна превышать 55 кг, мощность – в пределах 400 Вт и 48 В. На транспорте должна быть установлена литиевая батарея.

Еще в июле 2020 года европейская ассоциация городских организаций EUROCIITIES привлекла внимание к сильному разбросу правил, регулирующих порядок движения электросамокатов в странах ЕС, и призвала выработать свод единых законов.

Таким образом, проанализировав международный опыт и сложившуюся в Российской Федерации практику по реализации мер по установлению порядка эксплуатации средств индивидуальной мобильности, мы видим, что технический прогресс заметно опережает способность государства своевременно регулировать его процессами. Поэтому надеемся, что работа над Проектом поправок в ПДД скоро будет завершена и документ обретет статус законодательного акта. Как только этот вопрос будет решен, представляется, что большинство имеющихся дорожных конфликтов будут исчерпаны. Понятно, что рассчитывать только на благоразумие и сознательность пользователей СИМ недостаточно.

Большое разнообразие индивидуальных средств передвижения (СИМ), которое сегодня характерно для многих городов Российской Федерации, в большей степени преобладает в мегаполисах, что приводит к возникновению ряда проблем, в том числе и аварийности. В связи с этим для разработки дальнейших целенаправленных мероприятий, направленных на устранение возникающих проблем, прежде всего необходима разработка специализированной классификационной системы, которая позволит отнести средства индивидуальной мобильности к определенной категории средств передвижения с учетом их основных характеристик и требований к безопасности передвижения в городской среде, анализа основных типичных расстояний поездки, скорости и других параметров для различных сосуществующих видов транспорта, как это сделано в европейских городах [8].

Также необходимо дальнейшее развитие городской инфраструктуры. Грамотный подход и создание в городах структурной сети специальных дорожек, велодорожек, парковочных мест и т. д. вполне может решить многие имеющиеся проблемы, как и создание условий для подготовки пользователей средств индивидуальной мобильности к участию в дорожном движении. Следует рассмотреть вопросы получения водительского удостоверения отдельной категории либо подкатегории, приравняв электросамокаты к механическим транспортным средствам, в зависимости от максимальной массы и общей мощности; определить статус участников дорожного движения на электросамокатах и возможность идентификации СИМ посредством выдачи регистрационных знаков; продумать ограничения и ввести ответственность для таких участников дорожного движения за несоблюдение соответствующих требований действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасева О., Коваленко С. Не транспортное средство: Как электросамокаты стали развлечением и угрозой для пешеходов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-village.ru/business/situation/elektrosamokaty>

2. МВД: статистика ДТП за 9 месяцев 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://tiar.ru/news/mnenie-eksperta/mvd-statistika-dtp-za-9-mesyatsev-2021-goda/>.

3. Проект Постановления Правительства Рос. Федерации «О внесении изменений в Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации» от 23 октября 1993 г. № 1090 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Сойников С.А. Особенности определения административно-правового статуса участников дорожного движения, использующих современные технические средства передвижения (средства индивидуальной мобильности) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 216-219.

5. Волков П.А., Кеменяш Ю.В. Средства индивидуальной мобильности: вопросы теории и практики использования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 51-55.

6. Ирошников Д.В. Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4(58).

7. Прецедент [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1342907>.

8. Донченко В.В. Анализ основных классификационных систем средств индивидуальной мобильности. DOI: <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2021-18-3-525-263> // Вестник СибАДИ. 2021. Т. 18. № 3(79). С. 525-263.

**Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

УДК 343.7

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРПОРАТИВНЫЕ ХИЩЕНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ УПРАВЛЯЮЩИМИ И КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ЛИЦАМИ
(ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТА ИМУЩЕСТВА КОРПОРАЦИЙ)**

Олейник Виталий Васильевич. Старший преподаватель кафедры специальных дисциплин. Кандидат юридических наук.

Дальневосточный юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 680020, Российская Федерация, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

По своей природе присвоение и растрату относят к числу наиболее «спорных» разновидностей имущественных правоотношений. Законодательные конструкции в этой части дают не совсем четкое понимание в этом. Часто такие действия подпадают под выводы активов из компаний на аффилированные или подконтрольные обвиняемому юридическому лицу счета. В статье анализируются имущественные права и интересы, являющиеся одними из важнейших благ, защита которых входит в число первоочередных задач уголовного закона. К их числу относятся корпоративные права и законные интересы участников предпринимательских корпораций. Однако практика применения уголовного законодательства свидетельствует о недостаточной защищенности указанных прав и интересов от преступных посягательств.

Ключевые слова: уголовный закон; корпорации; обвиняемый; потерпевший; имущество; хищение.

**CRIMINAL LIABILITY FOR CORPORATE THEFT COMMITTED
BY MANAGERS AND CONTROL PERSONS (SEQ AND EMPLOYMENT
OF CORPORATION PROPERTY)**

Oleynik Vitaliy Vasil'evich. Senior teacher of the chair of Special Disciplines. Candidate of legal sciences.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 680020, Russian Federation, Khabarovsk, per. Barracks 15.

By their nature, appropriation and embezzlement are among the most «controversial» varieties of property legal relations. Legislative constructions in this part do not quite give a clear understanding of this. Often such actions fall under the withdrawal of assets from companies to accounts affiliated or controlled by the accused legal entity. The article analyzes property rights and interests, which are one of the most important benefits, the protection of which is one of the priorities of the criminal law. These include corporate rights and legitimate interests of participants in business corporations. However, the practice of applying the

criminal law testifies to the insufficient protection of these rights and interests from criminal encroachments.

Keywords: criminal law; corporations; accused; victim; property; embezzlement.

Очевидно, что одним из наиболее опасных посягательств на имущественные интересы участников корпорации является присвоение и растрата имущества.

Многие авторы подчеркивают, что присвоение и растрату можно рассматривать как злоупотребление доверием, поскольку предметом преступления является имущество, «вверенное» виновному. Так, по мнению Г.Н. Борзенкова, «передача имущества в ведение виновного всегда является определенным актом доверия, поэтому последующее присвоение вверенного имущества есть одновременно злоупотребление оказанным доверием» [1, с. 73-74]. А.Г. Безверхов отмечает, что присвоение и растрата «выражаются в злоупотреблении тем доверием, которое оказано виновному самим фактом передачи ему чужого имущества без перехода права собственности» [2, с. 4]. Это мнение поддерживают О.В. Белокуров [3] и многие другие авторы.

Объективная сторона присвоения или растраты является предметом дискуссии, что во многом обусловлено предельно краткой характеристикой данного преступления в УК РФ: «присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному». Из этого определения следует, что:

- растрата не является последствием присвоения (хотя такая позиция ранее высказывалась в литературе), так как законодатель использовал союз «или»;
- и присвоение, и растрата являются формами хищения;
- предметом преступления является имущество, «вверенное» виновному.

В доктрине уголовного права и судебной практике высказано несколько точек зрения о соотношении «изъятия» и «обращения» при хищении.

1. Объективную сторону хищения наиболее точно выражает такое понятие, как «изъятие чужого имущества»; указание же на такую форму поведения, как «обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц», представляется излишним.

2. Изъятие и обращение рассматриваются как этапы хищения.

Как пишет С.В. Богданчиков, «изъятие предмета хищения означает прекращение тем или иным способом господства собственника или иного владельца над предметом посягательства, а обращение в пользу виновного или других лиц – установление господства над предметом посягательства этих лиц. <...> Установление господства означает, что для субъекта отсутствуют препятствия осуществлять свою волю в отношении изъятого им предмета посягательства» [4, с. 50-51].

Подход о том, что «теория завладения» характеризуется авторами. Например, Н.С. Таганцев писал, что «изъять вещь из чужого владения – значит разрушить владение потерпевшего и создать на его месте новое владение вопреки действительной воле хозяина» [5]. «Изъятие вещи не может быть ничем иным, как лишением владения», – считает А.Г. Безверхов [6, с. 140].

В доктрине гражданского права владение традиционно рассматривается как фактическое состояние господства над вещью [7, с. 211-212]. В современной континентальной цивилистике владение также традиционно понимается, скорее, как фактическое состояние дел, рассматриваемое независимо от наличия или отсутствия у лица какого-либо права на эту вещь [8]. Владение, как правило, является условием для пользования вещью, а часто – и для распоряжения ею.

Владение, безусловно, не может пониматься буквально, как постоянный физический контакт с вещью – в таком случае пришлось бы забыть о возможности длительно-

го владения практически любыми вещами, даже небольшими, а владение недвижимостью стало бы практически невозможным [8]. В.А. Белов отмечает, что не может идти речь об утрате владения в случаях, когда владелец временно прекращает оказывать физическое воздействие на вещь, но выражает намерение оставаться владельцем [9], а также, что «...невольное пространственное соприкосновение с вещью ... владения не образует» [9].

Отсюда владение характеризуется некоторыми авторами не только как фактическое, но и как «волевое» состояние, связанное с некоторым интересом владельца, состоящим в извлечении из вещи ее потребительской или меновой стоимости [9].

В российской доктрине пока не сложилось единого мнения по вопросу о необходимости такого деления. Некоторые ученые отрицают его необходимость. Так, в п. 1.5 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указывается, что «нет необходимости закреплять в ГК так называемое двойное владение» [10]. Другим авторам «двойное владение представляется конструкцией, которая может пригодиться для разрешения многих спорных ситуаций» [8]. Судебная практика последнего времени признает существование такового прямо или косвенно [8].

Из изложенного следует, что «изъятие имущества» – это не что иное, как завладение чужим имуществом. При изъятии имущества его «обращение в пользу виновного или других лиц» есть не этап хищения, а цель изъятия, отражающая интерес похитителя. Но эту цель можно достичь и без физического изъятия, если лицо уже является производным владельцем вещи (вверенного имущества).

Хищение вверенного имущества его законным «производным» владельцем (арендатором, хранителем и т. д.) у «опосредованного владельца» (собственника) имеет два одновременно наступающих последствия:

1) У «опосредованного владельца» (собственника) владение прекращается, так как он полностью утрачивает физический контроль над вещью. Это, в принципе, можно назвать изъятием (в смысле выбывания имущества из имущественного фонда собственника); тогда следует признать существование различных форм изъятия имущества: обычное (не вверенного имущества) и изъятие вверенного имущества.

2) У «производного владельца» (не собственника) владение может трансформироваться двумя способами:

1. Изменить свой характер: из владения на законном основании (законного) превратиться во владение без законного основания (незаконное). Таким образом, как представляется, происходит присвоение имущества.

2. Незаконно прекратиться (в результате потребления имущества, передачи владения третьему лицу). Это можно охарактеризовать как растрату.

Очевидно, что Пленум поддержал распространенную точку зрения, согласно которой в растрате как форме хищения отсутствует переход от правомерного владения вверенным имуществом к неправомерному (Г.Н. Борзенков [1, с. 65]). При растрате «...виновное лицо непосредственно сразу же отчуждает, расходует, потребляет вверенное ему имущество» [11].

В результате трансформации владения реализуется цель «обращения имущества в пользу виновного или других лиц». В связи с этим следует поддержать точку зрения Н.А. Лопашенко и других ученых, что в случае присвоения и растраты происходит и изъятие (в особой форме), и обращение имущества в пользу виновного или других лиц.

Однако к ситуациям присвоения и растраты имущества юридического лица управляющими данная логика применима не в полной мере.

Управляющего нельзя назвать производным владельцем имущества. В данном случае больше подходит термин «ведение»: имущество организации находится в веде-

нии его руководителя, который наделен правом распоряжаться и управлять им в достаточно широких пределах в интересах собственника.

Именно так характеризуется статус имущества организации в Постановлении Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2009 г. № 229-П09; Определении Верховного Суда Рос. Федерации от 18 июня 2007 г. № 12-007-10, от 28 июня 2012 г. по делу № 70-Д12-13, от 30 июня 2014 г. № 19-УДП14-9 [12].

Следует согласиться с авторами, предлагающими диспозицию ч. 1 ст. 160 УК после слов «вверенного виновному» дополнить словами: «или находящегося в его ведении» [3].

В связи с изложенным можно утверждать, что управляющий присваивает имущество не путем перевода законного владения в незаконное, а путем простого завладения. При растрате имущества управляющим он:

- завладевает и пользуется им (в случае потребления);
- позволяет другим лицам завладеть им, в том числе путем распоряжения;
- распоряжается без завладения, в пользу других лиц.

В связи с этим представляется возможным согласиться с В.Н. Дерендяевым, который в ч. 1 ст. 160 УК РФ усматривал три отдельные формы хищения, а именно: «1) присвоение; 2) растрата; 3) хищение, совершенное лицом с использованием служебного положения» [13, с. 18].

Распоряжение имуществом, вверенным виновному, при совершении преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, должно быть противоправным. Здесь кроется серьезная проблема, поскольку противоправность по-разному понимается в уголовном и гражданском праве.

В уголовном праве высказывается мнение, что противоправность изъятия заключается «...в отсутствии согласия собственника или иного владельца имущества на переход вещи в отсутствие у виновного права на предмет посягательства» [14, с. 51].

Как отмечалось выше, в доктрине гражданского права противоправными являются такие действия управляющих, которые совершаются вопреки интересам юридического лица, являются недобросовестными и неразумными (противоправность неотделима от вины).

В уголовном праве, где вина определяется как элемент субъективной стороны, необходимо разделять противоправность.

Представляется, что противоправность выражается в том, что полномочия юридического лица – собственника имущества осуществляются управляющим:

- с нарушением установленных законом или уставом ограничений;
- без такового, но вопреки его законным интересам.

При этом, безусловно, необходимо устанавливать направленность умысла и цель.

В настоящее время существует серьезная проблема отграничения присвоения и растраты управляющими (ч. 3 ст. 160 УК РФ) от мошенничества, совершаемого путем злоупотребления доверием лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Применительно к «частным лицам» эту проблему решают, используя следующие критерии:

- момент возникновения умысла: при мошенничестве умысел виновного на завладение переданным имуществом возникает до его передачи, а при присвоении и растрате – лишь после того, как имущество передано на законных основаниях [3];
- по отрасли права (законодательства), регулирующей отношения между виновным и потерпевшим на момент совершения хищения: при присвоении (растрате) отно-

шения между потерпевшим и виновным регулируются нормами трудового законодательства; при мошенничестве – общими нормами гражданского законодательства [3];
– наличие обмана, предшествовавшее «вверению» имущества: очевидно, что только о мошенничестве может идти речь, когда имущество «вверяется» в результате обмана со стороны получателя, поскольку в этом случае нет титульного (законного) владения похитителя [15].

Однако применительно к корпоративным управляющим данные критерии, по очевидным причинам, не применимы – таким образом, конкуренция становится непреодолимой.

В судебной практике немало решений, где квалификация представляется достаточно спорной.

Так, Зубцов, являясь акционером и генеральным директором ОАО, был признан виновным в хищении объектов недвижимости указанного ОАО.

Хищение осуществлялось посредством цепочки сделок: 1) заключения фиктивных договоров займа с работниками общества от имени ОАО (выступающим в роли «заемщика»); 2) последующей передачи объектов недвижимости в счет погашения «задолженности»; 3) покупки объектов от своего имени по заниженной цене и 4) последующей их продажи. Действия Зубцова были квалифицированы как мошенничество путем обмана акционеров в особо крупном размере, с использованием своего служебного положения, по предварительному сговору [16].

Представляется, что речь здесь должна идти не об обмане, а о злоупотреблении доверием, так как Зубцов распоряжался вверенным имуществом. При этом его действия, как представляется, вполне можно было квалифицировать как присвоение недвижимости.

Р.С., будучи генеральным директором ЗАО «1», подделав решение единственного акционера К. о продаже здания, совершил отчуждение ЗАО «2», деятельностью которого фактически руководил. Действия Р.С. квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ [17].

В данном случае проблема заключается в том, что виновный не обманывал участников общества, а злоупотребил их доверием; подлог же документов не может быть квалифицирован как мошеннический обман. Поэтому оправданной в данном случае представляется квалификация деяния как растраты.

Устранить возникшую неопределенность можно возвратом к традиционному понятию «мошеннический обман» в постановлении пленума Верховного Суда РФ и исключением «злоупотребления доверием» из состава мошенничества.

Другим вариантом решения проблемы может стать дополнение УК РФ новой статьей об ответственности за служебное хищение (с уточнением общего понятия хищения, изменением составов мошенничества, присвоения и растраты). Такие предложения вносят, в частности, Л.Д. Гаухман и М.П. Журавлев [18], А.Г. Безверхов и В.С. Коростелев [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М.: Юридическая литература, 1971. 168 с.
2. Безверхов А. Некоторые вопросы квалификации присвоения и растраты // Уголовное право. 2008. № 4. С. 4.
3. Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. М.: Юрист, 2003. 117 с.

4. Богданчиков С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 160 с.
5. Скловский К.И. Владение в Гражданском кодексе // Закон. 2009. № 5. С. 50.
6. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за служебные хищения чужого имущества // Вестник Самарского юридического института, 2014. № 3 (14). С. 68.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. С. 211-212.
8. Рыбалов А. Владение (проект комментария к п. 1 ст. 209 ГК) [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/28/vladenie_proekt_kommentarij_k_p_1_st_209_gk.
9. Белов В.А. Современное состояние и перспективы развития цивилистической теории ценных бумаг // Вестник гражданского права, 2010. Т. 10. № 4. С. 43-44.
10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена на заседании Совета под председательством Президента Рос. Федерации 7 октября 2009 г. [Электронный ресурс] / Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации. URL: <http://privlaw.ru/sovet-pokodifikacii/conceptions/koncersiya1/>.
11. Бойцов А.В. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775.
12. Яни П.С. Хищение вверенного имущества // Законность. 2016. № 7.
13. Дерендяев В.Н. Уголовная ответственность за присвоение вверенного имущества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 18.
14. Богданчиков С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения). М., 2008. С. 50-51.
15. Прозументов Л.М., Архипов А.В. К вопросу о разграничении присвоения и кражи // Уголовное право. 2016. № 5.
16. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 3 октября 2012 г. по делу № 37-Д12-26 [Электронный ресурс] // ГАС. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=506496.
17. Апелляционное определение Московского городского суда от 21 июля 2014 года по делу № 10-9015/14.
18. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. К вопросу о понятии хищения // Уголовное право. 2014. № 6.

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Подчерняев Александр Николаевич. Начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Кравцов Иван Александрович. Начальник кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

Служебный адрес: 394065, Российская Федерация, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53.

В статье определяется позитивное значение предпринимательства как движущей силой рыночной экономики нашей страны. Выделяется стремление участников экономических отношений к извлечению прибыли, при этом аргументируется наличие корыстной мотивации у недобросовестных предпринимателей. Авторами выделен комплекс причин, детерминирующих незаконную предпринимательскую деятельность. Подвергнуты анализу статистические показатели незаконного предпринимательства за последние пять лет, выявлены основные тенденции.

Представлены уголовно-правовая характеристика положений ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», а также мнения ряда ученых об эффективности данной уголовно-правовой нормы и практики ее применения в соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу.

Авторами сформулирован вывод о значении мер уголовно-правового характера, устанавливающих запрет на осуществление незаконной предпринимательской деятельности при одновременном соблюдении баланса интересов участников экономической деятельности посредством эффективной реализации регулятивных, запретительных и поощрительных норм.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство; незаконная предпринимательская деятельность; уголовная ответственность.

ON THE ISSUE OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Podchernyaev Alexander Nikolaevich. Head of the chair of Criminal Law, Criminology and Psychology. Candidate of legal sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

Kravtsov Ivan Alexandrovich. Head of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of legal sciences, associate professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 394065, Russian Federation, Voronezh, ave. Patriotov 53.

The article defines the positive value of entrepreneurship as a driving force of the market economy of our country. The desire of participants in economic relations to make a profit is highlighted, while the presence of selfish motivation among unscrupulous entrepreneurs is argued. The authors have identified a complex of reasons that determine illegal entrepreneurial activity. The statistical indicators of illegal entrepreneurship over the past five years have been analyzed, and the main trends have been identified. The article presents the criminal-legal characteristics of the provisions of Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal Business", as well as the opinion of a number of scientists about the effectiveness of this criminal law, and the practice of its application in accordance with the position of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue. The authors formulated a conclusion about the significance of criminal law measures that prohibit illegal entrepreneurial activity while maintaining a balance of interests of economic participants through the effective implementation of regulatory, prohibitive and incentive norms.

Keywords: illegal entrepreneurship; illegal entrepreneurial activity; criminal liability.

Современная структура экономических отношений в России включает в качестве системообразующей деятельность, направленную на пользование имуществом, продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг. Такая деятельность, осуществляемая самостоятельно на свой риск, направленная на систематическое получение прибыли в соответствии с гражданским законодательством, признается предпринимательской [1].

Предпринимательская деятельность обеспечивает естественные производство и оборот товаров (продукции), оказание услуг и т. д. Стремясь получить прибыль, предприниматели в рамках правового поля участвуют в рыночных отношениях; вовлечены в товарно-денежный оборот.

М.Г. Жилкин определяет предпринимательскую деятельность как регулируемую нормами гражданского законодательства социально-полезную деятельность человека, позволяющую развивать экономику государства за счет предприимчивости, инициативы и здоровой конкуренции участвующих в ней индивидуумов. Объективно являясь локомотивом рыночной экономики, предпринимательская деятельность формирует рынок труда, создает прибавочный продукт, вносит весомый вклад в наполнение бюджета страны за счет уплаты налогов и других сборов. Такая исключительно позитивная роль предпринимательской деятельности идеально вписывается в государственную стратегию экономического прорыва и создания справедливого социального государства [2].

Вместе с тем стремление получить прибыль в некоторых случаях превалирует над законопослушностью, правовой культурой. Выход предпринимателя за рамки закона влечет ответственность по соответствующим нормам административного и уголовного законодательства. В теории уголовного права такая мотивация именуется корыстной. Приходится констатировать, что в современных условиях именно корыстная мотивация доминирует в качестве субъективной составляющей противоправной деятельности.

Данный вывод подтверждают статистические показатели преступности в нашей стране. Так, ежегодно около половины всех регистрируемых преступлений традиционно составляют посягательства на собственность, в которых корысть выступает конструктивным признаком состава преступления.

За последние пять лет средний показатель таких уголовно-наказуемых деяний составил 51,3 %. В 2020 году хищения чужого имущества составили 55,3 % – 1 130 442

преступления, совершенных путем кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. В 2019 году этот показатель составлял 53,5 % – 1 083 000 преступлений. В 2018 году – 51,7 %, 1 029 605 преступлений. В 2017 году – 52,3 %, 1 076 595 преступлений. В 2016 году – 43,7 %, 943 963 преступления [3]. Как видно, статистика убедительно демонстрирует стремление преступников обогатиться противоправным путем. Все чаще преступники используют в качестве предмета хищения дорогостоящее имущество, например транспортные средства [4].

Вообще материальный достаток обеспечивает качество жизни в современном обществе, и стремление извлечь прибыль за счет противоправной деятельности обеспечивает реализацию потребностей нарушителей закона. Причем запросы ряда преступников демонстрируют желание жить комфортно, достигнув высоко уровня жизни в максимально короткие сроки при минимальных усилиях.

Конечно, хищения имущества можно считать наиболее примитивным способом незаконного достижения материального достатка. Однако имеются сферы экономической деятельности с высокой рентабельностью, позволяющие извлекать существенный доход, в том числе обходя законные требования государства по регистрации, лицензированию, налогообложению и т. д. Так, например, последнее время достоянием общест-венности стали обнародованные фаты множественных нарушений частными медицинскими клиниками и фармацевтическими компаниями нормативных правовых требований [5].

Именно по этой причине существуют факты осуществления предпринимательской деятельности с нарушением действующего федерального и отраслевого законодательства, получения высоких доходов вне правового поля.

В целом незаконное предпринимательство оказывает отрицательное воздействие на экономику страны, нарушает добросовестную конкуренцию, препятствует прозрачности и контролируемости коммерческой деятельности, создает угрозу безопасности потребителей продукции и пользователей услуг.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ст. 171 определяет незаконную предпринимательскую деятельность как осуществляемую без регистрации или без лицензии, либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны. При этом уголовная ответственность наступает при причинении деянием крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо если оно сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, что должно составить свыше 2 миллионов 250 тысяч рублей [6].

Санкция за совершение незаконного предпринимательства отвечает идее либерализации уголовной ответственности в сфере экономической деятельности и не содержит наказания в виде лишения свободы. Действительно, деяние, квалифицируемое по ч. 1 ст. 171 УК РФ, наказывается штрафом размером до 300 000 рублей. Размер штрафа, по мнению законодателя, может также определяться размером заработной платы осужденного за период до 2 лет, а также размером другого дохода осужденного за аналогичный период. Кроме этого, незаконное предпринимательство может в качестве альтернативного наказания караться обязательными работами на срок до 480 часов. Предусмотрен также арест на срок до 6 месяцев.

В качестве квалифицирующих признаков, повышающих степень общественной опасности незаконного предпринимательства по ст. 171 УК РФ и влекущих более строгую уголовную ответственность, предусмотрены совершение деяния в составе организованной группы (п. а, ч. 2), извлечение дохода в особо крупном размере, что составля-

ет свыше 9 миллионов рублей. Совершение квалифицированного незаконного предпринимательства может наказываться лишением свободы на срок до 5 лет со штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, либо без такового [6].

Еще одним проявлением либерализации уголовной политики государства в отношении лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность, является ряд уступок законодателя, касающихся привлечения граждан к соответствующим видам наказаний.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 171 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба либо перечислило доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

При этом в соответствии с п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» для прекращения уголовного преследования возмещение ущерба и перечисление в федеральный бюджет дохода и денежных возмещений должны быть произведены в полном объеме до момента удаления суда в совещательную комнату. Сам размер ущерба, подлежащего возмещению, определяется на основании первичных учетных документов, гражданско-правовых договоров, выписок (справок) по расчетным счетам, информации по сделкам с использованием электронных средств платежа и т. д.

В отношении лица или группы лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 171 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76.1 УК РФ не предусмотрено [7].

Особенности квалификации и доказывания фактов незаконного предпринимательства обобщены в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». При этом рядом ученых отдельные его положения подвергаются критике.

Так, по мнению С.М. Кочои, Постановление содержит не только разъяснения, помогающие правоприменителю, но и спорные разъяснения.

Согласно п. 9 Постановления, действия лица, сопряженные с извлечением дохода в крупном или особо крупном размере либо с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству, следует квалифицировать как осуществление незаконной предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если федеральным законом разрешено заниматься предпринимательской деятельностью только при наличии специального разрешения (лицензии), но порядок и условия не были установлены, а лицо стало осуществлять такую деятельность в отсутствие специального разрешения (лицензии). Однако не раскрывается вопрос определения порядка и условий, которые не были установлены.

Согласно п. 10 Постановления, субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, может быть как лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, так и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Данное толкование нормы закона, по мнению С.М. Кочои, содержит путаницу, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 171 УК РФ указывается на осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, а не на осуществление предпринимательской деятельности лицом без регистрации. Обратим внимание, что, например, субъектом мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ), Пленум Верховного Суда Рос. Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 11) признает только индивидуального предпринимателя (или члена органа управления коммерческой организации).

Неоднозначным следует признать положение п. 12 Постановления об определении дохода в ст. 171 УК РФ как выручки от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности. В данном случае смешиваются понятия «выручка» и «доход». Действительно, доход может быть и равен чистой выручке предприятия и предпринимателя, но чаще всего у них имеется несколько видов дохода, тогда как выручка может быть только одна – от основной деятельности.

Нуждается в проработке и вопрос о соотношении преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, и преступления, предусмотренного ст. 198 и 199 УК РФ. Согласно п. 16 Постановления, действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Однако представляется, что такая рекомендация применима лишь к тем случаям, когда в действиях виновного отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199 УК РФ, содержащего более строгую санкцию [8].

В свою очередь, по мнению М.Г. Жилкина, нуждается в исключении из текста Постановления положения пп. 3 и 4, разъясняющих декриминализованные формы незаконного предпринимательства, сопряженного с нарушением правил регистрации, с представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, с нарушением лицензионных требований и условий, наличие которых порождает проблемы уголовно-правовой оценки совершенного деяния, требующие дополнительных разъяснений [2].

Для всестороннего определения такого социально-негативного явления, как незаконное предпринимательство, необходимо исследовать его современное состояние, динамику развития и структуру.

По данным ГИАЦ МВД России, в период с 2016 по 2020 год анализ количественных и качественных показателей данного вида преступности выглядит следующим образом: за 5 лет выявлено 1663 факта незаконного предпринимательства. В 2016 году зарегистрировано 342 преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», в 2017 году – 329 преступлений, в 2018 году – 377 преступлений, в 2019 году – 298 преступлений, в 2020 году – 317 преступлений [3].

Среднее ежегодное значение показателя зарегистрированных преступлений за последние пять лет составило 333 преступления. При этом отмечается тенденция к снижению данного вида преступления в 2020 году, по сравнению с 2016 годом, на 8 %.

Заметна тенденция и к снижению числа осужденных, а также увеличению количества случаев прекращения уголовного преследования по нормам ст. 171 УК РФ. Это может свидетельствовать о следовании правоохранительной и судебной системы вектору российской уголовной политики, направленному на смягчение уголовной репрессии в отношении предпринимателей, что не исключает появления проблем, связанных с правовой оценкой соответствующих деяний [2].

Однако официальная статистика не содержит количественные показатели скрытых от учета преступлений в сфере предпринимательства. Специфика многих преступлений в сфере экономической деятельности заключается в латентном характере их совершения. В этой связи вызывает объективные трудности установление обстоятельств деятельности предпринимателей в теневой сфере, относящихся к конструктивным признакам состава преступления «Незаконное предпринимательство». Выявление фактов незаконного предпринимательства является компетенцией подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции. Именно оперативным путем устанавливаются факты незаконной предпринимательской деятельности, требующие последующей фиксации и уголовно-правовой оценки.

Указав на тенденцию снижения количества зарегистрированных преступлений по ст. 171 УК РФ, а также осужденных за их совершение, отметим также, что факты осуществления незаконного предпринимательства связаны, прежде всего, с замедлением темпов роста экономики из-за распространения коронавирусной инфекции «COVID-19» в мире и на территории Российской Федерации и из-за вызванных в связи с этим ограничений в жизни государства и общества. Также к данному списку можно отнести и международные санкции, породившие экономический кризис в стране, в связи с чем усиливается влияние теневой экономики на социум.

Факторы, способствующие совершению преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, являются частью комплекса причин и условий преступности в сфере экономической деятельности.

Процессы, которые происходят в современном обществе и государстве, оказывают непосредственное влияние на формирование не только личности преступника, но и преступности в целом. К ним относят: различие ценностно-ориентированных моральных установок личности, разнообразие вариантов поведения личности в конфликтных ситуациях, различия в социально-психологической характеристике личности, объективно существующие недостатки и отрицательные явления в общественной жизни.

Как отмечает Н.Н. Пивоваров, происходящие в России изменения в области социально-политических, экономических, духовных и иных отношений приводят не только к позитивным сдвигам, но и в известной мере порождают новые виды общественных и межличностных противоречий, трудно преодолимые социальные и правовые конфликты [9]. Действительно, экономическое и духовное обнищание населения оказывает прямое негативное воздействие на уровень преступности в стране [10].

По нашему мнению, обстоятельствами, обуславливающими незаконную предпринимательскую деятельность, являются:

1. Во-первых, причины социального и экономического характера. В настоящее время, как уже отмечалось, в обществе происходят процессы по популяризации достижения корыстных целей любыми средствами, в том числе и противоправными. Так, лица с низким уровнем правовой культуры пытаются начать предпринимательскую деятельность с нарушением закона.

2. Во-вторых, наличие юридических лазеек для недобросовестных предпринимателей; отсутствие четкой сформированной практики доказывания самого факта осуществления экономической деятельности незаконным путем – то есть, как правило, нарушители не оформляют никаких документов, подтверждающих ее осуществление. Ряд правовых коллизий представлен ранее в данной статье.

3. В-третьих, организационно-управленческие издержки работы государственных органов, то есть снижение роли государства в регулировании экономических отношений; низкая эффективность контролирующих органов, деятельности правоохранительных органов в сфере надзора за соблюдением установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности.

Таким образом, по внутреннему содержанию причины и условия, детерминирующие незаконное предпринимательство, подразделяются на: социально-экономические (выражаются в резком расслоении населения страны по уровню доходов); правовые; организационно-управленческие.

Кроме этого, связь коррупции и организованной преступности напрямую относится к вопросам незаконного предпринимательства. Представители организованной преступности для подкупа различных должностных лиц используют доходы, полученные преступным путем. Коррупция помогает организованной преступности усовершенствоваться, оптимизировать процесс осуществления незаконной экономической деятельности.

Сказанное означает, что указанные нами факторы способствуют в настоящее время вовлечению новых участников в теневую экономику. Невовлеченная часть общества относится к данному факту безразлично. В связи с этим далеко не последнюю роль играет и человеческий фактор, в соответствии с которым возникает необходимость более подробного рассмотрения криминологической характеристики лиц, совершающих незаконное предпринимательство.

В заключение следует выделить значение предпринимательства как движущей силы рыночной экономики нашей страны. Необходимо обеспечить равенство конкуренции, безопасность участников рыночных отношений, финансовые интересы государства и т. д. Однако ряд негативных тенденций социального, экономического, правового и организационно-управленческого характера обуславливают интерес ряда граждан к осуществлению извлечения прибыли противоправным путем, незаконно обогатиться. Вообще такая корыстная мотивация традиционно свойственна отечественной преступности.

В этой связи особую роль играют меры уголовно-правового характера, устанавливающие запрет на осуществление незаконной предпринимательской деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», уголовная ответственность наступает при извлечении субъектом дохода или причинении ущерба в сумме, превышающей 2 миллиона 250 тысяч рублей. Более строгая ответственность (вплоть до лишения свободы) устанавливается ч. 2 данной статьи при превышении данной суммы значения 9 миллионов рублей. При этом некоторые положения самой нормы об уголовной ответственности за совершение незаконного предпринимательства, а также позиция Верховного Суда Российской Федерации, касающаяся практики ее применения, по мнению ряда ученых, требуют дальнейшей проработки и развития.

При этом согласимся с И.В. Охтиной, полагающей, что в отношении к незаконной предпринимательской деятельности должен соблюдаться определенный баланс интересов. С одной стороны, незаконное предпринимательство должно преследоваться со стороны правоохранительных органов, поскольку оно может быть потенциально опасно для общества, но с другой стороны – правовое регулирование вопросов регистрации,

лицензирования, а также налогообложения не должно быть чрезмерным и обременительным [7]. Эффективная реализация регулятивных, запретительных и поощрительных норм носит взаимодополняющий характер и призвана обеспечить такой баланс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]: ред. от 28 июня 2021 г.; с изм. от 26 октября 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации [Электронный ресурс] // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Состояние преступности в Российской Федерации в 2016-2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>
4. Подчерняев А.Н. К вопросу о мошенничестве в сфере оборота транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 58.
5. Кравцов И.А. Незаконное предпринимательство в медицинской сфере и незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности: вопросы уголовно-правовой регламентации // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 273.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Охтина И.В. Незаконная предпринимательская деятельность [Электронный ресурс]. Подготовлено на основе материала ООО «Лигал энд Медиа Групп». 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Кочои С.М. Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): к вопросу о реформе уголовно-правовой нормы [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Пивоварова Н.Н. Криминальные банкротства: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия: по материалам Краснодарского края: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 156.
10. Тихонов Е.Н. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью по законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20; Каплунов А.И., Милуков С.Ф. Применение и использование огнестрельного оружия. СПб., 2003. С. 10.

УДК 343.1

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРЕДИТНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Савченко Майя Михайловна. Доцент кафедры экономической безопасности. Кандидат экономических наук.

Калининградский государственный технический университет.

Служебный адрес: 236022, Российская Федерация, г. Калининград, Советский пр., д. 1.

В статье представлены результаты анализа становления отечественного уголовного законодательства относительно положений, определяющих основания и пределы уголовной ответственности за кредитное мошенничество. В ходе анализа исторических источников российского права автор пришел к выводу о неоднозначности толкования мошенничества. Русская Правда не имела в своих положениях никакого упоминания обмана либо мошенничества, однако более детальное рассмотрение ее положений говорит о наличии правил, регулирующих поведение участников в сфере торговых отношений. Автором подчеркивается, что в послереволюционном законодательстве прослеживается наиболее конкретизированное описание данных видов мошенничества, что свидетельствует о развитии уголовного законодательства того периода. В статье отмечено, что в постсоветский период развития уголовного законодательства законодатель пошел по пути восстановления действовавших ранее, в досоветский период, законодательных подходов к криминализации различных видов кредитного мошенничества как самостоятельных составов преступлений.

Ключевые слова: мошенничество; уголовное законодательство; обман; банкротство; развитие уголовного законодательства; историческое становление уголовного законодательства; ответственность; кредитное мошенничество; историко-правовые предпосылки; дореволюционное уголовное законодательство.

GENESIS OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CREDIT FRAUD

Savchenko Maya Mikhailovna. Assistant professor of the chair of Economic Security. Candidate of economical sciences.

Kaliningrad State Technical University.

Work address: 236022, Russian Federation, Kaliningrad city, Sovetskiy pr. 1.

The article presents the results of the analysis of the formation of domestic criminal legislation regarding the provisions defining the grounds and limits of criminal liability for credit fraud. During the analysis of historical sources of Russian law, the author concluded that the interpretation of fraud was ambiguous. Russian Pravda had no mention in its provisions of deception or fraud, however, a more detailed consideration of its provisions indicates the existence of rules governing the behavior of participants in the field of trade relations. The article deals with the post-revolutionary legislation shows the most specific description of these types of fraud, which indicates the development of criminal legislation of that period. The article noted that in the post-Soviet period of the development of criminal legislation, the legis-

lator went along the path of restoring the legislative approaches to the criminalization of various types of credit fraud as independent crimes that were in force earlier in the pre-Soviet period.

Keywords: fraud; criminal legislation; deception; bankruptcy; development of criminal legislation; historical formation of criminal legislation; liability; credit fraud; historical and legal prerequisites; pre-revolutionary criminal legislation.

Понимание сущности кредитного мошенничества связано с анализом закономерностей развития российского уголовного законодательства, регулирующего отношения в сфере кредитования по вопросам причинившего ущерб собственнику безвозмездного обращения чужих денежных средств (кредита), полученных обманом путем, в пользу виновного или других лиц.

Наиболее полное понимание о характере развития, совершенствования и практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за кредитное мошенничество целесообразно анализировать в аспекте деления уголовного законодательства на периоды: дореволюционный, советский и постсоциалистический [1, с. 69; 2, с. 73-80; 3, с. 8-9].

Исторические источники российского права толковали мошенничество по-разному. Русская Правда являлась основным нормативным актом, регулирующим имущественные отношения в период с XI по XVI вв. В науке уголовного права существует позиция, что Русская Правда не содержит понятийной терминологии, связанной с обманом либо мошенничеством [4, с. 6; 5, с. 22]. Однако более детальное изучение свидетельствует о наличии положений, регулирующих поведение участников в сфере торговых отношений, которые нередко использовали обман (ст. 55 ПП) [6, с. 128]. Положениями Русской Правды под запретом наказания признавались отдельные виды обмана, используемые холопами [7, с. 27-63]. Д.А. Червонецкий признавал существование имущественных обманов, не представляющих, по его мнению, повышенной общественной опасности. В аргументации своей точки зрения он рассуждал, что «Русская Правда предусматривает обман при продаже коня, но не облагает его наказанием, ограничиваясь гражданским удовлетворением потерпевшего» [8, с. 8].

Судебник 1497 года, в период правления Ивана III, содержит ряд уголовно-правовых запретов разбоя и татьбы (ст. 8, 10, 14, 34, 39 и др.) [9, с. 224-225; 3, с. 8]. Вместе с тем охрана имущественной сферы указанными нормами не исчерпывается. К примеру, ст. 55 «О займах», предусмотренная Судебником 1497 года, была направлена на обеспечение имущественных прав кредиторов, однако не содержала мер ответственности в отношении должников, обративших кредитные деньги в свою пользу.

Судебник Ивана Грозного 1550 года впервые установил уголовную ответственность за мошенничество [10, с. 247]. В его текстуальном содержании используются определения субъектов мошенничества, таких как «мошенник», «обманщик», что свидетельствует о единственности обмана как способа совершения мошенничества. Судебник 1550 года упоминает один из видов обмана – торговый обман, который касается вопросов качественных свойств проданного товара, а также его количественной составляющей. В этот исторический период среди научного сообщества отсутствует единая позиция понимания содержания мошенничества. Профессор И.Я. Фойницкий определил, что мошенничество образовано от слова «мошна», означающее «карман». Учитывая это, а также то, что обман выступал средством доступа к чужому имуществу, И.Я. Фойницкий относил мошеннические посягательства к карманным кражам

[11, с. 84, с. 230]. С вышеприведенными аргументами были согласны М.И. Сизиков [12, с. 102] и К.А. Софроненко [13, с. 410].

Вместе с тем иной противоположной позиции придерживался М.Ф. Владимирский-Буданов, полагавший, что Судебник 1550 года впервые установил критерии разграничения кражи и мошенничества [14, с. 362].

Ответственность за мошенничество в уголовном законодательстве впервые закреплена в Соборном уложении 1649 года: «...да мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу (бить кнутом, отрезать левое ухо и посадить в тюрьму на два года)» [15, с. 76]. Однако ответственность за мошеннические действия в сфере кредитных отношений не содержится в его положениях, в том числе отсутствует определение понятию обмана.

Устав Благочиния 1782 года в период правления Екатерины II ввел новые разновидности обманов в имущественной сфере, касающихся банкротства, контрабанды и торговли [16, с. 370]. Правовой источник впервые раскрывает содержательную сторону обмана как совершение корыстных действий в отношении потерпевшей стороны, вводящих его в заблуждение, отличающихся ловкостью, внезапностью и ограниченными временными рамками для оказания сопротивления. Объективный процесс признания обмана преступным в сфере кредитных отношений и закрепление в уголовном законе его признаков – это реакция государства на «аномалии кредитного оборота – неплатежи, становящиеся нормальным явлением в хозяйственной жизни» [17, с. 4; 18, с. 148-154], что является новеллой в российском праве.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусмотрело нормы об ответственности за банкротство. Уголовный закон упоминает только вид торгового банкротства (злостное и неосторожное банкротство, несчастная несостоятельность). Признаки перечисленных видов банкротств законом не раскрывались, а наказание за совершение банкротства было отнесено к ведению гражданского судопроизводства [19, с. 481-382].

Уголовное уложение 1903 года раскрывало признаки корыстного банкротства (статья 599):

- 1) сокрытие при объявлении несостоятельности своего имущества умолчанием или ложным о нем показанием;
- 2) выдача уменьшающего конкурсную массу обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, безвозмездная передача или сокрытие иным способом своего имущества после объявления несостоятельности;
- 3) выдача обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, безвозмездная передача, переукрепление или сокрытие иным способом своего имущества, хотя и до объявления несостоятельности, но в предвидении неизбежности такого явления в скором времени [20, с. 240-320].

Уголовное уложение 1903 года закрепляло нормы об ответственности за совершение мошенничества (ст. 591-598). При этом выделялись отдельные виды мошенничества в кредитной сфере: невозвращение кредитором залога, полученного в обеспечение займа, при полной уплате долга; невозвращение кредитором долгового письменного обязательства при полной уплате долга.

С точки зрения Д.В. Качурина, на этапе послереволюционного развития законодательства в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об ограничении прав по судебным приговорам» [21, с. 334-335] составообразующие признаки мошенничества были подвергнуты ограничительному толкованию [22, с. 21]. Это законодательное несовершенство преодолено Уголовным кодексом РСФСР 1922 года, предусматривающим отдельный состав преступления: «Мошенничество, то есть получение с корыстной

целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана» (статья 187 УК РСФСР) [23].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года изменил качественную сторону понятия «мошенничество»: «это злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод» [24]. Указанная нормативная модель нормы о мошенничестве становилась предметом обсуждений, оценки и научной критики. Так, А.А. Жижиленко считал, что «такое понимание мошенничества противоречит его природе как имущественного преступления, оно должно считаться оконченным с момента употребления обмана, что вряд ли правильно» [25, с. 40, 48, 49].

Г.А. Кригер определял мошенничество как любую имущественную выгоду [26, с. 157]. Легальное толкование нормы о мошенничестве позволяет сформулировать вывод о том, что мошенничество не признавалось хищением. Конструкция диспозиции части 1 ст. 169 УК РСФСР сконструирована как формальный состав, ч. 2 ст. 169 УК РСФСР – материальный состав, предусматривающий обязательное наступление последствий в виде «убытка государству или общественному учреждению».

Анализ уголовных законов РСФСР 1922 и 1926 гг. свидетельствует об отсутствии специальных норм о мошенничестве в кредитной сфере. Причина указанных обстоятельств заключается в том, что нормы советского уголовного законодательства, обеспечивающие охрану отношений в сфере кредитования, перешли в особый статус «мертвых норм», лишившись своей цели, в связи с централизацией производства и всеобщим планированием экономической деятельности в лице государства. Государственные предприятия фактически не могли разориться, а частный сектор вообще не кредитовался.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года законодателем криминализировано как мошенничество против социалистической собственности, так и против личной собственности граждан [27], что являлось предметом дискуссий среди ученых в толковании его объективных признаков [28, с. 6] [29, с. 235-241] [30, с. 388-391]. В частности, мошенничество против социалистической собственности понималось как одна из разновидностей хищения [31, с. 147] [32, с. 136] [33, с. 39] [34, с. 35] [35, с. 8] [36, с. 29], а мошенничество против личной собственности определялось как завладение имуществом или приобретение права на имущество, при этом термин «приобретение права на чужое имущество» легально не определялся в законе [37, с. 65-66] [38, с. 193] [39, с. 64-67]. Р.Б. Осокин справедливо отмечает, что в обоих случаях способами совершения мошенничества выступали обман и злоупотребление доверием [40, с. 74].

Учитывая вышеизложенное, советский период развития уголовного законодательства не внес определенности в регулирование общественных отношений, в частности касающихся отношений мошенничества в кредитной сфере.

На современном этапе развития нашего государства возникла объективная необходимость внесения изменений в действующее законодательство. В частности, Закон «О собственности в РСФСР» [41] устанавливал частную, общественную, государственную и муниципальную собственность, в отношении которых Конституцией Российской Федерации установлена равная защита.

Уголовный кодекс РФ предусмотрел уголовную ответственность за мошенничество (ст. 159 УК РФ), а также ряд специальных норм о кредитном мошенничестве, тем самым поддержав опыт зарубежных государств относительно существующих разновидностей мошенничества.

В связи с вышеизложенным, исходя из анализа развития российского уголовного законодательства об ответственности за кредитное мошенничество, можно сформулировать следующие выводы:

1. Период досоветского развития правовых норм о мошенничестве и его разновидностях характеризуется попыткой законодателя запретить обманные действия сторон экономических отношений в исторических правовых источниках. Законодательство досоветского периода предусматривало специальные нормы об ответственности за различные виды кредитного мошенничества по отношению к общей норме.

2. В советский период времени уголовно-правовые нормы, осуществляющие охрану общественных отношений в сфере кредитования, лишившись своей цели в связи с централизацией производства и всеобщим планированием экономической деятельности в лице государства, не содержали признаков составов кредитного мошенничества.

3. Развитие в Российской Федерации норм об ответственности за мошенничество в кредитной сфере зависело от существующей экономической модели государства, формы собственности и особенностей правового регулирования общественных отношений в сфере кредитования.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации 1997 г. пошел по пути восстановления действовавших ранее в досоветский период законодательных подходов к криминализации различных видов кредитного мошенничества как самостоятельных составов преступлений и рецепции зарубежных правовых институтов в этой части.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 204 с.
2. Тюнин В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 73-80.
3. Осокин Р.Б., Амельчаков И.Ф. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация. Тамбов: Тамбовский филиал МосУ МВД России, 2005. 126 с.
4. Ильин И.В. Понятие, характеристика и вопросы профилактики экономического мошенничества (теоретические аспекты): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 156 с.
5. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1996. 544 с.
6. Памятники русского права / под ред. Проф. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.
7. Русская Правда // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
8. Червонецкий Д.А. Мошенничество по Уголовному уложению. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1906. 25 с.
9. Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XI-XVI вв.). М.: Наука, 1971. 255 с.
10. Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.
11. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1871. 553 с.
12. Сизиков М.И. История государства и права России с XVII до начала XIX века. М.: Инфра-М, 1998. 320 с.
13. Памятники русского права / под ред. д.ю.н. К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1957. 504 с.

14. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Н.Я. Оглоблин, 1905. 712 с.
15. Соборное уложение. Глава X. Ст. 12, 162, 166, 170 // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1985. 576 с.
16. Устав Благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987. 370 с.
17. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1913. 61 с.
18. Осокин Р.Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Тамбов, 27 февраля 2002 года. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2002. С. 148-154.
19. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 509 с.
20. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 9. М.: Юридическая литература, 1994. 496 с.
21. Декрет Совета Народных Комиссаров от 05.05.1921 «Об ограничении прав по судебным приговорам» // СУ РСФСР. 1921. № 39, ст. 209.
22. Качурин Д.В. Уголовная ответственность за обман и злоупотребление доверием (мошенничество) в отношении предприятий, организаций и коммерческих структур с различными формами собственности в период рыночных отношений: дис... канд. юрид. наук. М., 1996. 178 с.
23. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г.: вместе с Уголовным кодексом РСФСР // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.
24. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г.: вместе с Уголовным кодексом РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
25. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л.: Рабочий Суд, 1928. 208 с.
26. Кригер Г.А. Квалификация хищения социалистического имущества. М.: Юрид. лит., 1971. 360 с.
27. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г.: вместе с Уголовным кодексом РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.
28. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации. М.: Юридическая литература, 1971. 168 с.
29. Осокин Р.Б. Законодательство советского периода о мошенничестве и его способах // Правовая реформа и развитие российского законодательства, Москва, 24 мая 2002 года. Москва: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2002. С. 235-241.
30. Осокин Р.Б. Обман и злоупотребление доверием как способы совершения мошенничества // Правовое обеспечение устойчивого развития российского общества: доклады и сообщения III Международной научно-практической конференции, Москва, 25 марта 2003 года / Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, юридический факультет. Москва, 2003. С. 388-391.
31. Вышинская З.А. Советское уголовное право. Часть Особенная: учебник. М.: Госюриздат, 1951. 431 с.
32. Васильев А.Н. Советское уголовное право. Часть Особенная: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 544 с.

33. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М.: Юрид. лит., 1997. 200 с.
34. Гельфер М.А. Преступные посягательства на социалистическую собственность. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1953. 71 с.
35. Ефимов М.А. Преступление против социалистической собственности. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. 100 с.
36. Михайленко П.П. Уголовно-правовая борьба с расхищением государственного и общественного имущества. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1955. 78 с.
37. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М.: ЮрИнфоР, 2002. 310 с.
38. Незнамова З.А. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко и др. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 516 с.
39. Осокин Р.Б. Способы совершения мошенничества: теоретический анализ // Уголовное право: Актуальные проблемы юридической науки и практики / Российская академия юридических наук. М.: Издательская группа «Юрист», 2002. С. 64-67.
40. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 184 с.
41. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 416.

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

Шалагин Антон Евгеньевич. Начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Казанский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 420011, Российская Федерация, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, д. 128.

Идиятуллов Алмаз Дамирович. Преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел.

Казанский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 420011, Российская Федерация, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, д. 128.

Специфической чертой преступлений против личности является применение насилия. Актуальность и практическая значимость рассматриваемой темы определяется тем, что в последние годы в состоянии, структуре и динамике насильственной преступности проявляются неблагоприятные тенденции. В статье анализируются современное состояние, динамика. Рассмотрены криминологические и социально-психологические аспекты личности насильственного преступника, выделены её признаки и характеристики. Приведена классификация насильственных преступников. Отдельное внимание обращено на причины и условия данных преступных деяний.

Ключевые слова: насилие; насильственная преступность; личность преступника; типология; патопсихология; предупреждение.

CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A VIOLENT CRIMINAL

Shalagin Anton Evgenievich. Head of the chair of Criminology and Penal Law. Candidate of legal sciences, associate professor.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 420011, Russian Federation, Kazan, st. Orenburg tract 128.

Idiyatulloev Almaz Damirovich. Teacher of the chair of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 420011, Russian Federation, Kazan, st. Orenburg tract 128.

A specific feature of crimes against the person is the use of violence. The relevance and practical significance of the topic under consideration is determined by the fact that in recent years unfavorable trends have been manifested in the state, structure and dynamics of violent crime. The article analyzes the current state, dynamics. Criminological and socio-psychological aspects of the personality of a violent criminal are considered, its signs and characteristics are highlighted. The classification of violent criminals is given. Special attention is paid to the reasons and conditions for the commission of these criminal acts.

Keywords: violence; violent crime; criminal identity; typology; pathopsychology; prevention.

Начало XXI века ознаменовалось вступлением общества в качественно новый этап своего развития, обусловленный социальным прогрессом, глобализацией, цифровизацией, автоматизацией, сетевизацией и прочим. В Российской Федерации провозглашена цель создания гражданского общества равных возможностей, где каждому человеку гарантируется достойный уровень жизни, обеспечивается соблюдение и защита его прав и свобод. Конституция Российской Федерации человеческую жизнь признает важнейшей ценностью и определяет приоритет её правовой охраны (ст. 17; ст. 20-23). В связи с этим на правоохранительные органы возлагается задача по защите личности от действий насильственного характера, предупреждение, пресечение и расследование уголовных дел данной направленности.

Личность преступника представляет собой систему взаимосвязанных и взаимобусловленных биологических, психофизиологических, социальных, демографических, этнокультурных, моральных признаков (характеристик), на которую оказывают существенное значение объективные и субъективные факторы, а также конкретная жизненная ситуация [1, с. 471]. Личность насильственного преступника в зависимости от места и времени претерпевает определенные изменения и трансформации [2, с. 74].

Г.Н. Чахов под личностью насильственного преступника понимает совокупность социально обусловленных негативных свойств и качеств человека, избравшего во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией насильственный способ совершения преступления, при этом насилие является обязательным признаком противоправного деяния, которое может представлять собой элемент мотивации или инструмент (способ) достижения преступного результата [3, с. 6].

В условиях общественных преобразований структура личности насильственного преступника существенно изменилась, что актуализирует дальнейшую необходимость теоретических и практических исследований данной проблемы [4, с. 53]. Появляются новые виды насильственной преступности, требующие научного изучения и эффективных мер противодействия (скулшутинг, кибербуллинг, кибертерроризм, побуждение несовершеннолетних к суициду, в том числе совершенные с использованием сети Интернет) [5, с.132].

В структуре современной российской преступности каждое пятое преступление (20 %) относится к насильственным деяниям [6, с. 140]. В январе-декабре 2020 года в Российской Федерации в результате преступных посягательств погибли 22 671 человек (-5,2 %), а 35 634 (-6,9 %) причинен тяжкий вред здоровью [7, с. 2]. В данный период увеличилось число погибших в результате тяжких и особо тяжких преступных деяний – 12 648 человек (+2,6 %).

В 2020 году в России было зарегистрировано 256 503 преступления против личности (-5,1%), что свидетельствует о сохранении динамики сокращения таких уголовно-наказуемых деяний на протяжении последних десяти лет. В структуре преступлений против личности доминируют следующие общественно опасные деяния: а) угроза убийством (21,53 %); б) умышленное причинение легкого вреда здоровью (16,12 %); в) средней тяжести (10,99 %); г) тяжких последствий (7,8 %). В 2020 г. отмечено 362 случая доведения до самоубийства (+21,89 %), 4 272 – нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (+13,9 %), 1 920 – фактов похищения человека (+17,1 %), 3 535 – изнасилований (+11,3 %), 7 433 – насильственных действий сексуального характера (+4,26 %) [8, с. 20-22]. Каждое восьмое разбойное нападение (12,5 %)

сопряжено с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. В общественных местах (на улицах, площадях, в парках, скверах) таких преступлений зарегистрировано 1,8 тыс. (-23,3 %). На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 41 разбойное нападение (-32,8 %).

В первом полугодии 2021 года (январь-июль) зарегистрировано увеличение количества погибших в результате различных видов преступных посягательств – 13,8 тыс. (+22,12 %). Число потерпевших, которым причинен тяжкий вред здоровью, составило – 19,4 тыс. (+33,79 %). Наибольшее количество преступных деяний, сопряженных с насилием, зарегистрировано в Ростовской и Московской областях. Увеличение количества убийств зафиксировано в 22 субъектах Российской Федерации (Краснодарский, Забайкальский край, Республика Тыва и т. д.).

Причинами увеличения отдельных видов насильственных и корыстно-насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере стали социально-экономическая нестабильность и условия социальной изоляции, вызванные введением ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19. Санитарно-эпидемиологическая обстановка вызвала ухудшение финансового положения населения (безработицу, инфляцию, рост заболеваемости, демографический кризис, экстремистские проявления). Участились случаи групповых драк с участием значительного числа молодых людей по причине межличностных и этнических конфликтов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область и др.). Насильственные действия имеют место в различных сферах жизнедеятельности общества (семейно-бытовой, профессиональной, досуговой, уличной и др.) [9, с. 7].

В большинстве случаев насильственные преступления совершаются мужчинами (85,9 %), что объясняется их психофизиологическими характеристиками (агрессивностью, несдержанностью, эмоциональной возбудимостью, тревожностью, склонностью к импульсивным, рискованным формам поведения). Доля женщин в таких преступлениях составляет 14,1 % [10, с. 441]. Как правило, ими совершаются насильственные преступления под влиянием неблагоприятных жизненных ситуаций (развод, потеря работы, отсутствие средств к существованию, ухудшение жилищных условий, приобщение к употреблению алкоголя и наркотиков).

Среди насильственных преступников выделяют следующие возрастные группы: 1) 30-49 лет – 58 %; 2) 50 лет и старше – 14 %; 3) 25-29 лет – 14 %; 4) 18-24 года – 12 %; 5) 14-17 лет – 2 %. Такие преступления совершаются гражданами Российской Федерации, доля иностранцев незначительна (преимущественно из стран СНГ и лиц без гражданства – 2,4 % и 0,2 %) [2, 76]. Таким образом, наибольший удельный вес среди насильственных преступников занимают лица в возрасте от 30 до 49 лет [11, с. 34].

Насилие можно классифицировать на несколько видов: а) домашнее; б) уличное; в) физическое; г) сексуальное; д) психическое; е) массовое; ж) серийное и т. п. Оно нередко проявляется в маргинальных слоях общества, в неблагополучных социальных группах, среди лиц, злоупотребляющих алкоголем и психоактивными веществами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Таким людям свойственна морально-нравственная деформация личности. Среди них получили распространённость представления о допустимости насилия для решения различных жизненных проблем, в том числе в семейно-бытовой сфере [12, с. 206].

Образовательный уровень насильственных преступников характеризуется: 1) средним специальным образованием – 36,7 %; 2) средним общим образованием – 35,9 %; 3) основным общим образованием – 21 %; 4) высшим образованием – 6,4 %. Профессиональная принадлежность их выглядит следующим образом: 1) трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 60 %; 2) рабочие – 23,8 %; 3) нетрудоспособные лица – 6,7 %; 4) учащиеся, студенты – 2,8 %; 5) работники коммерческой или иной организации – 2 %. Нередко (48,9%) преступник и его жертва являются без-

работными. Чаще всего насильственные преступления совершаются в вечернее время по месту жительства лицами мужского пола в возрасте 30-49 лет, имеющими среднее специальное или основное общее образование, состоящими в браке (50%), ранее привлекавшимися к уголовной или административной ответственности, злоупотребляющими алкоголем (59,7 %).

Насильственные преступления нередко совершаются при совместном употреблении спиртных напитков. Большинство таких деяний зарегистрировано в сфере семейно-бытовых отношений (88,6%). Значительное число потерпевших от насильственных действий составляют несовершеннолетние, женщины и пожилые граждане (22,9 %). Наиболее часто жертвой домашнего насилия является женщина (90,3 %) [13, с. 3]. В отдельных случаях жертвами становятся родственники, члены семьи, соседи, одноклассники, коллеги по работе, дети.

Для насильственных преступников характерен аморальный, антиобщественный образ жизни, плохая социальная адаптация, неудовлетворенность своим положением в обществе. Отмечается распространенность психических расстройств у таких лиц (22-30 %) [14, с. 145], к которым относятся: психопатия (41 %), органическое поражение головного мозга (20 %), алкоголизм (17 %), остаточные явления черепно-мозговых травм (15 %), олигофрения (4 %), наркомания (3 %).

Криминообразующими факторами насильственной преступности среди мужчин нередко становятся особенности их времяпрепровождения (досуга) в случайных компаниях, употребление спиртных напитков, у женщин – острые семейно-бытовые конфликты, усугубляющиеся психотравмирующими переживаниями. Мотивами таких преступных деяний выступают: месть, ревность, зависть, корысть, хулиганские и сексуальные побуждения, желание самоутвердиться, сокрытие другого преступления и прочее [15, с. 259-274].

В отечественной литературе выделяют различные классификации и типологии личности насильственного преступника. По одной из них, они делятся на: а) криминально-злостных; б) агрессивно-ситуативных; в) привычных (инфантильных) [16, с. 139]. По характеру антиобщественной деятельности они подразделяются на: 1) лица с устойчивой агрессивно-насильственной направленностью; 2) лица, совершающие ситуативные преступления; 3) случайных преступников [17, с. 421]. Выделяют корыстно-насильственную, насильственную, сексуально-патологическую и атипичную мотивацию преступного поведения.

В юридической литературе насильственные преступники представлены следующими типами:

- возбудимый тип (ему свойственны вспышки ярости, агрессия, потеря самоконтроля, жестокость);
- неуправляемый тип (импульсивные, несдержанные, конфликтные личности);
- упорный тип (отличается завышенной самооценкой, ригидностью, повышенной мнительностью, злопамятностью, обидчивостью);
- активный тип (ему свойственны легкомыслие, безответственность, случайные половые контакты, склонность к риску и острым ощущениям);
- демонстративный тип (характеризуется хвастовством, поверхностью суждений, лживостью, эгоцентризмом);
- безвольный тип (такая личность предрасположена к алкоголизации и наркотизации, у нее выделяется низкий уровень волевых качеств, ведомость, трусость, нерешительность, робость, тяга к удовольствиям) [18, с. 25-43].

В отдельных случаях спусковым механизмом для совершения насильственного преступления становится состояние острой фрустрации (психологическое состояние,

связанное с неспособностью реализовывать свои потребности) [19, с. 95]. Неумение адаптироваться, приспособиться к различным условиям жизни, неустойчивость психических процессов, чувство отчаяния и безвыходности в сложившейся ситуации подталкивает одних людей к агрессивным, а других к суицидальным поступкам [20, с. 160].

Причины неудовлетворенности своей жизнью, неудачи в межличностных отношениях, учебе и профессиональной деятельности социопат (психопат) видит в окружающих его людях. Убийства на сексуальной почве могут совершаться с целью: 1) противодействия сопротивлению жертве; 2) получения удовольствия от человеческих страданий; 3) сокрытия другого преступления; 4) реализации экстремистских, радикалистских, анархистских идей и прочее [21, с. 97].

Повышенную общественную опасность представляют серийные насильственные преступления и лица, их совершающие. Проводя типологию серийных преступников, специалисты выделяют: 1) организованный тип (маскирующийся под обычного гражданина, планирующий свою преступную деятельность, принимающий меры к сокрытию следов преступления); 2) дезорганизованный тип (осуществляющий спонтанные, импульсивные, внезапные убийства под влиянием сильного душевного волнения, не пытающийся скрыть следы преступления); 3) смешанный (объединяет черты организованного и дезорганизованного типов серийных убийц) [22, с. 331].

Серийные убийства в большинстве случаев совершаются мужчинами (89 %), которые воспитывались преимущественно в неблагополучных семьях. В детском и юношеском возрасте такие лица подвергались физическому, психологическому и сексуальному насилию. Еще в подростковом возрасте у них отмечалась склонность к насильственным действиям, включая жестокое обращение с животными, поджоги, противоправные действия, членовредительство, суицидальные поступки, психические расстройства [23, с. 7]. Немалую роль в формировании личности насильственного преступника играет негативная форма взаимоотношений ребенка с его родителями, обусловленная низким уровнем заботы, психологической отчужденностью, антиобщественным образом жизни, отсутствием эмпатии [24, с. 18]. Насильственным преступникам характерны нарциссические черты, поскольку они ставят свои желания (интересы) выше других [25, с. 139].

Последствия насильственной преступности многообразны. Они включают физический, материальный, моральный вред, причиненный преступными деяниями. Кроме того, насильственная преступность негативно сказывается на формировании общественного мнения и репутации государства. К основным детерминирующим факторам данной преступности относятся: экономические, политические, социально-психологические, культурно-нравственные причины и условия. В их числе: снижение уровня жизни значительной части населения, инфляция, имущественная дифференциация, семейное неблагополучие, увеличение миграционных процессов, демонстрация культа насилия в компьютерных играх, телевизионных программах (ток-шоу), художественных фильмах, распространение агрессивной молодежной субкультуры АУЕ, наличие напряженной психологической атмосферы в обществе, развитие экстремистских, псевдорелигиозных идей (учений) и прочее [26, с. 141-143]. Конформизм, гедонизм, потребительский образ жизни способствуют снижению нравственных ценностей, подрывают духовные основы общества.

Насилие не является только юридической проблемой. Оно должно исследоваться в контексте философского, этнологического, политологического, педагогического, социологического, экономического, правового, культурологического, психологического, психиатрического познания. Проблема насилия диалектически связана с этикой законопослушного поведения. Именно в ней можно почерпнуть меры противодействия

преступной агрессии. Необходимо исследовать истоки насилия, его формы и масштабы, особенности трансформации в различные исторические периоды [27, с. 17].

В процессе расследования насильственных преступлений сотрудники правоохранительных органов составляют портрет (профиль) разыскиваемого преступника. Под профилированием понимают построение поисковой модели неизвестного преступника, исходя из имеющейся информации о личностных и других характеристиках преступников схожего типа. Такой процесс основывается на исходных статистических данных других аналогичных преступлений, при расследовании которых составлялся профиль преступника или жертвы преступления. Составление портрета (профиля) представляет собой одну из методик установления личности неизвестного преступника [28, с. 103-108]. При профилировании учитываются: пол, возраст, особенности физической конституции, манера поведения, интеллектуальные, волевые, эмоциональные свойства личности, речь, жесты, мимика, приметы преступника, место, время, орудия, средства, обстановка, способ совершения преступления, наличие психических заболеваний и другое.

Изучение личности насильственного преступника позволит выработать меры предупреждения и противодействия криминальной агрессии, при этом необходимо учитывать процессы самодетерминации преступности. В конечном итоге эффективность профилактической деятельности будет зависеть от слаженной работы государственных и муниципальных структур, институтов гражданского общества, заметных изменений в уровне жизни населения, минимизации пьянства и рецидива преступлений.

Высокая общественная опасность и распространенность насильственных проявлений свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы, имеется необходимость дальнейшего исследования и разработки мер минимизации таких противоправных деяний. На улучшение криминальной ситуации в рассматриваемой сфере может повлиять переориентация уголовной политики на превентивно-профилактическую модель, включая дифференциацию, индивидуализацию ответственности, дальнейшее совершенствование системы наказаний и порядка их исполнения.

Предупредительные меры должны быть направлены на лица, освободившиеся из мест лишения свободы, ранее совершавшие действия насильственного характера. Социальный контроль в отношении насилия и агрессивного поведения предполагает широкий комплекс профилактических мер, ориентированный на: правовое просвещение, воспитание, психокоррекционные мероприятия, принудительное лечение от различных форм аддикций (зависимостей), социальную адаптацию, ресоциализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатов А.Н. Акцентуированная личность насильственного преступника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 4 (79). С. 471-478.
2. Михайлов А.Е., Ашин А.А. Криминологическая характеристика личности насильственного преступника: современные показатели // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58). С.74-79.
3. Чахов Г.Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения: дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 32 с.
4. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступно-

сти: материалы Международной научно-практической конференции 15 сентября 2017 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 53-58.

5. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Новые тенденции преступности в XXI веке: глобализация, цифровизация, социальный контроль // *ModernScience*. 2020. № 11-1. С. 131-134.

6. Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Насильственная преступность: состояние и тенденции // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 9. С. 139-142.

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года: сборник // *МВД ФКУ «ГИАЦ»*. М., 2021. 66 с.

8. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор // *ФГКУ «ВНИИ МВД России»*. М., 2021. 72 с.

9. Состояние преступности в России за январь-июль 2021 года: сборник // *ГУ Правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Рос. Федерации*. М., 2021. 64 с.

10. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 800 с.

11. Варыгин А.Н. Преступность представителей различного возраста // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 4. С. 33-35.

12. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 388 с.

13. Титаев К.Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. 16 с.

14. Антонян Ю.М. Психология убийств. М.: Юристъ, 1997. 304 с.

15. Сазонова Н.И. Личностные особенности преступников с психическими аномалиями, многократно судимых за насильственные преступления // *Вестник Московского университета МВД России*. 2009. № 2. С. 144-148.

16. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021. 360 с.

17. Кулакова Н.Г. Типология личности насильственного преступника // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2017. № 3-1. С. 138-143.

18. Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. М.: Проспект, 2015. 368 с.

19. Голубев В.П., Кудряков Ю.Н., Шамис А.В. Типология осужденных за насильственные преступления и индивидуальная работа с ними: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. 52 с.

20. Ракитин А.И. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 528 с.

21. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 1. С. 159-161.

22. Дуглас Д., Олшейкер М. Психологический портрет убийцы. Секретные методики ФБР. М.: Алгоритм, 2017. 432 с.

23. Макнаб К. 25 историй серийных убийц. М.: Эксмо, 2019. 192 с.

24. Десятова О.В. Личность насильственного преступника и ее учет в профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции // *Вестник Уральского финансово-юридического института*. 2019. № 1 (15). С. 17-20.

25. Stone M.H. Violent crimes and their relationship to personality disorders. *Personality*, 1: 138-153 [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://doi.org/10.1002/pmh.18>.
26. Криминология: учебное пособие / под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антонян. 5-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 319 с.
27. Антонян Ю.М. Человек и преступная агрессия: монография. М.: Проспект, 2021. 224 с.
28. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 514 с.

УДК 343.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ветрова Оксана Александровна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с правовым обеспечением и правовыми гарантиями несовершеннолетних при производстве предварительного расследования. На основе норм действующего отечественного законодательства и международных документов проанализировано понятие несовершеннолетнего, сделаны выводы о применении отдельных положений УК и УПК РФ, дана трактовка основных подходов Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в части рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: уголовный процесс; несовершеннолетний; участники уголовного процесса; проведение предварительного расследования.

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF ENSURING THE RIGHTS OF MINORS DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Vetrova Oksana Aleksandrovna. Senior teacher of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

Grishin Andrey Vladimirovich. The Head of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article deals with issues related to legal support and legal guarantees for minors in the course of a preliminary investigation. Based on the norms of the current domestic legisla-

tion and international documents, the concept of a minor is analyzed, conclusions are drawn on the application of certain provisions of the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, an interpretation of the main approaches of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 № 1 «On the judicial practice of the application of legislation regulating the features of criminal liability and punishment of minors» in terms of the issues under consideration.

Keywords: criminal process; minor; participants in the criminal process; preliminary investigation.

На данный момент времени в нашей стране официально учтено и установлено, что в России проживает свыше 28 265 325 человек, не достигших возраста совершеннолетия, что составляет 19 % населения нашей страны от общего количества – 146 793 744.

Стоит оговориться, что явление несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве более чем актуально. Необходимость формулирования понятия «несовершеннолетний» в уголовном судопроизводстве особенно остро возникла еще в период развития советской власти, когда уголовное судопроизводство приобрело вид кодифицированного и структурированного источника права, а участие несовершеннолетних в преступлениях, исходя из данных статистики, существенно возросло.

20 апреля 1999 года в штате Колумбия Соединенных Штатов Америки произошло значимое с точки зрения науки событие. Двое лиц, одному из которых едва исполнилось 18 лет, а другой еще не достиг этого возраста, совершили массовое убийство, жертвами которого стали 36 человек, 13 из которых погибли, еще 23 получили ранения. Не хочется вдаваться в детали этого страшного преступления, но вспоминать о нем, к сожалению, приходится и по сей день.

Значимым для науки, и в первую очередь для Криминологии, убийство в Колумбийской школе становится потому, что влечет за собой целую серию преступлений подобного рода, совершенных, в том числе, и в нашей стране. Большинство преступлений при этом также совершается в возрасте до 18 лет.

15 января 2018 года в школу № 127, расположенную в г. Пермь, ворвались двое несовершеннолетних подростков (установочные данные которых не разглашаются в интересах самих несовершеннолетних и следствия), одетых в черные одежды. Сначала они напали на педагога, а затем стали наносить ранения ученикам. В результате нападения Следственный комитет Российской Федерации (далее СКР) возбудил уголовное дело, содержащее признаки состава преступления, предусмотренного ст. 105 «Убийство» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ, а затем ст. 293 УК РФ «Халатность». Оба объединены в одно производство; рассматривались в Главном управлении СКР.

18 декабря 2018 года Мотовилихинский районный суд г. Пермь приговорил одного из подростков, которые устроили нападение на учеников школы № 127, в результате которого пострадало 15 человек, к девяти годам и восьми месяцам заключения под стражу. Также было удовлетворено 26 исков потерпевших на сумму более 10 млн. рублей. Приговор был оглашен в открытом порядке, однако сам процесс, который был начат в октябре, проходил в закрытой форме, так как субъектом преступления был несовершеннолетний.

К счастью, жертв тогда удалось избежать. Между тем нападавшие являлись страстными поклонниками событий в Колумбийской школе.

К сожалению, не удалось избежать жертв трагедии в Керченском Политехническом колледже, где преступнику 17 октября 2018 года удалось унести за собой жизни 21 человека, шестеро из которых являлись преподавателями данного учебного заведения. Несмотря на то, что формально преступнику едва исполнилось 18 лет, и он не относится к категории несовершеннолетних, это резонансное дело подлежит тщательному рассмотрению, а вменяемость лица, совершившего преступление, предстоит изучить криминалистам и психологам в ходе посмертной судмедэкспертизы убийцы.

Все это лишь единичные случаи преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые, однако, вызвали большой общественный резонанс.

Многие страшные преступления, совершенные несовершеннолетними, остаются вне общественной огласки.

Данные Росстата неутешительны. Только за 2018-2019 года в учебных заведениях среднего и среднеспециального образования различных регионов России произошло свыше 14 подобных дел. Нельзя не ужаснуться от подробностей таких преступлений. В городе Барабинск, утром 10 мая 2018 года, несовершеннолетний подросток, студент первого курса, открыл стрельбу по своему однокурснику; двое других, чтобы спастись, выпрыгнули из окна, в результате чего получили ранения. Сам же правонарушитель после содеянного совершил самоубийство.

В марте того же года в Курганской области 13-летняя школьница ранила семь человек.

Самый свежий случай, получивший широкую огласку в средствах массовой информации (далее – СМИ), произошел в Архангельском управлении ФСБ России 31 октября 2018 года, где 17-летний преступник, предварительно по мотивам личной неприязни, попытался совершить подрыв сотрудников ФСБ, в результате которого погиб сам. Уголовное дело возбуждено и расследуется на основании ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и ч. 1 ст. 222, предусмотренных УК РФ.

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что проблемы преступности несовершеннолетних, совершенные в общественных местах, все более насущны. Именно поэтому тема нашей работы сейчас актуальна как никогда ранее.

Но прежде чем мы перейдем к подробному анализу данной темы, стоит ответить на вопрос, кто же такие несовершеннолетние с точки зрения уголовного процесса.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 87 УК РФ: «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет».

Именно поэтому законодатель четко и внятно указывает нам и правоприменителям на однозначность трактовки данной категории.

Аналогичным образом понятие несовершеннолетнего выделяет УПК РФ в ч. 1 ст. 420. Однако здесь мы видим отличие. Данная особенность выражена в том, что (в отличие от УК РФ) УПК РФ не устанавливает нижний возрастной предел для несовершеннолетних. Таким образом, несовершеннолетним может быть признано лицо в возрасте менее 14 лет, теоретически – вплоть до младенческого возраста. Иными словами, в отличие от УК РФ или Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в ч. 1 ст. 26 и ст. 28 которого можно встретить помимо понятия «несовершеннолетний» иное понятие – «малолетний», УПК РФ данную категорию не подразделяет [1].

В соответствии с данными международными актами, несовершеннолетними признаются лица в возрасте до 18 лет [2].

Аналогичных критериев деления несовершеннолетнего по возрастному признаку придерживается и российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Как отмечалось выше, понятие несовершеннолетнего имеет законодательное закрепление в ч. 1 ст. 87 УК РФ. По мнению законодателя, несовершеннолетний – это лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, однако не достигшее восемнадцатилетнего возраста. В УПК РФ, согласно ч. 1 ст. 420, под несовершеннолетним понимается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет с момента совершения преступного деяния.

Но тем не менее, если с возрастными рамками несовершеннолетнего все более-менее однозначно, то со временем наступления совершеннолетия могут возникать сложности. Учитывая необходимость выявления криминалистами даты и времени совершения преступления для правильной квалификации того или иного уголовного дела, этот вопрос приобретает большой практический смысл [3].

Часто в юридической литературе и правоприменительной деятельности возникают спорные, на первый взгляд, ситуации, когда именно следует определять возраст лица в день его рождения.

Для решения этого вопроса следует обратиться к несвойственному уголовному процессу источнику регулирования гражданских правоотношений – ГК РФ.

На основании гражданского законодательства в ст. 197: «течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало».

Обобщая вышесказанное, можем сказать, что наступление возраста 18 лет у лица юридически происходит с 00.00 часов следующей даты, после даты его дня рождения.

Это обстоятельство следует учитывать при правильной квалификации преступления и определения степени ответственности лиц, совершивших общественно опасные уголовно-наказуемые деяния в день своего рождения.

Таким образом, в качестве вывода мы можем сказать, что сегодня количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, а что еще хуже – количество жертв данных преступлений растет в геометрической прогрессии.

Мы выяснили, что вопросы участия в уголовном судопроизводстве несовершеннолетних, помимо уголовного процесса, являются предметом изучения иных наук, таких как криминология и уголовное право.

Мы определили возрастную характеристику несовершеннолетнего, а также сделали вывод об отличии понятия несовершеннолетнего с точки зрения международных правовых актов, положений УК РФ и УПК РФ.

Теперь коснемся вопросов правового обеспечения прав несовершеннолетних при производстве предварительного расследования.

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации, для нашего государства, наравне с другими характеристиками, содержится положение о России как о правовом государстве.

Таким образом, основные вопросы производства по уголовным делам в среде несовершеннолетних лиц должны быть напрямую урегулированы законодательством России и иметь высшую юридическую силу для правильной квалификации того или иного дела следователями или дознавателями [4].

Наряду с вышеупомянутыми, так или иначе, вопросы, связанные с преступностью несовершеннолетних лиц, освещают основополагающие принципы Организации Объединенных Наций касаясь предупреждения преступных посягательств среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы).

Другим нормативным правовым актом являются Рекомендации № Rec (2003) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершен-

нолетних. Данные рекомендации также надлежит учитывать при деятельности судов в России.

Указанные выше международные правовые акты в том или ином виде нашли свое отражение в основных нормативных правовых актах России, устанавливающих ответственность и порядок привлечения к ней несовершеннолетних лиц, и первым из них является УК РФ.

В ст. 20 УК РФ устанавливаются фундаментальные положения о возрасте лиц, с момента которого они подлежат уголовной ответственности: 16 лет и 14 лет – в зависимости от характера общественной опасности действия или бездействия. В соответствии с данным положением мы видим, что несовершеннолетние лица могут подпасть под все виды преступлений, предусмотренных УК РФ.

Регулированию уголовной ответственности несовершеннолетних всецело посвящен целый Раздел V УК РФ, выраженный в гл. 14. В данной главе законодатель выделил особенности привлечения к уголовной ответственности и наказанию несовершеннолетних лиц.

Что касается возраста несовершеннолетнего, отраженного в ст. 87 УК РФ, мы можем говорить, что, помимо возраста, статья устанавливает возможность применения различных мер, оказывающих воспитательное воздействие на несовершеннолетних, а также возможность помещения в специализированное исправительное учреждение, о котором мы поговорим отдельно [5].

Помимо этого, в соответствии с ч. 2 ст. 89 УК РФ несовершеннолетний возраст признается смягчающим обстоятельством.

Ст.ст. 90 и 91 устанавливают основания, порядок применения и содержание принудительных мер воспитательного воздействия, которые, как мы помним из ст. 87, могут применяться к несовершеннолетним в определенных случаях. Ст.ст. 90, 91 как раз и устанавливают указанные случаи, когда это возможно.

Ст. 93 УК РФ устанавливает порядок применения в отношении несовершеннолетних лиц условно-досрочного освобождения (далее – УДО). Так, в том случае, если несовершеннолетний совершает преступления небольшой, средней тяжести либо тяжкое, то УДО возможно в случае отбывания лицом не менее одной трети срока наказания, которое установлено судом. Говоря о категории преступлений особой тяжести, то речь идет о двух третьих срока наказания.

Ст. 94 УК РФ устанавливает сокращение общих сроков исковой давности в отношении несовершеннолетних наполовину.

Ст. 95 УК РФ устанавливает также ограниченные сроки, в течение которых будет погашена судимость в отношении несовершеннолетних, по сравнению с общими сроками, регламентируемыми ст. 86 УК РФ.

Интерес вызывает заключительная 96 ст. рассматриваемой главы УК РФ, которая может внести незначительные коррективы в сформировавшуюся в ходе изучения первого параграфа позицию, при которой мы рассматривали возраст несовершеннолетнего.

Несмотря на неоднозначность толкования данной позиции законодателя, мнения ученых однозначно. Это не является уголовноправовой особенностью возраста уголовной ответственности, а лишь подчеркивает исключительность личностного подхода к психофизическому развитию отдельных лиц; также это не может становиться исключением из общего правила об определении возраста несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого [6].

Следовательно, можно сказать, что УК РФ устанавливает материальные основы для процессуального регулирования уголовного преследования несовершеннолетних, которое всецело регламентируется УПК РФ.

Для этого законодатель выделил порядок уголовного преследования несовершеннолетних в отдельную главу 50.

Начинает данную главу упомянутая нами в предыдущем параграфе ст. 420 УПК РФ, которая устанавливает возраст несовершеннолетнего. Мы уже говорили, что положения о возрасте несовершеннолетнего разнятся с положениями УК РФ, в котором устанавливается нижний предел возрастной характеристики. Это происходит потому, что производство отдельных следственных действий может осуществляться и в отношении лиц младше 14-летнего возраста. Так, задержание может быть применимо и к 10-летним и к 12-летним подозреваемым.

Ст. 423 УПК РФ устанавливает особенности производства отдельных следственных действий – задержания и избрания меры пресечения. Однако сама норма является отсылочной и направляет нас к исключениям, связанным с присутствием несовершеннолетнего в производстве того или иного действия. Так, основания для задержания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, или избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, не имеют никаких исключений. В то же время ст. 99 УПК требует устанавливать в ходе избрания меры пресечения возраст обвиняемого, подозреваемого.

Ст. 100 УПК РФ также не предусматривает исключений в отношении несовершеннолетних. Это накладывает определенные ограничения на правоприменителей в связи с тем, что норма является императивной.

Подобного рода ограничения установлены и в ст. 105 УПК РФ, где законодатель отсылает нас к ст. 423 УПК РФ. Данная статья регулирует вопросы, связанные с применением отдельной меры пресечения, свойственной только несовершеннолетним, – «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым».

Ст. 425 УПК РФ устанавливает порядок проведения допроса в отношении изучаемой категории лиц, о котором мы также поговорим во 2 главе работы.

Ст. 427 УПК РФ, так же как и УК РФ, регулирует вопросы применения принудительных мер воспитательного воздействия и прекращения уголовного преследования. Процессуальный порядок мы также рассмотрим далее в работе.

Ст. 428 УПК РФ регулирует вопросы, связанные с участием в судебном заседании законных представителей, устанавливая при этом их права (ч. 1) и иные вопросы.

Ст. 429 УПК РФ регулирует порядок удаления несовершеннолетних лиц из зала суда в том случае, если судья или стороны обоснуют факт ознакомления с обстоятельствами, способный оказать негативное воздействие на лицо, а также процессуальный порядок возвращения после удаления.

Проводя анализ, необходимо отметить, что законодатель выводит основополагающие положения об уголовном преследовании несовершеннолетних в УПК РФ в отдельную главу.

Между тем не только нормативные правовые акты, имеющие высшую юридическую силу, регулируют участие в уголовном процессе несовершеннолетних. В системе российского права существует еще один важный документ, который напрямую не является источником права, но применяется большинством судов в своей деятельности, а иногда и цитируется в судебном решении [7]. Таким документом является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [8].

Мы проанализировали положения данного документа и пришли к выводу, что каких-либо новых подходов он не содержит, за исключением положения о порядке рас-

смотрения дел с участием несовершеннолетних наиболее опытными судьями. В остальном документ дублирует и уточняет положения УПК РФ.

Пленум ВС для реализации нормы, предусмотренной п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, разъясняет суду об обязанности извещать о времени рассмотрения дела в зале судебного заседания по отношению к несовершеннолетнему, а также сообщать о месте его проведения, уведомлять предприятия, учреждения и организацию, в которых работало или проходило обучение такое лицо, а также комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о возложенных на них обязанностях, предпринять все необходимые меры по обеспечению явки в суд представителей таких организаций, трудовых и учебных организаций.

Таким образом, в документе присутствует большое количество статей, уточняющих положения федерального законодательства об отдельных характеристиках производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних и уголовной ответственности несовершеннолетних.

Законодательство, регулирующее вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, основывается на общепризнанных нормах международного права, устанавливающих права и свободы детей [9].

Наряду с международным правом, Конституция Российской Федерации так же содержит нормы права, касающиеся вопросов прав несовершеннолетних лиц.

Но правовую основу в большинстве случаев составляют УК РФ и УПК РФ, в которых вопросы, связанные с привлечением несовершеннолетних к уголовной ответственности, выделены в отдельных положениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габечия Ф.В. Возраст и преступление // Факторы педагогической запущенности и психологические вопросы коррекции делинквентного поведения несовершеннолетних. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт. 2015. № 12. С. 146.
2. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (статья 1) [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Боровиков В.О. Совершенствование института уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовное право. 2016. № 7. С. 84.
4. Самолаева Е.Ю. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник современных исследований. 2019. № 2.4 (29). С. 37-40.
5. Сауткин Г.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Синергия Наук. 2019. № 34. С. 728-732.
6. Редькина Е.А. Характеристика личности условно осужденного несовершеннолетнего, вновь совершившего преступление // Мировой судья. 2014. С. 25.
7. Дело № 44У-53/2016 4У-843/2016 от 19 августа 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Удмуртской республики. URL: <https://vs-udm.sudrf.ru> // (дата обращения: 02.03.2021).
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: с изм. и дополн. от 9 февраля 2012 г., 2 апреля 2013 г., 29 ноября 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. Марианов А.А., Багамаева Д.М. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8 (135). С. 228-230.

УДК 343.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Григорьева Наталья Владимировна. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Служебный адрес: 117997, Российская Федерация, ул. Академика Волгина, д. 12.

Статья посвящена правовой природе ключевой составляющей уголовного судопроизводства – доказыванию. Тема доказывания, представляющая собой основную составляющую уголовно-процессуальной деятельности не только субъектов доказывания, но и других участников уголовного судопроизводства, не перестала быть актуальной. Она приобрела особую значимость в настоящее время. В статье анализируются современные подходы определения уголовно-процессуального доказывания. Резюмируется необходимость соблюдения в процессе доказывания баланса между инструментарием уголовного преследования и инструментарием защиты от этого процесса в рамках состязательного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказывание; состязательность; правовая природа; чувственное познание; логическое мышление.

LEGAL NATURE OF PROVING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Grigor'eva Natal'ya Vladimirovna. Assistant professor of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences, associate professor.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Work address: 117997, Russian Federation, Moscow, st. Akademika Volgina 12.

The topic of proof, which is the main component of the criminal procedural activity not only of the subjects of proof, but also of other participants in criminal proceedings, has not ceased to be relevant. It has acquired special significance at the present time. The article is devoted to the legal nature of the key component of criminal proceedings - proof. The article analyzes modern approaches to defining criminal procedural evidence. It summarizes the need to observe the balance between the tools of criminal prosecution and the tools of protection from this process in adversarial criminal proceedings in the process of proving.

Keywords: criminal procedure; proof; adversariality; legal nature; sensory cognition; logical thinking.

В условиях современной объективной действительности отмечаются тенденции, свидетельствующие о значительном продвижении исследований теории доказательств в рамках уголовного судопроизводства нашей страны. По этой причине возникает ситуация, когда в процессе проведения аналитической оценки теории и практики доказывания необходимо принимать во внимание обозначенные тенденции.

То, насколько оперативно и качественно будут расследоваться в нашей стране преступные деяния, прежде всего, зависит от эффективности и рациональности доказательственного права и присутствующей в его структурном составе теории доказывания.

Доказательственное право и теория доказывания выступают в качестве фундаментальной основы уголовного процесса в силу того, что доказывание определяет, удастся ли достичь целей, которые были поставлены перед системой уголовного судопроизводства, что в конечном итоге направлено на снижение преступности и создание необходимых условий, обеспечивающих надлежащую безопасность отдельных индивидов и всей общественной системы.

Несмотря на то, что доказывание является одной из ключевых составляющих уголовного судопроизводства, тем не менее, в законе, в части, касающейся доказывания, содержатся некоторые неточности, которые могут вызывать трудности как у ученых-теоретиков, так и у практических работников. В число основных проблем входят споры вокруг теории асимметрии доказательств, которая гласит, что недопустимыми в уголовном судопроизводстве могут являться только доказательства, представленные стороной обвинения; вокруг доктрины «плодов отравленного дерева», которая гласит, что доказательство, собранное на основании недопустимого, также не будет иметь доказательственного значения; вокруг проблемы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, а именно недостаточной законодательной регламентации проведения некоторых процессуальных действий; вокруг проблемы недопустимости доказательств и т. д. Тем не менее, одной из ключевых проблем является то, что уголовно-процессуальный закон хоть и устанавливает принцип состязательности, тем не менее на деле сторона защиты не может «на равных» соперничать со стороной обвинения, при том, что лица, представляющие сторону обвинения, объективно никак не заинтересованы в помощи стороне защиты, таким образом, представляя из себя исключительно обвинительный орган.

В этой связи правовая природа доказывания в уголовном процессе вновь обращает на себя внимание и требует рассмотрения [1].

Доказывание представляет собой распределённое по ряду компонентов логически обоснованное и обобщенное представление о каком-либо конкретном предмете, для выражения которого используется метод взаимоподчинённых признаков ее характерных специфических черт [2].

Уголовно-процессуальное доказывание выступает в качестве одной из форм реализации на практике доказательственного процесса. В настоящее время специалисты-практики и представители научного сообщества применяют ряд методов для того чтобы охарактеризовать анализируемое феноменальное явление [3].

Первый подход предполагает, что процесс доказывания выступает в качестве комплекса факторов, которые могут применяться в целях обоснования истинности или ложности явления, подлежащего доказыванию.

Второй подход определяет под доказыванием комплекс ресурсов, которые позволяют продемонстрировать определенный набор фактов (например, из летописей, из свидетельств очевидцев, из мемуаров или документов), которые позволили бы определить истинность или ложность доказываемого явления. В группу рассматриваемых ресурсов, прежде всего, входят:

- совокупный объем текстовых ресурсов (законодательная база, сведения, полученные из личной и деловой переписки и т. д.);
- совокупный объем статистической информации (информация, полученная из источников правовой и экономической статистики и т. п.);

- совокупный объем ресурсов, затрагивающих официальные и неофициальные стороны явления (в частности, это могут быть наработки судебной практики, благодаря использованию которых появляется возможность обеспечить получение точной информации о психологическом профиле преступника, привести обоснования для генезиса совершенного преступления, определить основные характеристики условий, в которых преступное деяние было совершено, и перенести их в условия суда).

Третий подход устанавливает доказывание как процесс логико-мыслительных операций, точнее, одну либо несколько последовательных логических операций. Целью их проведения является установление истинности либо ложности того или иного утверждения на основании собранных и соподчиненных друг другу суждений.

Третьему из озвученных подходов присущи по большей части философские основы, в силу того, что практически все философы понимают под процессом доказывания некий организованный метод рассуждения, приоритетная цель которого заключается в обеспечении обоснования истинности или ложности какого-либо конкретного утверждения, которым и является тезис доказывания.

Существование достаточно широкого спектра подходов для определения понятия доказывания обуславливают необходимость анализа толкований этого понятия в разных словарях. В частности, если обратиться к Большому толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, можно отметить, что в нём доказывание рассматривается как организованный процесс, в ходе которого осуществляется подбор подтверждений для выдвинутых положений; в этих целях применяется метод представления фактов или доводов [4]. На страницах словаря С.И. Ожегова и Л.И. Скворцова доказывание определяется как специфическая мыслительная операция, осуществляемая для формулировки некоторого положения; используется в этих целях определенная последовательность находящихся в логическом подчинении друг друга умозаключений [5].

В толковом словаре В.И. Даля под доказыванием понимается процесс, в рамках которого устанавливается истинность какого-либо конкретного положения путем озвучения подобранных доводов и свидетельств, характеризующих положение как неоспоримое [6].

Отсюда можно сделать вывод о том, что доказывание выступает в качестве явления, которого отличают особые характеристики, присущие философскому научному началу, а также ряду других областей науки, в частности общей социологии. Кроме того, указанное явление можно рассматривать как специфическую систему последовательно осуществляемых умозаключений, находящихся в соподчинении друг друга, стремясь при этом к достижению цели, связанной с обоснованием истинности или ложности представленного утверждения.

Совокупный перечень подходов, выявленных в рамках структурного состава источников российской юридической научной и учебной литературы, представляется возможным распределить по ряду основных категорий.

Подход, в рамках которого в роли центрального процесса выступает установление вины лица, совершившего преступление.

Представители научного сообщества, которые определяют указанный подход в качестве наиболее отвечающего условиям объективной действительности, говорят о том, что в рамках структурного состава понятия «процесс доказывания», при рассмотрении и разбирательстве уголовного дела присутствует также элемент установления, обоснования вины лица, которому предъявлено обвинение в совершении преступного деяния. По этой причине можно отметить наличие прямой взаимосвязи между представленным положением и установленным в нашей стране на сегодняшний день принципом презумпции невиновности, провозглашенным на уровне высшего юридического акта нашей страны – Конституции. В результате этого отсутствует необходимость при-

водить доказательства, свидетельствующие о собственной невинности, до того момента, пока не будут получены доказательства, свидетельствующие о наличии вины согласно установленному на уровне Федерального законодательства порядку, и до того момента, пока вынесенное судом решение не вступит в законную силу [7].

В данной ситуации мы поддерживаем И.Л. Кисленко, который придерживается позиции, в соответствии с которой в случае использования рассматриваемого подхода на практике будет нарушен баланс между инструментарием процесса уголовного преследования и инструментарием защиты от этого процесса в рамках структурного состава состязательного уголовного судопроизводства [8].

Подход, в рамках которого ориентируются, прежде всего, на процессуальные характеристики, связанные со сбором, закреплением, оценкой доказательств, позволяет определить, что под понятием процесса уголовно-процессуального доказательства следует понимать осуществление самого собирания на основании порядка, установленного законом, для того чтобы собрать достоверно установленное обстоятельство того или иного уголовного дела. По справедливому замечанию А.С. Кобликова, сама характеристика процесса доказывания подразумевает объединение непосредственной практической деятельности по собиранию, а также исследованию доказательств по уголовному делу, сопровождаемой умственной логической деятельностью, которую выполняют лица, осуществляющие доказывание для проверки и оценки истинности собранных фактов [9]. А.П. Гуськова дополнительно отметила, что деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств можно определить как познавательную и удостоверительную [10].

Представленное выше положение можно охарактеризовать как достаточно точное, в силу того, что оно демонстрирует наличие прямой взаимосвязи с определением, регламентированным на уровне УПК РФ.

Подход, в рамках которого определяется в первую очередь существенность фактов и обстоятельств, которые можно далее использовать в ходе осуществления процедуры доказывания вины.

Указанный подход предоставляет возможность привести максимально гибкую и комплексную характеристику пределам исполнения уголовно-процессуального доказывания в соответствии со спецификой определенного уголовного дела. В силу этого появляется возможность генерировать в рамках понятия процесса доказывания одновременно элементы, касающиеся установления, закрепления, оценки доказательств, а также деятельность участников уголовного процесса, в рамках которой последовательно выявляется существование фактов и обстоятельств, обладающих приоритетной значимостью для надлежащего разрешения каждого конкретного уголовного дела.

Подход, который рассматривает в качестве основного сам процесс установления, определения и оценки непосредственных фактических данных, которые подлежат установлению в соответствии с тем или иным уголовным делом на основании требований закона [11].

В рамках четвертого подхода предполагается, что феномену уголовно-процессуального доказывания – это процесс, в ходе осуществления которого появляется возможность установить, закрепить и провести оценку только фактической информации, касающейся обстоятельств, значимых для определения уровня и качества вины обвиняемого лица в соответствии с законодательными требованиями, регламентированными в нормах ст. 73 УПК РФ. При этом, как следует из точки зрения А.Л. Аристархова, «в рамках структуры УПК РФ роль понятия «фактические данные» исполняет понятие фактических сведений, соответственно, в процесс уголовного судопроизводства можно

включить все сведения, прошедшие процедуру сбора, проверки и оценки на стадии досудебного производства, а также в органах суда» [12].

Следовательно, уголовно-процессуальное доказывание может быть определено как один из видов общего процесса познания, базисом которого является установление сведений, которые необходимы при производстве по уголовному делу на основании сбора, проверки и оценки той информации, которая относится к уголовному делу.

Согласно авторской позиции, которую в своих научных работах занял А.Р. Белкин, с точки зрения соответствия гносеологическим принципам доказывание можно расценивать в виде двуединого, чувственного и рационального процесса познания, при этом при его осуществлении на практике, при выполнении процедур, направленных на определение и дальнейшую оценку обстоятельств доказывания, они могут быть выполнены не только в рамках прямого чувственного восприятия, но и при использовании методик рационального логического мышления [13].

Такая точка зрения видится нам весьма интересной, потому как при условии, если после совершения преступления остаются обстоятельства, недоступные для чувственного восприятия, то говорить о том, что преступление не совершалось – нельзя. Это также не означает, что субъект доказывания не способен познать специфику преступления, используя простейшие логические операции, тем самым охарактеризовав степень причастности подозреваемого к совершенному преступлению.

В рамках организации процесса уголовно-процессуального доказывания ключевой значимостью обладают предмет и цель доказывания. Дополнительным осложняющим фактором, который затрудняет процесс познания в условиях уголовно-процессуального доказывания, выступает также и то, что всем участникам уголовного судопроизводства на всех этапах выполнения познания осуществляется противодействие со стороны некоторых деятельных субъектов либо от самого предполагаемого преступника, при этом иногда противодействие может оказывать и защитник, потому как зачастую его главная цель – не установление истины, а представление и защита интересов подзащитного. При этом стоит учитывать специфику защиты предполагаемого преступника, основной целью которой является избежание подтверждения вины и наступления уголовной ответственности с вытекающим впоследствии наказанием [14].

Согласно замечанию В.П. Божьева, предполагаемый преступник, а также его защитник могут привлекать к процессу познания все пути, подчиненные цели усложнения процесса расследования, которое сводится к неудаче следствия и освобождению от наступления уголовной ответственности [15].

Используя обозначенные факты в качестве основы, можно определить, что максимальную степень рациональности в данном случае демонстрирует предположение, в соответствии с которым совокупный инструментарий чувственного познания и логического мышления выступает в качестве достаточно эффективного средства познания обстоятельств, и, более того, они могут равноценным образом применяться всеми участниками уголовного судопроизводства на любом этапе уголовного процесса, если это потребуется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 56.
2. Доказывание при правоприменении в Российской Федерации: монография / под ред. В.Н.Галузо. 4-е изд., испр. и доп. М.: ТЕИС, 2018. С. 27.

3. Усачев А.А. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А.А. Усачева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 171-173.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт [и др.]. 2008. С. 239.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование. 2018. С. 93.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современное написание / под ред. Н. Анашиной. М.: АСТ. 2014. С. 85.
7. Колбешкина В.О., Дядченко А.А. К вопросу о понятии «доказательства» в российском уголовном судопроизводстве // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 7 (48). С. 50-51.
8. Кисленко И.Л. Равенство средств уголовного преследования и защиты от него как основа состязательного уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 6. С. 12.
9. Корнилов А.С. К вопросу об историческом развитии понятия доказательства в уголовном праве России // Российский государственный университет правосудия. 2017. Т. 3. № 3. С. 117.
10. Зазулин А.И. О форме и содержании понятия «доказательство по уголовному делу» // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 79.
11. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М. 2019. С. 65.
12. Аристархов А.Л. К вопросу о теории доказательств в российском уголовном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1. С. 116.
13. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт. 2019. С. 33-35.
14. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2019. С. 163-165.
15. Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 7-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт. 2019. С. 190-195.

УДК 343.1

КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Мерлаков Данил Сергеевич. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

*Служебный адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, проспект Комарова,
д. 7.*

Рецензент:

Булатов Борис Борисович. Профессор кафедры уголовного процесса. Заслуженный юрист Российской Федерации. Доктор юридических наук, профессор.

Омская академия МВД России.

*Служебный адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, проспект Комарова,
д. 7.*

Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ УПК РФ дополнен статьей 189.1, предусматривающей проведение допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи. Автор отмечает, что использованная законодателем юридическая техника не позволяет четко уяснить, какие субъекты предварительного расследования уполномочены провести следственное действие в данном формате, предлагает подход по определению соответствующей компетенции должностных лиц.

Ключевые слова: компетенция; следственное действие; видео-конференц-связь; поручение; следователь; дознаватель; орган дознания; начальник органа дознания; начальник подразделения дознания; руководитель следственного органа; следователь-криминалист.

COMPETENCE OF THE BODIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION TO CONDUCT INVESTIGATIVE ACTIONS WITH THE USE OF VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION SYSTEMS

Merlakov Danil Sergeevich. Adjunct of the chair of Criminal Proceedings.

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 644092, Russian Federation, Omsk, Komarova Avenue, 7.

Reviewer:

Bulatov Boris Borisovich. Professor of the chair of Criminal Procedure. Honored Lawyer of the Russian Federation. Doctor of legal sciences, professor.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 644092, Russian Federation, Omsk, Komarova Avenue, 7.

Federal Law No. 501-FZ of December 30, 2021 supplemented the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with Article 189.1, which provides for interrogation, confrontation and presentation for identification with the use of video conference communication systems. The author notes that the legal technique used by the legislator does not make it possible to clearly understand which subjects of the preliminary investigation are authorized to

conduct an investigative action in this format, and suggests an approach to determining the appropriate competence of officials.

Keywords: competence; investigative action; video conference communication systems; assignment; investigator; inquirer; body of inquiry; head of the body of inquiry; head of the department of inquiry; head of the investigative body; forensic investigator.

Использование систем видео-конференц-связи в современном уголовном процессе не является абсолютно новым явлением. Определенная практика была разработана применительно к судебному разбирательству.

Так, еще в декабре 2010 года для осужденного, содержащегося под стражей либо отбывающего наказание в виде лишения свободы, предусмотрена возможность участия при рассмотрении апелляционной, кассационной жалоб посредством применения систем видео-конференц-связи (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ) [1]. В марте 2011 года законодатель допустил допрос свидетеля и потерпевшего с использованием указанных систем (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ) [2]. В июле 2014 года разрешено дистанционное участие подсудимого в судебном заседании (ч. 6.1 ст. 241, ч. 1 ст. 293 УПК РФ) [3]. Предусмотрены и другие случаи.

Длительное время в юридической литературе обсуждался вопрос о распространении использования систем видео-конференц-связи на процессуальную деятельность в досудебном производстве. Имеются как сторонники [4, с. 15-18; 5, с. 91-93; 6, с. 2-6; 7, с. 128-130; 8, с. 118-122], так и противники [9, с. 24-33] применения данных технических средств при проведении следственных действий на этапе предварительного расследования. В конце 2021 года проблема разрешена в пользу их допуска: в ст. 189.1 УПК РФ закреплены особенности допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи; также корреспондирующие изменения внесены в ст. 38 и 41 УПК РФ, которые касаются полномочий следователя и дознавателя, и в ст. 166 УПК РФ, регламентирующую протокол следственного действия [10].

В настоящее время, в соответствии с п. 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь уполномочен давать следователю, дознавателю или органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым. В соответствии с п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ аналогичное полномочие теперь имеется и у дознавателя, адресатом поручения в этом случае определен лишь дознаватель или орган дознания.

Согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ письменное поручение об организации допроса, очной ставки, предъявления для опознания в рассматриваемом формате может давать лишь «следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования». Представляется, что такая формулировка не обладает достаточной определенностью. В первоначальном тексте законопроекта [11] субъектами, уполномоченными проводить следственные действия с использованием систем видео-конференц-связи, были определены «дознаватель или следователь, в производстве которого находится уголовное дело». На наш взгляд, такое нормативное регулирование является более удачным, так как для наделения компетенцией на проведение следственного действия должностным лицам не всегда именно поручается производство предварительного расследования.

По общему правилу лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, появляется одновременно с началом предварительного расследования, когда в поста-

новлении о возбуждении уголовного дела следователем, дознавателем, органом дознания указывается о принятии его к своему производству (ч. 1 ст. 156 УПК РФ). Предполагается, что предварительное расследование ведется индивидуально определенным лицом по конкретному уголовному делу. В случае сложности или большого объема дела производство по нему поручается следственной группе или группе дознавателей, о чем также может быть указано в данном документе (ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 223² УПК РФ). К.В. Муравьев правильно, на наш взгляд, указывает, что оформление решения о субъекте, который будет осуществлять производство, должно быть условно отнесено к этапу предварительного расследования, так как этому всегда предшествует выполнение задачи по возбуждению дела [12, с. 106-112]. Если следователю или дознавателю поручается производство уже по возбужденному делу, то принятие дела к своему производству оформляется отдельным процессуальным документом – постановлением о принятии уголовного дела к своему производству (ч. 2 ст. 156 УПК РФ). Указанным образом обеспечивается надлежащая форма уголовного судопроизводства и определяется лицо, уполномоченное вести его. Именно оно наделяется компетенцией по осуществлению следственных действий. Таким образом, поручение производства предварительного расследования следователю или дознавателю является второстепенным условием и в некоторых случаях может отсутствовать.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа, в числе прочего, уполномочен поручать производство предварительного следствия одному либо нескольким следователям, изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, либо принимать уголовное дело к своему производству. Эти полномочия реализуются уже по возбужденному делу. До принятия итогового решения на первоначальной стадии процесса руководитель следственного органа не может давать поручение следователю о проведении проверки сообщения о преступлении и производстве предварительного расследования, так как в результате проверки может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40.1 и п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, полномочиями поручать производство дознания наделены, соответственно, начальник подразделения дознания и начальник органа дознания.

Должностные лица органа дознания могут приобретать процессуальный статус дознавателя в силу служебного положения и занимаемой должности (сотрудники подразделения дознания), а также возложения таких полномочий на должностных лиц органа дознания начальником органа дознания [13, с. 14]. Осуществлять расследование в форме дознания вправе дознаватели, работающие в соответствующих подразделениях дознания, – реализация уголовно-процессуальных полномочий является для них единственной функцией. Вместе с тем производство дознания может быть поручено начальником органа дознания и другим должностным лицам, например участковому уполномоченному [14, с. 13]. Таким образом, термин «дознаватель» используется в УПК РФ в двух значениях: как лицо, замещающее должность дознавателя в государственном органе, либо иное должностное лицо, которому начальником органа дознания в письменной форме поручено провести дознание. Следовательно, должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, является дознавателем, а значит, и субъектом производства следственных действий в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ.

Поручение о производстве расследования в данном случае является обязательным условием при определении надлежащего субъекта. Именно руководитель органа дознания сосредоточивает в своих руках все предусмотренные законом полномочия по

производству дознания, неотложных следственных действий и реализации иных процессуальных функций. Без руководителя невозможно выполнить предписание закона, адресованное органу дознания [15, с. 204].

Характер полномочий поручать производство предварительного расследования относится к административной (организационно-управленческой) функции, позволяющей соответствующим руководителям распределять нагрузку по находившимся в производстве у следователей или дознавателей уголовным делам. Однако форма реализации такого полномочия и требования к его оформлению в УПК РФ не указаны.

В свете ст. 189.1 УПК РФ реализация решения о поручении расследования определенному субъекту (следователю или дознавателю) должна, на наш взгляд, осуществляться письменно, в виде резолюции на постановление о возбуждении уголовного дела. В некоторых случаях руководители следственного органа выносят постановления об изъятии и передачи уголовного дела от одного следователя к другому, которое также может рассматриваться как поручение расследования.

Исключением из указанного условия производства предварительного расследования является возможность участия в производстве отдельных следственных действий следователя-криминалиста. Такая компетенция возникает у него без принятия уголовного дела к своему производству, но только по поручению руководителя следственного органа (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). В.М. Быков высказывает мнение, что данный субъект для участия в производстве отдельных следственных действий на законных основаниях должен иметь соответствующее письменное поручение руководителя следственного органа – его он должен передать следователю, в производстве которого находится уголовное дело, для приобщения к материалам. Это будет являться законным основанием участия следователя-криминалиста при производстве следственных действий [16, с. 43-44]. Считаем, что данные рекомендации целесообразно использовать данным субъектом и при производстве следственных действий, указанных в ст. 189.1 УПК РФ (с применением средств видео-конференц-связи). При этом следует согласиться с мнением А.Ю. Зотова, что следователь-криминалист в ходе реализации своих полномочий должен осуществлять криминалистическое сопровождение расследования преступления и проводить самостоятельно только те следственные действия, которые требуют наличия глубоких знаний в области криминалистики и иных отраслях, не относящихся к правовым [17, с. 149-150]. Таким образом, привлечение данного субъекта к следственным действиям, указанным в ст. 189.1 УПК РФ (допрос, очная ставка, предъявление для опознания), должно носить исключительный характер.

В соответствии с ч. 2 ст. 39 УПК РФ принять уголовное дело к своему производству и приобрести полномочия следователя, его процессуальную самостоятельность вправе руководитель следственного органа. Обладает ли данный субъект полномочиями по производству следственных действий путем использования средств видео-конференц-связи? Кто должен давать поручение на производство расследования указанному субъекту, и обязательно ли оно?

Полагаем, что допустимо провести аналогию и обратиться к пункту 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. Здесь разъясняется, что в случаях, когда ходатайство о производстве следственного действия возбуждено перед судом непосредственно руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, согласия вышестоящего руководителя следственного органа на направление ходатайства в суд не требуется [18]. Данное разъяснение целесообразно применить к руководителю следственного органа при производстве следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи.

Считаем, что для данного субъекта поручение на производство предварительного расследования от вышестоящего руководителя не требуется.

Компетенция по проведению следственных действий путем использования средств видео-конференц-связи принадлежит именно должностным лицам, ведущим досудебное производство (т. е. по месту предварительного расследования). Именно они при использовании технических средств разъясняют участникам следственного действия соответствующие права и обязанности, ответственность и порядок производства, задают вопросы потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому либо предъявляют для опознания данным участникам соответствующих лиц. Они же составляют протокол с соблюдением требований, установленных законом (ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ).

Задачей должностных лиц по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, является содействие, которое предполагает вспомогательный, технический характер. Оно заключается в организации следственного действия (приглашении, доставлении необходимых субъектов, получении от них подписки о разъяснении прав и обязанностей, ответственности и порядка производства, записи об оглашении протокола участникам, направление в течение 24 часов подписки и иных документов инициатору проведения следственного действия (ч. 3 и 6 ст. 189.1 УПК РФ)). Должностные лица, исполняющие поручение об организации проведения следственного действия, не вправе выходить за рамки компетенции, предусмотренной ст. 189.1 УПК РФ (например, задавать вопросы лицам, участвующим в проведении следственного действия, относительно расследуемого события).

Классическое понимание поручения производства следственных или розыскных действий в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ существенно отличается от письменного поручения об организации участия лица в следственном действии, которое предусмотрено ст. 189.1 УПК РФ. По справедливому суждению О.Н. Игнатовой, делегирование процессуальных полномочий представляет собой процесс передачи одним участником уголовного судопроизводства другому своих процессуальных полномочий путем волеизъявления или в силу прямых предписаний закона, предполагающий определенную свободу действий лица, которому они делегированы, с одновременным приобретением ответственности за результат их реализации [19, с. 13]. Полномочия, реализуемые в порядке исполнения письменного поручения в рамках ст. 189.1 УПК РФ, представляют собой иную, самостоятельную группу делегированных полномочий.

В соответствии с п. 4.1 ч. 2 ст. 38, п. 2 ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ письменное поручение о производстве следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи направляется следователю, дознавателю или в орган дознания. Ранее в УПК РФ не содержалось нормы, позволяющей следователю давать поручение о производстве следственных действий напрямую дознавателю. Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ обязательные для исполнения поручения следователя, в том числе связанные с необходимостью производства следственных или иных действий не по месту производства предварительного расследования, должны адресоваться органу дознания, начальник которого обладает полномочием определить в качестве исполнителя должностное лицо органа дознания, которым может являться и дознаватель. Стоит обратить внимание на то, что п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ уполномочивает дознавателя давать такие поручения только дознавателю или органу дознания. Направить поручение следователю дознаватель не уполномочен.

Использованное нормативное регулирование существенно усложняет смысл восприятия данной нормы. По нашему мнению, в данном случае целесообразно было бы использовать такие формулировки, как «направлять в орган дознания или орган предварительного следствия», так как решение о распределении письменных поручений об организации следственного действия путем использования систем видео-

конференц-связи в любом случае принимается руководителем соответствующих органов, им и определяется исполнитель. Категория «орган предварительного следствия» используется законодателем в ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 37, ч. 12 ст. 107, ч. 2 ст. 134, ч. 1.1 ст. 147 УПК РФ, и нет сомнения, что она могла бы использоваться в обсуждаемой норме.

Таким образом, следователь, дознаватель или орган дознания по месту нахождения лица, которым направленно письменное поручение об организации проведения следственного действия, выполняют обеспечительную функцию, оказывают содействие, технически организуют участие в следственном действии соответствующих лиц. Они не могут рассматриваться как субъекты, ведущие уголовное досудебное производство, их компетенция определена ст. 189.1 УПК РФ.

В заключение хотелось бы отметить, что следственные действия путем использования систем видео-конференц-связи уполномочены проводить государственные органы и должностные лица, которые вступают в правоотношения с другими участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют деятельность, направленную на предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, а также создание иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде [16, с. 57-61]. Формулировка, используемая законодателем: «следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования», не в полной мере определяет таких субъектов. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи должно осуществляться всеми должностными лицами, уполномоченными расследовать уголовные дела, как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания. Основным критерием определения компетенции таких субъектов является то, что уголовное дело находится у них в производстве. В предусмотренных законом случаях этого не требуется. Письменные поручения данных субъектов должны адресоваться органу предварительного следствия или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в проведении следственного действия признано необходимым. Считаю целесообразным скорректировать ст. 189.1 УПК РФ в соответствии с установленными аспектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
5. Поликарпов Б.А. Видео-конференц-связь как мера предупреждения противодействия уголовному преследованию // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3).

6. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: завтракный день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1.

7. Чаплыгина В.Н. Проблемы производства дистанционного допроса в досудебном производстве России // Наука и практика. 2015. № 3 (64).

8. Родивилина В.А., Шаевич А.А. Потенциальная возможность использования систем видео-конференц-связи на предварительном расследовании // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х т. Иркутск, 2018. Т. 2.

9. Головки Л.В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. 2021. № 2.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Проект Федерального закона № 1184596-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.06.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Муравьев К.В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013.

13. Есина А.С. Допрос в органах внутренних дел. М., 2018.

14. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России: учебное пособие / К.В. Муравьев, А.В. Писарев, И.С. Смирнова, С.В. Супрун. Омск, 2009.

15. Судостроительство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры: учебное пособие для вузов / А.Н. Артамонов, А.С. Дежнев, В.В. Кальницкий [и др.] / под ред. А.Н. Артамонова. Омск, 2020.

16. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России: монография. М., 2014.

17. Зотов А.Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Е.А. Зайцевой. М., 2021.

18. О практике рассмотрения судами ходатайства о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Игнатова О.Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

УДК 343.1

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ
(ПОДОЗРЕВАЕМЫХ)**

Семенов Евгений Алексеевич. Профессор кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Кузьменко Елена Сергеевна. Ведущий научный сотрудник. Кандидат юридических наук, доцент.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

Служебный адрес: 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ, основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления. Одним из способов реализации данной задачи является применение мер процессуального принуждения. Вместе с тем лицу, ведущему производство по уголовному делу, при применении принудительных мер важно найти баланс между интересами публичной власти и потерпевшего, а также положением того лица, в отношении которого избирается данная мера. В связи с этим соблюдение такого баланса при применении мер принуждения в отношении несовершеннолетних вызывает сложности, тем самым актуализируя обозначенную проблематику.

Кроме того, имеются особенности процедуры задержания несовершеннолетнего, применения мер пресечения: помимо основных требований, регламентирующих процедуру избрания мер, следователю (дознавателю) необходимо соблюдать и специальные положения УПК РФ (двойное представительство, время, уровень и условия жизни ребенка и т.п.).

Ключевые слова: меры процессуального принуждения; меры пресечения; задержание; несовершеннолетний обвиняемый; меры принуждения.

**FEATURES OF THE USE OF COERCIVE MEASURES AGAINST JUVENILE
ACCUSED (SUSPECTS)**

Semenov Evgeniy Alekseevich. Professor of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

Kuzmenko Elena Sergeevna. Leading researcher. Candidate of legal sciences, associate professor.

National Research Institute of the Ministry of Interior of Russia.

Work address: 121069, Russian Federation, Moscow, st. Povarskaya 25, b.1.

In accordance with Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the main purpose of criminal proceedings is to protect the rights and legitimate interests of persons affected by a crime. One of the ways to implement this task is the use of procedural coercion measures. At the same time, when applying coercive measures, it is important for a person conducting criminal proceedings to find a balance between the interests of the public authorities and the victim, as well as the position of the person against whom this measure is being chosen. In this regard, the observance of such a balance when applying coercive measures against minors causes difficulties to a greater extent, thereby actualizing the identified problems.

In addition, the procedure for detaining a minor, preventive measures consists in the fact that in addition to the basic requirements governing the procedure for electing measures, the investigator (inquirer) must comply with the special provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (dual representation, time, level and living conditions of the child, etc.).

Keywords: measures of procedural coercion; preventive measures; detention; minor accused; coercive measures.

В уголовно-процессуальном законе особенностям производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних посвящена отдельная глава – гл. 50 УПК РФ [1]. Особый порядок уголовного судопроизводства с участием лиц, не достигших 18-ти лет, обусловлен необходимостью обеспечения полной юридической защиты данной категории лиц, охраны их прав и свобод наряду с другими участниками процесса, которые в силу своего физического и психического состояния могут осуществить данную защиту в общем порядке. Не зря в своих работах Л.Р. Байдавлетова называет несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве «особой процессуальной фигурой» [2, с. 4].

Производство следственных и иных процессуальных действий с участием данных лиц является для следователя (дознателя) достаточно трудной процедурой, а применение мер пресечения, их обоснование и процессуальный порядок избрания усложнен вдвойне. По мнению О.С. Кайгородовой, это обуславливается «...в первую очередь возрастом процессуальных участников, что, несомненно, наложило свой отпечаток и на работу с ними. Это касается и времени производства следственных действий, и разнообразных участников процессуальных действий, и личностных особенностей поведения несовершеннолетних» [3, с. 33]. Также С.С. Чернова отмечает в своей работе, что «...существуют многочисленные пробелы в правоприменительной деятельности, следствием которых являются нарушения в ходе производства следственных действий прав несовершеннолетних потерпевших или ненадлежащая защита их интересов» [4, с. 54].

Соглашаясь с позициями указанных авторов, следует подкрепить такие выводы положениями общепризнанных норм и принципов международного права. Так, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении лиц, не достигших 18-ти лет (Пекинские правила), в п. 5 устанавливают следующее: «Система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения» [5]. Также в данном документе в п. 17 содержатся руководящие принципы при выборе и решении применения мер пресечения в отношении лиц, не достигших 18-ти лет. Среди них следующие:

- меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества;
- решения об ограничении личной свободы указанных лиц должны приниматься только после тщательного рассмотрения вопроса, и ограничение должно быть по возможности сведено до минимума;
- несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствии другой соответствующей меры воздействия;
- при рассмотрении дела участника данной категории лиц вопрос о его благополучии должен служить определяющим фактором [5].

В Конвенции о правах ребенка также уделяется большое внимание защите прав и законных интересов несовершеннолетнего лица при осуществлении правосудия. Так, в ней содержатся положения, согласно которым процессуальные действия, ограничивающие свободу ребенка (арест, тюремное заключение или задержание), могут быть применены в его отношении только «в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени» [6].

Важно отметить, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве меры процессуального принуждения применяются только в рамках уголовного судопроизводства, в соответствии с положениями УПК РФ (гл. 12-14 УПК РФ), и только уполномоченным на это должностным лицом – дознавателем, следователем, начальником органа дознания, руководителем следственного органа и судом.

В настоящее время применение меры пресечения в отношении лиц, не достигших 18-ти лет, осуществляется достаточно часто. Так, в России за период с января по ноябрь 2021 г. было возбуждено 25 831 уголовное дело в отношении несовершеннолетних (2,9 % от общего количества преступлений) [7], в большинстве из которых (около 70 %) к приведенной категории лиц были применены меры принуждения [8].

В рамках уголовного судопроизводства целью мер процессуального принуждения является предупреждение и пресечение преступлений, устранение воспрепятствования производству по уголовному делу, обеспечение надлежащего порядка исполнения приговора. Важно отметить, что любая мера процессуального принуждения подразумевает ограничение прав и свобод, а также затрагивает права на личную неприкосновенность и на честь и достоинство, регламентированные ст. 22-23 Конституции Российской Федерации. В связи с этим при принятии решения об избрании той или иной меры принуждения уполномоченные лица обязаны установить наличие достаточных оснований, регламентированных ст. 91, 97, 111 УПК РФ.

По мнению Е.В. Марковичевой, «...правильное и своевременное решение об избрании, отмене или изменении меры пресечения в отношении подростков гарантирует соблюдение их прав и обеспечит необходимую эффективность судопроизводства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних» [9, с. 9].

Правоприменительная практика по делам несовершеннолетних показывает, что наиболее распространенной мерой принуждения является задержание подозреваемого. Основной его целью является обеспечение на него воспитательного воздействия – его ресоциализация и формирование правомерного поведения в будущем.

Задержанию несовершеннолетнего подозреваемого посвящена ст. 423 УПК РФ, согласно которой данная мера пресечения применяется по общим правилам задержания (ст. 91 УПК РФ). Однако отличительной особенностью является обеспечение двойного представительства указанного лица, которое заключается в незамедлительном уведом-

лении законных представителей несовершеннолетнего правонарушителя, а также присутствии защитника. По мнению Т.Н. Михайловой и О.П. Грибунова, «...данное положение является рациональным, поскольку речь идет о ребенке, который в силу своего интеллектуального и духовного развития не может в должной мере представлять свои интересы перед государством» [10, с. 141].

Также после задержания несовершеннолетнего подозреваемого и доставления его в правоохранительные органы лицо должно быть допрошено. При этом следует учитывать возраст допрашиваемого лица для определения продолжительности данного следственного действия. О времени производства допроса после осуществления задержания высказывается в своей работе Н.А. Голубев, и в этом с ним следует согласиться: «...несмотря на установленные законодателем временные границы производства следственных действий, лучше организовывать их проведение таким образом, чтобы продолжительность составляла всего 40-45 минут (как школьный урок), поскольку длительный характер взаимодействия с органами предварительного расследования может пагубным образом отразиться как на здоровье ребенка, так и на достоверности предоставленных им показаний» [11, с. 30].

Анализируя меры пресечения, применяемые к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, следует руководствоваться положениями ч. 2 ст. 423 УПК РФ, а также п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [12], согласно которым при избрании меры пресечения орган предварительного расследования и суды должны рассмотреть вопрос об избрании меры пресечения в виде пристража за несовершеннолетним.

В практической деятельности СУ УМВД России по Орловской области пристраж за несовершеннолетним обвиняемым является достаточно часто применяемой мерой пресечения в отношении данной категории лиц. Подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется чуть реже, а по тяжким и особо тяжким преступлениям в большинстве случаев осуществляется заключение под стражу. Данная мера пресечения является, по мнению многих ученых, альтернативой заключению под стражу; мерой, направленной на воспитание несовершеннолетних и не связанной с изъятиями из семьи [13, с. 23].

Для ее применения заслуживающие доверия лица (родитель, опекун, попечитель или др.) должны дать следователю (дознавателю) либо суду соответствующее обязательство в письменной форме. После этого уполномоченные лица (следователь, дознаватель или суд) обязаны разъяснить сущность подозрения или обвинения несовершеннолетнего лица, а также ответственность лица, возникшую в связи с исполнением возложенных на него обязательств.

Следует учитывать, что лицо, ведущее производство по уголовному делу, применять данную меру принуждения может исключительно в отношении несовершеннолетнего. В ином случае действия следователя будут признаны незаконными.

Одной из наиболее сложных и строгих мер процессуального принуждения является заключение под стражу. Приведенная нами мера пресечения может быть применена к вышеуказанному лицу в случае совершения им тяжкого (особо тяжкого) противоправного деяния, а в исключительных случаях – при совершении преступления средней тяжести.

Вместе с тем, что подразумевается под понятием «исключительный случай» и что именно к нему относится – законодательно не урегулировано. О сложившейся ситуации размышляют многие ученые и правоприменители. Так, например, Л.К. и И.Л. Труновы в своей совместной работе к таким исключительным случаям от-

носят такие обстоятельства, при которых «...несовершеннолетнее лицо уже ранее неоднократно совершало преступления либо осуществляло руководство групповым преступлением; подросток не имеет родителей либо постоянного места жительства, вследствие чего существует высокая вероятность того, что он скроется либо помешает установлению истины, а также злостно нарушает условия, предусмотренные избранной в отношении его меры пресечения» [14, с. 238].

В то же время Т.В. Щенина полагает, что исключительные случаи применения к несовершеннолетнему заключения под стражу подразумевают отрицательную характеристику по месту жительства, из школы, спортивных и иных секций и тому подобных мест; где единственным средством воздействия на данное лицо является «его изоляция от общества» [15, с. 22].

Об этой проблеме размышлял и Н.Г. Нарбиков, отмечая, что совершение преступления в составе группы лиц, отсутствие постоянного места жительства, отсутствие должного контроля со стороны родителей либо когда несовершеннолетний болен наркоманией или алкоголизмом можно отнести к таким случаям [16, с. 20].

Так или иначе, большинство ученых приходят к выводу о том, что понятие «исключительный случай» – многогранно, и следователь при принятии решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу трактует это понятие по своему усмотрению. Мы солидарны с мнением Е.В. Мищенко, что вопрос, касающийся понятия «исключительный случай», можно решить лишь путем законодательного закрепления [17, с. 72].

В соответствии с положениями Пекинских правил, Конвенции о правах ребенка, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41) [18], отечественного уголовно-процессуального законодательства, применение к несовершеннолетнему лицу меры пресечения в виде заключения под стражу допустимо только в случаях, когда применение к подростку альтернативных (более мягких) мер невозможно. При этом указанная мера применяется к данному лицу на наиболее короткий период. В отношении лица, не достигшего возраста 16 лет либо совершившего противоправное деяние небольшой или средней тяжести впервые, применение самой суровой меры принуждения невозможно.

При вынесении решения о целесообразности избрания заключения под стражу следователь, дознаватель или суд обязаны рассмотреть применение к несовершеннолетнему альтернативной меры, в частности домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) и наложения запретов, которые могут быть предусмотрены в таком случае.

Важно отметить, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 следователь, дознаватель или суд при избрании домашнего ареста в отношении несовершеннолетнего должны определить периоды времени, в течение которых лицо может покинуть место его изоляции [18]. Это необходимо в первую очередь для посещения образовательных организаций (например, школы), обеспечения психологической разгрузки (прогулки по парку, улице и т.п.). При этом следователь, дознаватель или суд указывают места, которые может посетить подросток. Следовательно, при избрании данной меры пресечения органам предварительного расследования необходимо учитывать следующие факторы:

- условия и уровень жизни в жилом помещении, где будет изолировано несовершеннолетнее лицо;
- влияние на него тех лиц, которые также проживают в этом жилом помещении.

По нашему мнению, эти факторы являются значимыми, так как они могут достаточно воздействовать как на психологическое состояние ребенка, так и на уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетнего.

Отметим, что с 2014 года в Государственной Думе Российской Федерации на рассмотрении находился проект Федерального закона № 679268-6, в соответствии с которым к несовершеннолетним предлагалось применять новую меру пресечения: помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. Указанная мера принуждения могла найти отражение в ст. 107.1 УПК РФ, в соответствии с которой помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел могло быть применено по судебному решению в отношении данного лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой, средней тяжести или тяжкого преступления, за исключением тяжких преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [19].

Проект данной меры пресечения был недостаточно детально проработан, однако ст. 107.1 в подготовленной редакции содержала ряд прогрессивных положений. В частности, согласно ч. 3 вышеуказанной нормы, при решении вопроса о необходимости избрания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде помещения в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел наряду с указанными в ст. 99 УПК РФ обстоятельствами должны были учитываться условия, прописанные в девяти пунктах указанной нормы, например: отсутствие места жительства, места пребывания в субъекте Российской Федерации; невозможность передачи законным представителям в течение трех часов; неустановление личности подростка; нарушение ранее избранной меры принуждения; совершение административного правонарушения, предусмотренного отдельными статьями КоАП РФ [20], в период производства по уголовному делу или после совершения преступления; нахождение в социально опасном положении (угроза жизни, здоровью); самовольный уход из семьи; место жительства несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления, совпадает с местом жительства или местом пребывания потерпевшего.

Вышеназванный законопроект был отклонен Государственной Думой Российской Федерации 21 июля 2020 года [19]. Несмотря на такой итог, полагаем, отдельные положения данного законопроекта могли бы встроиться в систему существующих мер пресечения в части дополнительной законодательной регламентации условий и оснований их применения для несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 30 декабря 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Байдавлетова Л.Р. Особенности проведения следственных действий с потерпевшими несовершеннолетнего возраста (на основе анализа уголовных дел) // Российский следователь. 2016. № 20.
3. Кайгородова О.С. О некоторых процессуальных аспектах по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27).
4. Чернова С.С. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего: процессуальные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48).

5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]: приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.: вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27566319/> (дата обращения: 10.01.2022).

8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 10.01.2022).

9. Марковичева Е.В. Альтернативы заключению под стражу для несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2.

10. Михайлова Т.Н., Грибунов О.П. Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего лица // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96).

11. Голубев Н.А. Некоторые особенности расследования преступлений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 1.

12. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: ред. от 28 октября 2021 г. // Рос. газ. 2011. 11 февраля.

13. Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. 2015. № 6.

14. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб, 2003.

15. Щенина Т.Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

16. Нарбиков Н.Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.

17. Мищенко Е.В. Права человека и гражданина в производстве по отдельным категориям уголовных дел. Оренбург, 2010.

18. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: ред. от 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. О проекте Федерального закона № 679268-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел»: Постановление ГД ФС РФ от 21 июля 2020 г. № 8665-7 ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30, ст. 4838.

20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 30 декабря 2021 г. // Рос. газ. 2001. 31 декабря.

**Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

УДК 343.9

**ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ**

Дягилев Андрей Аркадьевич. Заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Кандидат юридических наук.

Нижегородская академия МВД России.

Служебный адрес: 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

В настоящее время информационные технологии оказывают существенное влияние на различные аспекты жизнедеятельности современного общества. Не обошли стороной указанные изменения и механизмы совершения преступлений, одним из которых является торговля людьми, осуществляемая как в результате проведения криминальных сделок в отношении человека, так и путем осуществления обеспечительных действий, направленных на их совершение и последующую эксплуатацию жертвы. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих с высокой долей анонимности практически мгновенный обмен информацией из любой точки мира, существенно облегчило подготовку и совершение рассматриваемого вида преступлений, а также последующее сокрытие следов криминальной деятельности. В рамках представленной статьи предпринята попытка рассмотреть основные направления использования информационных технологий, в частности сети Интернет, при осуществлении торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми; оперативно-розыскная деятельность; способ совершения преступлений; информационно-телекоммуникационные технологии; Интернет.

**THE IMPACT OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES
ON CHANGING THE WAY PEOPLE ARE TRAFFICKED**

Daygilev Andrey Arkadevich. Deputy Head of the chair of Operational and Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 603950, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Currently, information technology has a significant impact on various aspects of life in modern society. These changes have not ignored the mechanisms of committing crimes, one of which is human trafficking, carried out as a result of criminal transactions against a person, and through the implementation of security actions aimed at their commission and the subsequent exploitation of the victim. The development of modern information and communication technologies, providing with a high degree of anonymity almost instantaneous exchange of

information from anywhere in the world, has greatly facilitated the preparation and commission of this type of crime, as well as the subsequent concealment of traces of criminal activity. This article attempts to examine the main uses of information technology, in particular the Internet, in the commission of trafficking in persons.

Keywords: human trafficking; operational investigative activity; method of committing crimes; information and telecommunication technologies; Internet.

Знание о способах совершения противоправных деяний имеет существенное значение в вопросе организации и тактики борьбы как с отдельными видами преступлений, так и в рамках противодействия преступности в целом. Р.С. Белкин отмечает, что «... способ совершения и сокрытия преступления, точнее – знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования» [1, с. 805]. Способ совершения преступления находится в фокусе внимания различных наук юридического цикла. В частности, в криминалистке имеется значительное количество научных работ по указанной тематике, в том числе носящих фундаментальный характер [2]. В рамках настоящей статьи, не углубляясь в нюансы существующих научных точек зрения по данному вопросу, отметим результаты исследований А.А. Бессонова, который, проанализировав существующие в криминалистике определения способа совершения преступления, выделил их общие закономерности. В частности, им было отмечено, что в основных доктринальных определениях указывается, что способ совершения преступлений – это: во-первых, система действий; во-вторых, эти действия детерминированы объективными и субъективными условиями; в-третьих, они направлены на достижение преступной цели; в-четвертых, такие действия связаны с использованием определённых приемов, орудий и средств, оставляющих в окружающей обстановке следы [3]. Схожая позиция представлена и в уголовном праве, где способ, прежде всего, – один из наиболее значимых признаков объективной стороны состава преступления, который представляет собой «действие или порядок (систему) действий, обладающих двумя важными свойствами: во-первых, они должны совершаться в процессе преступления и, во-вторых, должны быть направлены на достижение преступного результата» [4, с. 6]. Таким образом, можем согласиться с мнением А.М. Кустова, определявшего способ совершения преступлений как «обусловленную различными объективными и субъективными факторами систему продуманных и взаимосвязанных действий преступника по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления, направленных на достижение преступного результата» [5, с. 124-125].

Как уже отмечалось, на характер действий преступника оказывают влияние различные, в том числе, внешние факторы [6, с. 14-15]. В настоящее время одной из таких детерминант стало стремительное развитие информационных технологий. Жизнь современного общества и отдельных его представителей в развитых странах уже не представляется возможной без использования достижений науки и техники в области искусственного интеллекта и цифровых коммуникаций, в частности, без возможностей всемирной информационной сети Интернет. При этом складывающаяся ситуация не всегда носит положительный характер. Стоит согласиться с мнением профессора В.И. Шарова, который указывает, что «сегодня Интернет – отражение всей нашей жизни, в том числе и ее негативной стороны. Общество в интернете сталкивается с преступной деятельностью, причем не только с относительно новым видом так называемых компьютерных преступлений, но и с традиционными деяниями, получившими новый инструмент противоправной деятельности» [7, с. 5]. Указанное высказывание в

полной мере применимо в отношении способов совершения торговли людьми, которые также претерпели определенные изменения в результате внедрения современных информационно-технологических технологий в механизмы реализации противоправного умысла.

С точки зрения уголовного закона торговля людьми заключается в совершении одного либо нескольких умышленных действий, указанных в диспозиции части первой ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно: «купи-продажи или иной сделки в отношении человека – независимо от целей их осуществления, а равно вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека в целях его эксплуатации» [8]. Таким образом, торговля людьми включает в себя как непосредственное проведение криминальных сделок, так и осуществление обеспечительных действий, направленных на их совершение и последующую эксплуатацию жертвы.

Как уже отмечалось, действия злоумышленника, направленные на достижение преступного результата, осуществляются на этапах подготовки непосредственного совершения преступления и сокрытия его следов.

Первоначальным является этап приготовления к преступлению, в широком смысле представляющий любую целенаправленную деятельность, создающую условия для реализации преступного умысла. Применительно к рассматриваемому виду преступлений на первоначальном этапе злоумышленниками, как правило, совершаются действия, направленные на приискание контрагентов, с которыми планируется совершение криминальных сделок, подбор соучастников, а также определение «круга» потенциальных жертв и способов их вербовки.

Указанные действия могут реализовываться как в процессе непосредственного «живого» общения с различными категориями лиц, так и дистанционно, с использованием возможностей современных информационно-телекоммуникационных технологий, преимуществом которых является их глобальный и экстерриториальный характер, позволяющий практически мгновенно доставлять и получать информацию фактически из любой точки земного шара. Кроме того, использование интернета повышает уровень анонимности, дает возможность скрыть свою личность. Качественный скачок повышения анонимности в интернете произошел с развитием его теневого сегмента, так называемого Даркнета. Как отмечают специалисты, главным преимуществом для тех, кто предпочитает Даркнет (по разным оценкам их число варьируется от 0,1 % до 1 % от всех пользователей интернета), выступает сохранение анонимности пользователей. В техническом отношении такая анонимность достигается за счет использования специальных браузеров TOR (луковых маршрутизаторов), которые не позволяют определить IP-адреса с помощью специальных способов шифрования и туннельной передачи данных. Информация в Даркнете передается в одноранговых сетях без возможности их контроля и перехвата [9]. Указанными преимуществами активно пользуются лица, занимающиеся противоправной деятельностью, в том числе, связанной с торговлей людьми.

Еще одним элементом подготовительных действий является определение вероятного «круга» потенциальных жертв преступления и способов их предстоящей вербовки. Исследователи отмечают: «Торговцы людьми устанавливают дружеские контакты, осуществляют слежку за потенциальными жертвами через различные приложения, такие как Facebook, Instagram, Twitter и т. д. Многие жертвы вступают в романтические отношения с преступниками, что позволяет в дальнейшем принуждать или манипулировать жертвами для занятия проституцией. Соответственно, торговцы людьми посредством социальных сетей концентрируют большое количество потенциальных жертв, затрачивая при этом максимально небольшое количество времени» [10].

Следующим за приготовлением является этап непосредственного совершения преступления. Как уже отмечалось, диспозиция части 1 ст. 127.1 УК РФ включает в себя целый ряд действий, совершение которых законодателем расценивается как оконченный состав преступления. Таким образом, сама диспозиция ст. 127.1 УК РФ дает нам возможность рассмотреть это деяние через призму его составных частей. При этом мы намеренно отойдем от указанной в статье Уголовного кодекса последовательности, поскольку совершению всех остальных указанных в диспозиции статьи действий чаще всего предшествует вербовка. В связи с этим она будет первым из рассматриваемых деяний.

Вербовка предполагает под собой набор людей для выполнения каких-либо работ, оказания определенных услуг. Словарь русского языка С.И. Ожегова содержит существительное «вербовка» и дает определение глаголу «вербовать» – «набирать, нанимать, привлекать какую-то организацию» [11, с. 74]. Такое толкование позволяет определить вербовку как действие, направленное на получение согласия лица на предлагаемую ему работу. Для получения такого согласия злоумышленнику необходимо вступить в контакт с предполагаемой жертвой. Перенос коммуникационных процессов в цифровую среду, в том числе в социальные сети, значительно упростил злоумышленникам подыскание и вербовку будущих жертв. В частности, исследователи отмечают, что «администраторы группы время от времени, вводя новые данные о каких-либо ситуациях (в случае торговли людьми – сцены насилия, изнасилования, отношение к купле-продаже человека, «идеальную» жизнь проститутки и т. д.), изучают своих подписчиков путем анализа их комментариев к данным сценам. В итоге сторонников таких взглядов опытные преступники начинают вербовать. Как известно, вербовка начинается с интересов жертвы и их поддержки со стороны собеседника, что вызывает у человека чувства симпатии к вербовщику, а это уже «ключ к победе». Постепенно вербовщики рассказывают о жизни девушек за границей, об их деятельности, заработке, отдыхе и т. д. Для подтверждения рассказов отправляются фотографии, где девушки отдыхают на пляжах, красиво и дорого одеваются, ходят по ресторанам и т. д. И таким образом преступник начинает манипулировать жертвой» [12]. Основной целью вербовки на первоначальной стадии является получение согласия жертвы с предложением вербовщика, а в конечном итоге – получение согласия жертвы на предстоящую эксплуатацию, которая является конечной целью преступников, так как именно ее осуществление обеспечивает их незаконное обогащение. Наличие умысла на последующую эксплуатацию жертвы определяет противоправность поведения и предусматривает возможность уголовного преследования лиц, совершивших указанное деяние.

Согласие вербуемого лица может быть дано им добровольно, получено путем уговоров, обещаний, материального стимулирования, а также в результате применения обмана, использования зависимого положения, угроз и насилия.

Вербуемое лицо может быть осведомлено, что подвергнется эксплуатации, и изначально с этим согласиться. В этом случае вербуемому лицу может быть прямо названа цель его предстоящей поездки и настоящий характер предлагаемой работы, оговорен размер предстоящей заработной платы, место и условия работы. Достаточно часто указанный способ применяется в отношении лиц, которые ранее занимались проституцией и были готовы продолжать заниматься ею, а также в отношении лиц, которые готовы заниматься трудовой деятельностью, находясь на нелегальном или полунелегальном положении на территории другого государства (например, есть разрешение на временное пребывание, но отсутствует патент на работу). При этом необходимо учитывать, что «осведомленность потерпевшего о характере совершаемых с ним действий и его согла-

сие на их совершение не влияют на квалификацию данных действий как торговли людьми» [8].

Одним из наиболее распространённых способов вербовки является обман будущих жертв относительно истинного характера предстоящей деятельности. Жертвам рассказывают либо только об официальной части работы, либо сообщают вымышленные сведения (например, что им придется работать домашней прислугой), но не сообщают, что в их обязанности также будет входить и оказание интимных услуг либо что они будут вовлечены в незаконный оборот наркотиков или иную преступную деятельность. Для поддержания убедительной легенды снижения уровня критического мышления у вербуемого лица, снятия сомнений в безопасности и материальной привлекательности предлагаемой работы злоумышленники используют возможности интернет-ресурсов, создавая ложные сайты и страницы, якобы относящиеся к местам предстоящей трудовой деятельности и лицам, уже там работающим.

Также в процессе вербовки могут быть использованы различные способы непосредственного воздействия на жертву, осуществляемого с целью подавления воли путем применения насилия, угроз либо постановки в зависимость от преступников. Еще одним способом установления контроля над жертвой является ее вовлечение в употребление наркотических и психотропных веществ. Кроме того, возможно похищение жертвы, которое хотя и с формальной точки зрения не является вербовкой, поскольку не предполагает согласия вербуемого лица с какими-либо предложениями и совершается помимо его воли, однако обеспечивает установление контроля над жертвой для ее дальнейшей эксплуатации. Чаще всего жертвами похищения в целях дальнейшей эксплуатации становятся женщины, ранее занимавшиеся проституцией, либо лица, ведущие асоциальный образ жизни, нелегальные мигранты, а также дети из неблагополучных семей, склонные к бродяжничеству, поскольку их длительное отсутствие по прежнему месту пребывания, как правило, не вызывает беспокойства у родственников и знакомых.

Также нельзя оставить без внимания и активное использование возможностей цифровой коммуникации в процессе постановки лица в зависимое положение для его дальнейшей эксплуатации. В первую очередь объектами такого воздействия являются несовершеннолетние, а также одинокие женщины, пытающиеся «построить виртуальную любовь» на соответствующих интернет-ресурсах. Суть манипуляции заключается в том, что в процессе общения жертву побуждают предоставить собеседнику фото- или видеоматериалы личного, интимного характера. В дальнейшем указанные материалы используются для шантажа, в ходе которого, угрожая их опубликованием, жертву принуждают присылать все более и более откровенные изображения, постепенно вовлекая в интернет-проституцию или порнобизнес. Некоторые специалисты отмечают: «В настоящее время распространение порнографических материалов тесно взаимосвязано с сексуальной эксплуатацией женщин и детей, выступает катализатором ряда половых преступлений, способствует общему упадку нравственности. К тому же в последние десятилетия это общественно опасное деяние стало довольно прибыльным видом криминальной деятельности транснациональной преступности» [13, с. 4-5]. Согласно оценкам некоторых экспертов, 40% пользователей интернета посещают порносайты; около четверти из них являются потребителями детской порнографии. Доля российской детской порнографии на платных сайтах мирового интернета сегодня составляет более половины от общего объема такой продукции [14, с. 113]. В свою очередь, в интервью «Российской газете» доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России Ю.Н. Жданов отмечает: «Во всем мире 2 миллиона детей в год становятся жертвами торговли для секса. От 240 тысяч до 325 тысяч этих детей эксплуатируют в Соединенных Штатах... Скандалы, связанные с педофилией, стали постоянным атри-

бутом европейской жизни. По статистике, которую приводит немецкий еженедельник DerSpiegel, ежегодно около 15 тысяч детей в Германии в той или иной форме подвергаются сексуальному домогательству... Кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к резкому росту числа размещенных в интернете материалов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми, которых было немало и до пандемии... У нас ситуация несколько лучше» [15].

Следующий элемент диспозиции рассматриваемого вида преступлений – купля-продажа и иные сделки, предметом которых выступает человек, являющийся ключевой составляющей всей преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, поскольку позволяют злоумышленникам достичь своей конечной цели – незаконного обогащения.

Развитие современных цифровых технологий также оказало влияние и на механизмы осуществления криминальных сделок в отношении человека. Кроме удаленного общения контрагентов на этапе заключения сделок, дистанционной демонстрации «живого» товара при помощи средств электронной коммуникации, появилась возможность использования различных средств электронного платежа, повышающих как оперативность оплаты, так и анонимность при совершении подобного рода сделок. Особенной популярностью у представителей транснациональных организованных группировок, специализирующихся на торговле людьми и криминальной эксплуатации человека, пользуются различные электронные платежные системы и криптовалюты, которые повышают уровень конфиденциальности финансовых операций и их аффилированности с конкретными лицами. В этой связи стоит согласиться с тем, что, «поскольку торговцы людьми меняют преступную тактику, правоохранительные органы должны быть готовы увеличить свое присутствие в киберпространстве и применять усовершенствованные инструменты расследования преступлений, включая методы финансовых расследований, позволяющие выявлять признаки торговли людьми в финансовых потоках, более интенсивных в настоящее время вследствие роста онлайн-транзакций» [16, с. 138].

Рассматривая вопросы перевозки, укрывательства, получения и передачи жертв торговли людьми, совершаемые с целью их последующей эксплуатации, можно отметить следующее.

Перевозка жертв торговли людьми может осуществляться в один или несколько этапов с задействованием транзитных точек. При этом используются как легальные, так и нелегальные каналы транспортировки. Легальными являются каналы, функционирующие на законных основаниях и используемые преступниками в своих целях. При этом даже в случае использования легального канала доставление жертвы к месту эксплуатации или в транзитную точку может осуществляться с использованием как настоящих, так и подложных документов, удостоверяющих личности жертв. Приобретение и изготовление подложных документов может быть осуществлено при помощи соответствующих интернет-ресурсов, предлагающих указанные нелегальные услуги. Кроме того, перевозка жертв торговли людьми может осуществляться под видом туристических поездок. В данном случае злоумышленники с использованием различных туристических онлайн-сервисов могут осуществлять от имени перевозимых лиц бронирование номеров в гостиницах, туристических экскурсий в странах назначения либо транзита для легендирования истинных целей пересечения границы с последующей отменой брони после благополучного пересечения границы.

К нелегальным можно отнести те каналы, по которым осуществляется транспортировка жертвы помимо ее воли либо происходит незаконное пересечение государственной границы. При этом перевозка жертв торговли людьми может происходить в

условиях, создающих угрозу их жизни и здоровью. Например, на неприспособленных для длительного нахождения в воде и перевозки большого количества пассажиров плавательных средствах (плоты, небольшие лодки и катера), а также в тайниках, оборудованных в автомобилях или транспортных контейнерах, в условиях присутствия значительного количества людей на крайне ограниченном пространстве; сопровождается это все нехваткой пищи, воды, воздуха, отсутствием места для отправления естественных физиологических потребностей организма. Кроме того, необходимо отметить, что факт незаконного проникновения и дальнейшего пребывания жертвы торговли людьми на территории иностранного государства используется злоумышленниками для укрепления своего влияния на поведение жертвы, которая становится еще более зависимой и боится обращаться к представителям официальных властей страны пребывания, опасаясь негативных последствий для себя ввиду вышеуказанных обстоятельств. Указанный факт облегчает дальнейшую эксплуатацию и выступает в качестве одного из факторов, повышающих латентность данного вида преступлений.

Цифровые технологии используются также для осуществления контроля за поведением жертвы как на этапе ее транспортировки, так и в процессе эксплуатации – например, при помощи систем круглосуточного видеонаблюдения за местом эксплуатации и проживания жертв торговли людьми, использования различных систем электронных платежей для получения и легализации денежных средств, добываемых в процессе такой эксплуатации.

Таким образом, можно отметить, что, учитывая массовое внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий в механизм преступлений, связанных с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека, сотрудникам правоохранительных органов необходимо уделять повышенное внимание осуществлению поисковой деятельности в цифровой среде. Представляется, что в данном случае первоочередная роль должна отводиться оперативно-розыскной деятельности, которая в отличие от иных видов правоохранительной деятельности, например административной или уголовно-процессуальной, начинается еще до момента фиксации наличия факта противоправного деяния, поскольку как раз и направлена на выявление ранее не известной информации о подготавливаемых, совершаемых либо совершенных преступлениях и лицах, к ним причастных. Необходимо существенным образом совершенствовать поисковую деятельность в информационной среде, определять и классифицировать группы поисковых признаков и цифровых следов, указывающих на совершение тех или иных видов преступлений, в том числе связанных с торговлей людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 867 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Криминалистические средства, приёмы и рекомендации. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 359; Зуйков Г.Г. Установление способов совершения преступлений. М., 1970. С. 15-16. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. Цикл лекций. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. С. 124-125.
3. Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposob-prestupleniya-kak-element-ego-kriminalisticheskoy-harakteristiki/viewer> (дата обращения: 15.12.2021).
4. Федышина П.В. Способ совершения преступления: учебное пособие. СПб. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 36 с.

5. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. Цикл лекций: учебно-методическое пособие, Воронеж, 2002. 301 с.
6. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступлений при помощи криминалистических экспертиз и исследований. М., 1970. 45 с.
7. Шаров В.И. Оперативно-розыскная деятельность в Интернете: монография. Н. Новгород, 2019. 98 с.
8. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Васильева О.В. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/darknet-kak-uskolzayuschaya-sfera-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 27.12.2021).
10. Семикина А.С. Антонова А.Д. Оценка роли информационных технологий в борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38507090_68313729.pdf (дата обращения: 27.12.2021).
11. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: 1994. 907 с.
12. Бухоризода Б.Р. Социальные сети и Интернет: новая форма совершения торговли людьми [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-internet-novaya-forma-soversheniya-torgovli-lyudmi/viewer> (дата обращения: 15.11.2021).
13. Булгакова О.А. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08. Ставрополь, 2003. 178 с.
14. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: монография. Дальневосточный гос. ун-т. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 238 с.
15. Пандемия обострила угрозу роста преступлений против детей 16.07.2020 [Электронный ресурс] // Рос. газ. № 156 (8210). URL: <https://rg.ru/2020/07/16/iurij-zhdanov-pedofily-sozdali-obshirnoe-soobshchestvo-v-darknete.html> (дата обращения: 12.01.2022).
16. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция. М.: Международные отношения, 2020. 448 с.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Екимцев Сергей Валерьевич. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье исследуется цифровое мошенничество, которое на сегодняшний день является глобальной проблемой для всех экономик мира. Основной причиной распространения данной проблемы можно считать бурное развитие компьютерных и интернет технологий. Раскрываются виды мошенничества, а также способы его совершения. Описаны схемы, которые часто применяются в мошенничестве. В заданном контексте приведены наиболее типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий. Изложены особенности допроса лиц, проходящих по уголовным делам о хищениях, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий, в качестве потерпевших.

Ключевые слова: цифровизация; мошенничество; хищения; информационно-коммуникационные технологии; допрос.

FEATURES OF DISCLOSURE OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Ekimtsev Sergey Valer'evich. Senior teacher of the chair of Operational-Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article explores digital fraud, which today is a global problem for all economies in the world. The main reason for the spread of this problem can be considered the rapid development of computer and Internet technologies. The types of fraud, as well as ways of committing it, are revealed. Schemes that are often used in fraud are described. In the given context, the most typical investigative situations that develop at the initial stage of the investigation of fraud committed using information and communication technologies are given. The features of the interrogation of persons involved in criminal cases of theft committed with the use of telecommunication technologies as victims are outlined.

Keywords: digitalization; fraud; embezzlement; information and communication technologies; interrogation.

Современное развитие экономики идет по пути цифровизации. Её всё чаще называют веб-экономика, интернет-экономика, электронная экономика, в некоторых источниках встречается такой термин как цифрономика. В связи с этим широкое распространение получило цифровое мошенничество в финансовой сфере.

К числу основных видов таких преступлений можно отнести [1, с. 720-727]:

а) мошенничества, совершенные путем создания фиктивных объявлений о продаже товаров, либо оказании услуг, при которых потерпевший перечисляет денежные средства преступнику самостоятельно одним из указанных мошенником способов;

б) мошенничества, связанные с реализацией товаров и услуг потерпевшим посредством сети Интернет, когда преступник связывается с продавцом или поставщиком услуг и в процессе общения убеждает последнего подключиться к его абонентскому номеру услуги мобильного или интернет-банкинга, после чего преступник получает доступ к банковским счетам потерпевшего и похищает денежные средства;

в) хищение денежных средств с банковских счетов граждан, доступ к управлению которыми преступник получает в результате заражения смартфона потерпевшего вирусной программой, позволяющей использовать услуги интернет-банкинга.

Безусловно, практике противодействия хищениям, совершенным дистанционным способом, характерно наличие ряда проблем организационно-тактического и правового характера. К числу наиболее острых проблем можно отнести недостаточный уровень подготовки оперативных сотрудников, способных противостоять преступлениям указанных видов. Данная проблема обусловлена отсутствием у них опыта раскрытия таких преступлений, а также недостаточным уровнем профессиональной подготовки. Об этом свидетельствует анализ образовательного процесса, который показывает, что даже в тематических планах дисциплин оперативно-розыскной специализации отсутствуют занятия, посвященные рассмотрению вопросов выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия хищений денежных средств граждан, совершенных удаленным способом, что крайне негативно сказывается на процессе подготовки высококвалифицированных кадров [2, с. 127].

Существуют следующие мошеннические схемы [3, с. 52]:

1. Дамп и памп. Относительно простой вид аферы. Мошенники искусственно раздувают цены на непопулярные токены, распространяя неверную информацию и всячески их рекламируя.

2. Облачный майнинг заключается в проверке достоверности данных с опорой на общественное мнение. Чем достоверность выше, тем больше вероятность, что мошенники ещё не применили свои схемы. Также необходимо использовать только проверенные серверы для поиска информации. Есть несколько трюков, которые чаще всего используют мошенники: отсутствие информации о создателях сервиса, скрытый домен, регистрация компании в престижном городе, все директора – иностранные резиденты.

3. Многоуровневые маркетинговые схемы состоят из прямых продаж только в сфере криптовалют. Отлично оформленная визуализация заставляет клиента поверить, что деньги можно заработать легко и быстро. Идентифицировать схемы легко, так как у них есть общая черта: они фактически не продают товар или услуги, а вместо этого приглашают пользователей присоединиться к группе с большим количеством уровней и требуют внесения определённой платы для старта заработка. В итоге схема оказывается обычной финансовой пирамидой.

4. Инвестиционные схемы. Криптовалюта является непредсказуемой системой, которая обладает высокой волатильностью (изменчивостью цен). Следовательно, если поступают предложения о ежедневных доходах и участие в проекте с гарантированным возвратом средств – стоит усомниться в достоверности и не искушаться получением легких денег.

5. Поддельные ICO и криптовалюты. Группа китайских экспертов во время мониторинга рынка обнаружила более 4000 фейковых криптовалют и десятки фальшивых

ISO. Авторитетная компания и известные разработчики с меньшей вероятностью будут мошенниками, чем анонимные создатели, пусть даже с крутым сайтом и whitepaper.

Преступления данной категории отличаются от традиционных краж и мошенничеств тем, что приносят злоумышленникам большой доход при относительно небольших рисках. Это связано с рядом особенностей [4, с. 82]:

- скрытность совершаемых преступником действий: существует множество программных и технических средств, обеспечивающих анонимность пользователя;
- оперативность производимых действий: отправка сообщений потенциальной жертве и электронные платежи занимают секунды;
- интеллектуальный характер. Хищения в сети «Интернет» и использование вредоносного программного обеспечения преступной деятельности: злоумышленник зачастую владеет знаниями и навыками в области программирования на порядок выше потенциальной жертвы;
- дистанционный характер преступления: преступник и потерпевший могут находиться как в разных городах, так и в разных странах. Зачастую зрительный контакт отсутствует, о личности и внешнем облике злоумышленника ничего не известно;
- возможность автоматизированного совершения преступлений;
- много эпизодный характер преступных действий при множественности потерпевших;
- многообразии и постоянное обновление способов и форм совершения преступлений;
- латентность совершаемых преступлений: не все пострадавшие обращаются в правоохранительные органы, а в некоторых случаях даже и не знают о хищении у них денежных средств (например, когда с одного и того же счета происходит планомерное хищение небольших сумм).

Все эти факторы значительно затрудняют процесс раскрытия данной категории преступлений. Проведение технических мероприятий и сложных компьютерных экспертиз всегда занимает некоторое время, что, с учетом легкости изменения и уничтожения компьютерной информации, делает их не всегда эффективными.

Анализ уголовных дел о мошенничествах с использованием телекоммуникационных технологий, позволяет выделить наиболее типичные следственные ситуации. Они как элемент частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений формируются не произвольно, а на основе эмпирического анализа совокупности репрезентативных эмпирических источников, что является неотъемлемым условием выявления именно устойчивых, существенных, отчетливо выраженных, систематически повторяющихся черт, присущих расследованию соответствующих деяний. Данная дифференциация следственных ситуаций важна не как самоцель, а как подход, позволяющий предложить правоприменителю более точные и адресные рекомендации по организации расследования, более рациональному и тактически верному воздействию на те условия, с которыми ему приходится иметь дело [5, с. 54-60].

С учетом этого наиболее типичными следственными ситуациями первоначального этапа являются:

1. Установлено хищение денежных средств, совершенное с использованием электронных средств платежа, одновременно или серийно, в отношении потерпевшего, утратившего контроль за принадлежащей ему банковской картой, реквизитами счета, контактным номером, иными средствами защиты банковского счета.

2. Установлено серийное хищение денежных средств, совершенное с использованием электронных средств платежа и применением методов социальной инженерии, компьютерных технологий, иных способов целенаправленного воздействия на потерпевшего и/или принадлежащие ему электронные устройства.

Следователи и орган дознания обязаны [6, с. 57]: произвести работу с потерпевшим, затем допросить его. Допрос лиц, проходящих по уголовным делам о преступлениях названной категории, осуществляется, в целом, в соответствии с рекомендациями, разработанными для этого следственного действия, с акцентированием внимания на всестороннем установлении обстоятельств, во-первых, образующих общий предмет доказывания согласно ст. 73 УПК РФ; во-вторых, определяющих специфику указанных деяний, проявляющихся в конструкции их состава.

С учетом проанализированных ранее факторов виктимности следователю необходимо строить тактику допроса потерпевших, выражая максимальную [7, с. 56-65] доброжелательность и вежливость к лицам, проявившим недостаточную правовую, финансовую или техническую компетентность, а равно подвергнувшимся психологическому воздействию злоумышленников. Тем более нередко потерпевшими от данных деяний, в особенности совершенных с помощью методов социальной инженерии (иными словами, совершенных лицами, специализирующимися на систематическом хищении денежных средств с помощью электронных средств платежа), выступают лица старших возрастных групп, которые в силу естественных психофизиологических процессов являются максимально уязвимыми.

Например, по уголовному делу о серийном совершении хищений денежных средств граждан с банковских карт с помощью использования сервиса ПАО «Сбербанк» «Мобильный банк», была допрошена группа потерпевших, содержание показаний которых было, в целом, аналогичным. Допрошенный проживает в определенном городе, имеет банковскую карту (дебетовую зарплатную, кредитную или иную карту) ПАО «Сбербанк»: VISA, МИР (и пр.), привязанную к счету № XXX, открытому в соответствующем отделении сбербанка. В определенную дату ему на мобильный телефон пришло смс-сообщение о начислении заработной платы/пенсии (либо об ином начислении денежных средств), спустя некоторое время, через банкомат (приложение «Сбербанк онлайн» и т.п.) обнаружил отсутствие на карте существенной денежной суммы. Обратившись на «горячую линию» Сбербанка, либо посетив офис и т.д., допрашиваемый узнал, что с его карты был осуществлен перевод другому (конкретному) человеку, к чему допрашиваемый отношения не имеет и с этим человеком незнаком. До списания денежных средств на телефон приходило сообщение об обновлении «флеш-плеера», что допрашиваемый и сделал, после чего телефон стал вести себя атипично: не включался, не заряжался и т.п. Пользовался сотовым телефоном с операционной системой «Андроид», к карте был привязан номер телефона № XXX, также подключена услуга «мобильный банк» с полным пакетом. При этом никаких смс-сообщений о подтверждении перевода и о переводе не приходило. Ущерб для потерпевшего является значительным.

По мере установления психологического контакта необходимо, побудив допрашиваемого к свободному рассказу, а также направляя его мысли путем постановки детализирующих и конкретизирующих вопросов, установить следующую совокупность обстоятельств:

1) обстоятельства, связанные с открытием банковского счета и оформлением в данной связи банковской карты (иного электронного средства платежа), а также с техническим обеспечением использования данного счета:

- дата, место, цель открытия банковского счета, наименование и подразделение банка, выдавшего карту, либо оформившего иное электронное средство платежа, условия и особенности банковского обслуживания;
- вид, номер, наименование банковского счета, а также соответствующего ему банковской карты (дебетовая, кредитная, карта рассрочки, накопительная, социальная);

внешняя форма карты: пластиковая или виртуальная и т.д., наименование электронного кошелька, иные реквизиты счета (карты);

- наименование оператора мобильной связи и номер мобильного телефона, привязанный к банковскому счету / банковской карте, электронному кошельку; на имя какого лица зарегистрирован данный контакт, в каких отношениях это лицо находится с потерпевшим;

- наименование, модель, марка и иные характеристики мобильного устройства (мобильного телефона, смартфона, планшетного устройства и т.д.), к которому подключена сим-карта, привязанная к банковскому счету; наименование и криминалистически значимые характеристики иного электронного устройства, на которое установлено программное обеспечение для совершения финансовых операций в дистанционном формате;

- программное обеспечение для совершения финансовых операций, установленное на мобильном телефоне и/или ином электронном устройстве, кем и когда оно установлено; наименование и технические особенности данного программного обеспечения, значимые с точки зрения способов совершения и сокрытия преступлений и т.п.;

2) обстоятельства, связанные с текущим использованием банковского счета и соответствующей ему банковской карты (пластиковой, виртуальной), электронного кошелька, предшествующие совершению деяния:

- каким образом, с какой периодичностью, с применением каких электронных средств платежа использовались счет и/или карта потерпевшим;

- круг лиц, имеющих доступ, а также право и/или возможность систематически совершать операции по данной карте; на каких условиях, в каких пределах и/или лимите;

- имели ли место обстоятельства, в результате которых иные лица (помимо тех, кому потерпевший лично доверял использование своей карты/счета) могли получить возможность узнать реквизиты счета/карты, носящие конфиденциальный характер и т.п.;

- сумма денежных средств, находившаяся на банковском счете потерпевшего, до момента незаконного доступа к банковскому счету и хищению, из каких источников она сформировалась (поступила);

3) обстоятельства, связанные с полной ли частичной утратой доступа к банковскому счету либо контроля за хранящимися на нем денежными средствами:

- где, когда, каким образом потерпевшему стало известно о неправомерном доступе иных лиц к его банковскому счету;

- действовали ли эти лица путем непосредственного вербального контакта либо с помощью средств связи; знакомы ли потерпевшему эти лица, если знакомы, то в каких отношениях находились;

- каково было последовательное содержание действий этих лиц и корреспондирующих им действий потерпевшего; какого характера персональную информацию субъекты преступления называли или сообщали в СМС, письме на электронную почту и т.д. (каким образом обращались к потерпевшему, какие данные относительно счета, карты, обслуживающего банка, а равно якобы попытки совершения несанкционированной финансовой операции иными лицами они указывали, какие меры предлагали осуществить потерпевшему);

- какими действиями и иными мерами потерпевший отреагировал (например, какие посетил сайты, скачал (из каких источников) или открыл электронные приложения, ссылки, мессенджеры и т.д.), какую именно персональную информацию и каким образом он сообщил злоумышленникам;

- что побудило допрашиваемого вступить с ними в вербальный контакт или электронную переписку, отнестись с доверием к сообщенной ими информации как к достоверной, выполнить определенные действия по их просьбе или требованию, а равно по собственной инициативе под воздействием навязанной ему легенды;

- каков итог взаимодействия потерпевшего с данными лицами;

- каковы приметы и иные характеризующие особенности этих лиц, а также использованные ими средства связи (контактные данные);

- каков вред причинен потерпевшему в результате совершения преступления, из каких слагаемых он состоит.

Отсюда, предмет допроса потерпевшего, при совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи, может составить установление следующих основных обстоятельств:

- способ связи с потерпевшим: на сотовый или стационарный телефон поступил звонок (СМС, ММС);

- номер телефона, с которого поступил звонок (СМС, ММС);

- время поступления звонка потерпевшему;

- просьбы, предложения, которые были выдвинуты;

- кем представился преступник;

- о чем он говорил;

- какие действия предлагал выполнить и в связи с какими событиями,

- запомнил ли потерпевший голос преступника;

- может ли охарактеризовать его;

- сможет ли опознать преступника (по каким характерным признакам);

- какую сумму денежных средств и за какие услуги преступник просил передать;

- способ передачи денежных средств: если блиц-переводом – на чье имя (Ф.И.О.);

- адрес этого лица, если через посредника, то в какое время и в каком месте осуществлялась передача денег;

- подробное описание человека, которому были переданы деньги (может ли потерпевший его опознать и составить фоторобот);

- был ли посредник на автомобиле (описание транспортного средства, государственный номер автомобиля);

- если переводом на счет определенного номера сотового телефона - на какой номер сотового телефона была зачислена денежная сумма;

- иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела: звонил ли потерпевший своим родственникам (например, при требовании денег за родственников по различным причинам);

- в какой момент, что было установлено из разговора;

- звонил ли потерпевший преступнику повторно, если да, то, о чем он говорил с ним, предлагал ли преступник передать ему еще денежные средства, если да, то за какие услуги, сделал ли это потерпевший, если нет, то почему.

Для получения доказательственной информации, наряду с другими оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями, важное значение имеет проведение такого оперативно-розыскного мероприятия как «получение компьютерной информации», представляющее собой негласное оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое с использованием возможностей оперативно-технических подразделений в целях копирования или изъятия сведений, содержащихся на жестком диске компьютера или на иных электронных носителях, связанных с компьютером каналом связи, если для их получения требуется получение к ним удаленного доступа по информа-

ционно-коммуникационным сетям, в том числе с применением заблаговременно внедренных закладных устройств и (или) программных компонентов [8, с. 30].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что при раскрытии хищений денежных средств с использованием информационно-коммуникационным технологий очевидна необходимость в специальных знаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгинова В.В. К вопросу о мошенничестве с использованием банковских карт // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 11 (27). С. 720-727.

2. Завезёнова И.А., Краюшкин К.Д., Нестерова А.В., Ососко Я.С. Цифровое мошенничество в финансовой сфере: новые типы обмана в контексте дигитализации: материалы Международного студенческого научно-практического форума по финансовой грамотности Волгоградский государственный университет. 2018. С. 125-144.

3. Иногамова-Хегай Л.В. Квалификации преступлений с использованием компьютерных технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 51-55.

4. Кузьмин И.А. Актуальные направления подготовки сотрудников ОВД, осуществляющих противодействие хищениям денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцать второй Всероссийской научно-методической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. С. 81-83.

5. Князьков А.С. Следственная ситуация как предпосылка тактико-криминалистической деятельности следователя // Криминалистические чтения на Байкале-2012: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2012. С. 54-60.

6. Яковлев А.Н., Олиндер Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: научно-методическое пособие. М., 2012. 240 с.

7. Варданян А.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130-134; Грибунов, О.П., Долматова М.О. Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 56-65.

8. Екимцев С.В. Особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 27-30.

УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ: «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Кураков Денис Владимирович. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Оперативный эксперимент является достаточно эффективным средством выявления преступлений. Но стоит отметить, что зачастую высказываются опасения, касающиеся проведения оперативного эксперимента, так как он граничит с провокацией преступления. В первую очередь это связано с тем, что проведение данного оперативно-розыскного мероприятия не регламентировано на законодательном уровне. В связи с этим существуют различные определения анализируемого оперативно-розыскного мероприятия, с учетом которого формулируются критерии его допустимости.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; оперативный эксперимент; проверяемое лицо; провокация совершения преступления; оперативные подразделения.

SEPARATE ASPECTS OF CONDUCTING THE OPERATIONAL-SEARCH EVENT: «OPERATIONAL EXPERIMENT»

Kurakov Denis Vladimirovich. Senior teacher of the chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Agencies.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

An operational experiment is a fairly effective means of detecting crimes. But it is worth noting that fears are often expressed regarding the conduct of an operational experiment, since it borders on provocation of a crime. This is primarily due to the fact that the conduct of this operational-search activity is not regulated at the legislative level. In this regard, there are various definitions of the analyzed operational-search measure, taking into account which the criteria for its admissibility are formulated.

Keywords: operational-search activities; operational experiment; the person being checked; provocation of the commission of a crime; operational units.

В Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], а именно в ст. 6, закреплён перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в том числе и оперативный эксперимент.

Стоит отметить, что в действующем законодательстве отсутствует дефиниция «оперативный эксперимент», а также порядок проведения данного оперативно-розыскного мероприятия. В связи с этим отсутствует возможность в полном объёме изучать вопрос правового регулирования.

Нельзя не отметить, что сотрудники органа дознания часто сталкиваются с проблемой проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», так как они сталкиваются с рядом сложностей, а именно – с планированием, организацией и осуществлением оперативного эксперимента. Это связано с тем, что отсутствует законодательное определение рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Поэтому правоведы и практические работники сталкиваются с проблемой разрозненного мнения в части, касающейся понимания юридической природы, а также юридической характеристики.

По мнению И.Н. Зубова и В.В. Николюка, под оперативным экспериментом следует понимать деятельность уполномоченных на то лиц, направленную на получение информации с помощью воспроизведения той обстановки, в которой будут контролироваться условия, а также объекты с целью установления противоправных намерений лиц, подозреваемых в совершении преступлений, относящихся к категории «тяжкие» либо «особо тяжкие» [2].

Такое определение оперативного эксперимента практически не отграничивается от дефиниции «следственный эксперимент». Различие заключается лишь в том, что в первом случае предполагается негласный контроль обстановки, в то время как при производстве следственного действия субъекты уголовного процесса действуют гласно.

Иную трактовку понятию «оперативный эксперимент» дал А.Ю. Шумилов. По его мнению, под данным видом ОРМ необходимо понимать такой вид деятельности, который заключается в негласном наблюдении за действиями (бездействиями) лица в искусственно созданной обстановке с целью получения оперативной информации, благодаря которой появляется возможность уточнить имеющиеся сведения о совершенном либо готовящемся преступлении, относящемся к категории тяжких или особо тяжких. По нашему мнению, такое определение понятия «оперативный эксперимент» необходимо рассматривать непосредственно через понятие состава оперативно-розыскного мероприятия, а также его признаков [3].

По мнению П.С. Дмитриева [4], оперативный эксперимент необходимо классифицировать по тем основаниям, которые представлены в задачах и целях его проведения. Так, необходимо выделять следующие виды оперативного эксперимента:

1. Для установления возможности:
  - наличия конкретного события;
  - совершения лицом конкретного действия.
2. Для установления механизма совершения преступления.

Хотелось бы отметить, что при анализе практической деятельности сотрудников, а также научных трудов мы пришли к выводу, что оперативный эксперимент имеет определенную функциональную сторону, которая включает в себя следующие аспекты:

- конспиративность – то есть все действия, направленные на проведение оперативного эксперимента, должны отвечать такому признаку оперативно-розыскной деятельности, как конспирация;
- заблуждение – лицо, в отношении которого проводится оперативный эксперимент, не должно быть осведомлено о его проведении, то есть он должен предполагать, что созданные условия являются естественными;
- негласный контроль за проведением оперативного эксперимента (например, за поведением проверяемого лица);
- фиксация полученных результатов (противоправных действий проверяемого лица).

В связи с тем, что оперативный эксперимент проводится одновременно с осуществлением проверяемым лицом противоправных деяний, возникает вопрос о существовании провокации преступления в том или ином случае.

Оперативный эксперимент является оперативно-розыскным мероприятием, которое всегда требует создания (моделирования) обстановки и определенных условий, направленных на решения задач.

В связи с этим для проведения оперативного эксперимента необходимо создать условия, в которых будет совершаться преступление. Стоит отметить, что эти условия в обязательном порядке должны контролироваться субъектами оперативных подразделений. Именно поэтому возникает вопрос, касающийся определения границ между правомерным проведением оперативного эксперимента и провокацией преступления, то есть законности либо незаконности проведения данного ОРМ.

По мнению Б.В. Волженкина, оперативный эксперимент правомерен только в том случае, если проверяемое лицо начинает осуществлять преступную деятельность без инициативы субъектов оперативного эксперимента. При этом лицо, пытающееся совершить преступное деяние, должно подозреваться в этом и его действия должны быть пресечены путем проведения оперативного эксперимента. Таким образом, и является преступник и раскрывается уже совершавшееся ранее преступление [5].

В ином смысле следует понимать, что при проведении оперативного эксперимента необходимо стремиться к контролю и непосредственному наблюдению за действиями проверяемого лица, когда преступная деятельность началась без влияния сотрудников оперативных подразделений и была прервана в момент своего развития.

Стоит отметить, что при проведении оперативного эксперимента с целью пресечь незаконный оборот наркотиков либо иное преступление необходимо опираться на достоверную, а не на предполагаемую информацию. Важным аспектом, который необходимо учитывать, является то, что информация, полученная сотрудниками оперативного подразделения в отношении преступной деятельности проверяемого субъекта, носит предположительный характер, то есть имеет место провокация преступления.

Так, предполагается, что в зависимости от имеющихся сведений, на основании которых планируется проведение оперативного эксперимента, необходимо разграничивать данное ОРМ и провокацию преступления. По мнению В.П. Котина, одним из критериев разграничения названных мероприятий является характер полученной информации. Именно ее содержание влияет на определение границ проведения оперативного эксперимента, а также влияет на вектор дальнейших действий сотрудников оперативных подразделений [6].

Однако обозначенную точку зрения не поддерживает В. Курченко, который говорит о том, что при разграничении провокации преступления и оперативного эксперимента следует руководствоваться вопросом: от кого исходит инициатива в конкретной ситуации. Так, если лицо самостоятельно (без давления сотрудников правоохранительных органов) «намекает» на взятку или же вымогает ее, то действия сотрудников оперативных подразделений правомерны в рамках осуществления оперативного эксперимента. О провокации преступления стоит говорить в том случае, если субъекты оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» оказывают давление на проверяемое лицо (предлагают ему взятку, навязывают ее), то есть когда создаются такие условия, в которых складывается обстановка, направленная на невозможность отказа от противоправных действий. В таком случае результаты оперативного эксперимента не могут быть признаны доказательствами по уголовному делу, так как были добыты с нарушением действующего законодательства [7].

На сегодняшний день оперативный эксперимент как один из видов оперативно-розыскных мероприятий является часто оспариваемым ОРМ, так как на законодательном уровне до сих пор не решена проблема, касающаяся порядка и условий его проведения, а также нет закрепленного понятия оперативного эксперимента. В.Е. Крыканов

в своем исследовании указывал на то, что в большинстве случаев оперативный эксперимент оспаривается в Конституционном Суде Российской Федерации в связи с тем, что проверяемые лица уверены, что в отношении них проводились неправомерные действия, то есть – провокация преступления [8].

В связи с вышеизложенным при подготовке к проведению оперативного эксперимента практические сотрудники должны понимать как сущность данного ОРМ, так и условия его проведения. Стоит отметить, что оперативный эксперимент является одним из сложных оперативно-розыскных мероприятий. В первую очередь это связано с тем, что требуется привлечение большого количества сил и средств.

По нашему мнению, для четкого и грамотного проведения оперативного эксперимента, а также для контроля за действиями лиц, участвующих в нем, необходимо разрабатывать детальный план, который должен отражать в себе следующие этапы:

- 1) подготовку к проведению ОРМ;
- 2) фиксацию действий проверяемого лица либо задержание его с поличным.

На первом этапе важно проверить полученную информацию, для чего необходимо провести первоначальные ОРМ, дабы исключить возможность провокации противоправных действий со стороны проверяемого лица. С учетом того, что оперативный эксперимент согласно общепринятой классификации относится к ОРМ ведомственного санкционирования, обязательным условием его проведения является наличие постановления, утвержденного начальником органа дознания. После того как решение о проведении оперативного эксперимента будет оформлено в соответствии со всеми требованиями, установленными законом, необходимо провести организационные мероприятия, к которым можно отнести подбор технических средств, подбор и беседа с привлекаемыми участниками, а также определение их количества и др. Немаловажным аспектом является проведение комплекса мероприятий, направленных на детальное изучение места проведения оперативного эксперимента.

Второй этап заключается в непосредственном проведении оперативно-розыскного мероприятия. Данный этап включает в себя и параллельное проведение других ОРМ, которые направлены на фиксацию противоправных действий проверяемого лица либо на его задержание.

Что касается обстановки, в которой будет проводиться оперативный эксперимент, то она может быть как естественной (уже существующая ситуация), так и искусственно созданной. При этом и в первом, и во втором случае разрабатываемое лицо должно обладать свободным выбором действий, которые могут быть направлены и на совершение преступления, и на отказ от него. Стоит отметить, что созданные условия должны отвечать определенным требованиям: свобода выбора действий; недопущение на проведение оперативного эксперимента с нарушением требований закона (то есть не должно быть провокации преступления); запрет на проведение оперативного эксперимента в условиях, которые могут повлечь за собой угрозу жизни и здоровью всем участникам, а также унижение их чести и достоинства.

Начать проведение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» возможно только после того, как будет проверено все техническое оборудование, которое будет использоваться в ходе осуществления ОРМ, участники займут свои места и руководитель мероприятия даст сигнал, свидетельствующий о начале его проведения. Следует отметить, что вблизи места проведения оперативного эксперимента запрещено находиться группе задержания.

При этом важно не допустить необоснованного или излишнего умаления прав и свобод человека, для чего предусмотрена процедура санкционирования деятельности подразделений и должностных лиц, которым во исполнение возложенных на них обязанностей необходимо принятие таких мер [9].

Немаловажным является место дислоцирования сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Они должны находиться в месте, из которого смогут наблюдать за всем происходящим во время проведения оперативного эксперимента. При этом они не должны быть замечены проверяемым лицом, а также его сообщниками, если таковые имеются. Стоит отметить, что задержание проверяемого лица должно быть осуществлено не в момент совершения преступления, а сразу после окончания противоправных действий.

Как только группа задержания окажется на месте проведения оперативного эксперимента и лицо, совершившее противоправное деяние, будет задержано, руководитель ОРМ даст распоряжение на проведение осмотра места происшествия.

При осмотре места происшествия необходимо осуществлять фотовидеофиксацию происходящего. Особое внимание необходимо уделять тем предметам и документам, которые имели прямое отношение к преступлению. Изымать их и упаковывать необходимо в соответствии с действующими нормами законодательства.

Помимо указанных в предыдущих параграфах проблем проведения оперативного эксперимента, список дополняет еще одна, связанная с проведением оперативного эксперимента до момента возбуждения уголовного дела, то есть не по поручению следователя. Суть данной проблемы заключается в том, что по окончании проведения ОРМ невозможно провести такое мероприятие, как личный обыск, направленный на отыскание предметов и документов, имеющих отношение к преступлению.

После того как оперативный эксперимент будет завершен, а осмотр места происшествия окончен, задержанное лицо в обязательном порядке должно быть доставлено в отдел полиции, где с ним будут проводиться следственные действия. Стоит отметить, что при задержании лица ему должны быть разъяснены его права.

Помимо проверяемого лица в отдел полиции также должен быть доставлен и заявитель, который должен выдать используемые им во время проведения оперативного эксперимента технические средства в присутствии понятых. Данные действия должны быть отмечены в соответствующем протоколе, который составляется после выдачи используемых технических средств и прослушивания аудиозаписи. Стоит отметить, что понятые, участвующие в проводимом мероприятии, должны предоставить руководителю оперативного подразделения объяснения, в которых необходимо указать факт выдачи технических средств, а также прослушивания записи и ее последующей упаковки.

Результаты оперативного эксперимента могут оформляться двумя видами: рапортом о проведении оперативного эксперимента либо актом оперативного эксперимента (составляется в том случае, если будут выявлены преступление, а также лица, причастные к нему).

Полученные в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» результаты должны быть расшифрованы и переданы в орган, осуществляющий предварительное расследование, в соответствии с нормами действующего законодательства о передаче результатов ОРД [10].

Возвращаясь к рассмотренным ранее аспектам, необходимо отметить, что на законодательном уровне закреплены требования, согласно которым сотрудникам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается каким-либо образом склонять проверяемое лицо к совершению преступления. Также при проведении оперативного эксперимента не стоит употреблять в своей речи слова и осуществлять какие-либо действия, которые могут подтолкнуть лицо к совершению преступления.

Важно отметить тот факт, что при ведении беседы необходимо следить за поведением проверяемого лица и при даче тех или иных ответов соблюдать строго опреде-

ленные рамки. Стоит отметить, что вопросы и ответы не должны носить окончательный характер, то есть проверяемое лицо должно изъявить желание продолжить диалог.

Оперативный эксперимент является наиболее сложным видом ОРМ, так как в настоящее время его часто путают с провокацией преступления и, как следствие, оспаривают действия сотрудников подразделений, осуществляющих ОРД, в суде. Однако в научной литературе существует множество подходов к разграничению оперативного эксперимента и провокации преступления. По нашему мнению, провокацию преступления от правомерного оперативно-розыскного мероприятия следует разграничивать по ряду аспектов: основание проведения (провокация преступления не имеет такового аспекта, то есть полученная информация о преступной деятельности носит предполагаемый характер), инициатива (при проведении оперативного эксперимента инициатива должна исходить от проверяемого лица, в то время как при провокации – от сотрудников оперативных подразделений), цель (оперативный эксперимент преследует цель, направленную на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в то время как провокация преступления направлена на создание «необходимых» доказательств по делу).

Поэтому перед проведением данного ОРМ необходимо детально спланировать все действия, которые будут проводиться при осуществлении оперативного эксперимента, а также подготовить и проверить все необходимые технические средства фиксации действий (бездействия) проверяемых лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: ред. от 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации // Научно-практический комментарий / под общей ред. И.Н. Зубова и ред. В.В. Никулина. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 67.
3. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2016. С. 16-24.
4. Дмитриев П.С. О понятии оперативного эксперимента, его основных видах и отличии от понятия оперативной комбинации // Оперативный эксперимент: Вопросы теории и практики: сборник научных трудов. М., 2015. С. 21.
5. Волженкин Б. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2015. № 25. С. 45.
6. Котин В.П. Провокация взятки (к проблеме совершенства законодательства) // Государство и право. 2012. № 2. С. 82-87.
7. Курченко В. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений // Законность. 2014. № 4. С. 10-12.
8. Крыканов В.Е. Провокация в уголовном законодательстве Российской Федерации // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы. 2017. С. 133-142.
9. Лисицын А.Г. Некоторые вопросы организации контроля за оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 56-59.
10. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный

ресурс]: Приказ МВД России № 776 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Никонович Сергей Леонидович. Профессор кафедры криминалистики. Доктор юридических наук, доцент.

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

Служебный адрес: 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.

Васильев Дмитрий Владимирович. Старший преподаватель кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел.

Волгоградская академия МВД России.

Служебный адрес: 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Кайргалиев Данияр Вулкаириевич. Доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности. Кандидат биологических наук, доцент.

Волгоградская академия МВД России.

Служебный адрес: 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Последнее десятилетие в России ознаменовалось стремительным распространением наркотических средств. Наркобизнес и связанная с ним преступность создают реальную угрозу безопасности государства, поскольку втягиваются все новые слои населения, в том числе женщины и дети. Исключительная важность раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ определяется большой их распространенностью на территории России, значительным количеством участников этой противоправной деятельности.

В данной статье авторы раскрывают алгоритмы действий специалиста при поиске, фиксации, изъятии и упаковке психоактивных веществ и их микроследов, а также следов культивирования наркосодержащих растений, анализируют взаимосвязь способа совершения преступлений рассматриваемой группы и механизма их следообразования. Существенное внимание уделено вопросам производства видеозаписи при осмотрах мест происшествий, связанных с указанными преступлениями.

Ключевые слова: криминалистика; психоактивные вещества; деятельность специалиста; поиск, фиксация, изъятие и упаковка психоактивных веществ.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

Nikonovich Sergey Leonidovich. Professor of the chair of Forensic Science. Doctor of legal sciences, associate professor.

Military University of the Ministry of Defense of Russia.

Work address: 123001, Russian Federation, Moscow, st. Bolshaya Sadovaya 14.

Vasil'ev Dmitry Vladimirovich. Senior teacher of the chair of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 400075, Russian Federation, Volgograd, st. Istoricheskay 130.

Kairgaliev Daniyar Vulkarevich. Assistant professor of the chair of Criminalistic Technique of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise. Candidate of biological sciences, associate professor.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Work address: 400075, Russian Federation, Volgograd, st. Istoricheskay 130.

The last decade in Russia has been marked by the rapid spread of narcotic drugs. Drug trafficking and related crime pose a real threat to the security of the State, as new segments of the population, including women and children, are being drawn in. The exceptional importance of the disclosure and investigation of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances is determined by their high prevalence in Russia, a significant number of participants in this illegal activity.

The article deals with the algorithms for the actions of a specialist in the search, fixation, seizure and packaging of psychoactive substances and their microtraces, as well as traces of the cultivation of narcotic plants, analysis of the relationship between the method of committing crimes of the group in question and the mechanism of their trace formation. Significant attention is paid to the production of video recordings during inspections of incident sites related to common cases.

Keywords: forensics; psychoactive substances; specialist activity; search, fixation, seizure and packaging of psychoactive substances.

Наркотические вещества, оборот которых в России запрещен или ограничен, представляют собой серьезную угрозу для устоев общества и здоровья граждан. Озабоченность правоохранительных органов связана с незаконной деятельностью преступных групп, сообществ и их лидеров, обслуживающих трафик наркоселья на территорию нашей страны и в соседние государства Евросоюза. Если не поставить надежные барьеры, уничтожающие консолидированные действия наркогруппировок, их устремления к выходу за государственные границы, могут создать реальную предпосылку транснационализации организованной преступной деятельности [1].

К особенностям работы современной полиции Российской Федерации следует отнести следующие качества: полицейские находятся на передовом крае борьбы с наркопреступностью, полиция имеет в своем составе самую многочисленную и профессиональную систему следственных, оперативных и экспертных служб и подразделений, которые можно быстро и эффективно использовать в пресечении незаконной деятельности по обороту наркотических веществ. Проблему профилактики наркопреступлений органы внутренних дел решают за счет совершенствования специализированного и профессионального образования полицейских. Серьезные вопросы противостояния преступности нельзя решить без обеспечения высокого уровня информацион-

но-аналитического, научно-криминалистического обеспечения деятельности полицейских органов, в первую очередь, экспертно-криминалистической службы. Нельзя считать позитивным фактором в подготовке высокопрофессиональных сотрудников полиции в образовательных учреждениях МВД России то, что в учебном процессе пока слабо изучаются изменения, происходящие непосредственно сейчас в преступном мире, связанным с оборотом опасных психоактивных субстанций и их многочисленных производных [2]. Решение правоохранительных и служебных задач невозможно без совершенствования материальной базы борьбы с преступностью. Это не позволит участникам преступных сообществ опережать действия, предупреждающие их противоправную деятельность [3]. В связи с назревшей необходимостью обеспечения государственных мероприятий по профилактике наркопреступности, первостепенной важности мобилизации и объединения усилий всех служб и ведомств правоохранительных органов российского государства по пути противодействия транснациональным проявлениям организованной преступности, направленные на предупреждение их преступной деятельности [4].

В.Н. Хрусталева относит к ценной информации о преступлении, связанном с незаконным оборотом психоактивных веществ, следующие материальные следы: группа следов хранения, изготовления или переработки психоактивных веществ (психоактивные вещества, наркосодержащие растения, фармацевтические препараты и их отдельные фрагменты, химическое аналитическое оборудование, использованное в синтезе психоактивных веществ /бытовую посуду с микрочастицами исходного сырья и синтетических психоактивных веществ/, а также записи и схемы получения запрещенных к обороту веществ); группа следов, образующихся при нелегальном сбыте психоактивных веществ (табачная продукция со следами психоактивных веществ, инъекционные иглы, медицинские шприцы для однократного применения, марля, вата со смывами с рук проверяемых лиц, микрочастицы психоактивных веществ на одежде (карманы рубашки, брюк), бланки рецептов (в т.ч. поддельные) на приобретение психоактивных веществ в сети аптек и документы, которые позволяют покрыть кражу ограниченных в обороте психоактивных веществ из поликлиник и больниц; группа следов, свидетельствующих о перевозке психоактивных веществ (специальные приспособления, упаковочный материал и контейнеры, ампулы со следами пальцев рук) [5].

Поиск, фиксацию, изъятия и упаковку психоактивных веществ, а также их микрочастиц начинают сразу в ходе производства процессуальных действий (осматриваются производственные помещения, химические лаборатории, базы, склады, аптеки, кабинеты в поликлинике и научно-исследовательском центре; притоны; автотранспортные средства; участки местности возделывания наркосодержащих растений; места их переработки, изготовления и хранения; места задержания лиц, подозреваемых в незаконном обороте психоактивных веществ, и документы, подтверждающие хищение психоактивных веществ из лечебных учреждений). Способы, которые используются для поиска наркотиков: визуальные, поиск по запаху, с использованием обученной собаки, технико-криминалистических средств (детектор портативный, анализатор газовый, хроматограф переносной, и т.п.).

Поиск психоактивных веществ осуществляют оперативные сотрудники полиции, кинологи с помощью собак, но чаще с применением технико-криминалистического оборудования. Включения, наслоения и отдельные микрочастицы наркотических веществ можно обнаружить на поверхности различных объектов-носителей: одежда (карманы); чашки и другая посуда, медицинские шприцы, инъекционные иглы, тампоны из марли или ваты; разнообразные материалы и приспособления, используемые для кустарного изготовления психоактивных веществ.

Фиксацию психоактивных веществ, следов их синтеза проводят следующим образом: фотосъемку места происшествия реализовывают в логической последовательности, сначала общее, потом частное. Судебная фотография и видеозапись сегодня разработала специальные приемы съемки, которые включают в себя технические решения осуществления различных совокупностей направлений, высоты положения камеры, дистанций, с которых эффективнее всего стоит осуществлять съемку в ходе фиксирования элементы вещной обстановки места незаконного сбыта психоактивных веществ или их нелегального изготовления [6]. Условия съемки выбираются в соответствии с характером расследуемого события, с учетом рельефа местности, формы и параметров помещения и т.п.

Ориентирующая съемка применяется для показа положений места незаконного выращивания или культивирования наркосодержащих растений с «привязкой» к легко узнаваемым объектам на местности. Обзорная съемка проводится с целью качественно воспроизведения места в более крупном масштабе, позволяющего получить наиболее достоверную информацию о произошедшем происшествии, о местонахождении наиболее важных элементов — узлов, демонстрирующего взаимосвязи между отдельными предметами, последствия расследуемой ситуации. Узловую съемку ведут для создания у суда и следствия полной картины отдельных наиболее важных элементов вещной обстановки места преступления, топографическом расположении предметов, несущих на себе следы веществ и материалов, имеющих криминалистическое значение и раскрывающие суть одного или нескольких обстоятельств расследуемого события. Цели узловой съемки заключаются в получении наиболее полной картины места хранения, изготовления или незаконного сбыта психоактивных веществ.

Детальная съемка осуществляется с целью получить представление о следах, документах, их состоянии на период производства процессуального действия. Съемка применяется для детализации свойств конкретных предметов, следов психоактивных веществ, которые были обнаружены в ходе осмотра места преступления.

Видеозапись вместо фотосъемки применяют также при осмотре мест преступлений, связанных с обнаружением, изготовлением или незаконным оборотом психоактивных веществ. Главное преимущество видеозаписи — это динамичное запечатление всего хода следственного действия, происходящее синхронно со звуком. Применение видеозаписи позволяет реализовать достоинства операторского мастерства (съемку статичными кадрами, которую проводят видеоаппаратурой без резких движений, отдельные кадры в результате должны обладать взаимосвязанностью между собой; съемку статичными эпизодами ведут при съемке общих, средних и крупных планов). Съемка реализуется так, чтобы границу кадра не растягивать и не сжимать, не увеличивать и не уменьшать. К готовому изображению предъявляются жесткие требования (изображение должно быть качественным, каждая деталь должна хорошо просматриваться), которые можно легко добиться следующим временным режимом видеосъемки как крупных, так и некрупных планов: общий план — с 8 до 12 с., средний план от 5 до 8 с, крупные планы 3-5 с.

Панорамная съемка активно применяется при фиксировании огромных по площади территорий, либо обстановку замкнутого пространства, перемещающиеся объекты. Нередко используют статическое и динамическое панорамирование, выбор вида съемки зависит от экспертной задачи, например, необходимо запечатлеть материальную картину, складывающуюся при передвижении объектов съемки, в таком случае реализуют возможности обзорного или сопроводительного панорамирования. Наиболее часто в практике экспертно-криминалистических подразделений полиции фиксацию различных элементов вещной обстановки места преступления на видеокамеру начина-

ют съемкой наземной. Для видеофиксирования огромных размеров сельхозугодий, где незаконно культивировались наркосодержащие растения, можно посоветовать использовать возможности ориентирующей и обзорной видеосъемки, при этом видеокamerу помещают в точки, расположенные над местом преступления (на высоте). Средние и крупные планы фиксируются посредством получения кадров ориентирующего и обзорного вида с точек, высоко поднятых над фиксируемой местностью (вертолет, автоподъемники, ближайшая возвышенность с местностью). В протокол процессуального действия включают сведения о виде и состоянии приспособления, с помощью которого преступники синтезировали (изготавливали) психоактивные вещества; о тайнике, в котором они хранили запрещенные к обороту вещества и их растворы, о бытовой утвари или лабораторных приспособлениях, которые вероятно использовались для изготовления психоактивных веществ, в протоколе осмотра целесообразно подчеркнуть присутствие микрочастиц сырья, следов химикалий и реактивов, большого количества растворителей и т.п. Микрочастицы любых психоактивных веществ изымают преимущественно совместно с предметом-носителем (частички сыпучих веществ на предметах-носителях (микрочастицы на одежде изымают с одеждой; каплю и несколько капель жидкости — в емкости, в которой обнаружены микроколичества жидкости). Технокриминалистические средства, которыми осуществляют изъятие: увеличительные приборы, переносные электроосветительные установки, УФ-лампы, оптическое микроскопическое оборудование, микропылесосы, цикли, пинцеты, иглы, и др. [7]. В независимости от характера (заводская, кустарная) упаковки (фасовки), в которой найдены на месте происшествия психоактивные вещества, они подлежат обязательной переупаковке, исключающей их утерю, пропажу или порчу. Упаковка психоактивных веществ обязательно снабжается сведениями о времени, месте и лицах, упаковочных материалах, использованных в изъятии психоактивных веществ, правоохранительных органов, печатями которых скреплена упаковка запрещенных к обороту средств и препаратов, их следов и/или микрочастиц) [8]. По возможности проводят смывы с рук проверяемых лиц, которых подозревают в изготовлении, нелегальном сбыте психоактивных веществ. Смывы получают при протирании ладоней и тыльных сторон обеих рук отдельным тампоном (из марли или ваты), заранее смоченным этанолом. Каждый тампон высушивается и помещается в отдельный в полимерный пакетик. Требования к упаковке психоактивных веществ следующие: она обязана исключить загрязнение изъятых порошков, таблеток или твердых конгломератов между собой, не разрешено их смешивать, не допускать утрату, химическое изменение или порчу психоактивных веществ и субстанций (таблетированные формы, инъекционные шприцы с иглами и без игл, бинты и тампоны с наслоениями, инъекционные иглы в колпачках и без колпачков упаковывают в полимерные пакеты или пакеты, изготовленные из бумаги; мазь вещества, похожего на психоактивное, помещается на дно стеклянной посуды или полимерного пакетика; микрочастицы психоактивных веществ с предметами-носителями доставляются в государственное судебно-экспертное учреждение не позже 6-8 часов; наркосодержащие растения, из которых могут получать психоактивные средства и вещества, упаковывают так, чтобы избежать их гниения, недопустимо помещать их в упаковку из стекла или полимерных материалов, в которой доступ воздуха к ним затруднен, лучше всего использовать пакеты из бумаги или картона, направляют на экспертное исследование с пометкой «срочно» [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчабадзе Н.А. Вопросы миграции и безопасность страны // Права беженцев и перемещенных лиц и их обеспечение по международному гуманитарному праву: сборник тезисов. 2001. С. 82-86.

2. Сретенцев А.Н., Аристархова А.Н. Некоторые проблемы расследования сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3(84). С. 107-111.

3. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: криминологические взаимосвязи и проблемы предупреждения: монография Волгоград, 2009.

4. Третьяков В.И. Организованная преступность как криминологический и социальный феномен // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 218-224.

5. Хрусталева В.Н., Соклакова Н.А. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий: учебное пособие. Москва: Юстиция, 2020. 732 с.

6. Третьяков В.И., Волколупов В.Г. Проблемы правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 81-85.

7. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты производства обыска по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств // Закон и право. 2019. № 6. С. 147-149.

8. Сретенцев Д.Н. Некоторые проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. № 3(88). С. 80-85.

9. Сезонова Т.В. Специфика организации и проведения осмотра «подпольных лабораторий» по производству наркотических средств и психотропных веществ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 90-95.

УДК.343

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сретенцев Андрей Николаевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

В статье рассматриваются некоторые этапы становления системы идентификации личности, выделяются определенные закономерности ее развития. Проводится анализ современного состояния системы идентификации и факторов, обуславливающих ее будущее развитие; исследуется положительный опыт применения систем технического зрения в различных сферах жизни общества, в том числе в правоохранительной. Автор сформулирован ряд проблем стоящих на пути более широкого внедрения интеллектуальных систем автоматизированной видеоидентификации, предложены варианты решения некоторых из них. Также в статье рассматриваются перспективные направления дальнейшего внедрения указанных систем в правоохранительную сферу.

Ключевые слова: система идентификации; техническое зрение; нейросети; автоматизированная система видеоидентификации; распознавание образов; раскрытие и расследование преступлений; Единая биометрическая система; биометрические параметры; автоматизация.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE PERSONAL IDENTIFICATION SYSTEM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sretentsev Andrey Nikolaevich. Senior teacher of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

The article examines some of the stages of the formation of the personality identification system, identifies certain patterns of its development. The analysis of the current state of the identification system and the factors that determine its future development is carried out; the article examines the positive experience of using technical vision systems in various spheres of society, including law enforcement. The author has formulated a number of problems standing in the way of a wider introduction of intelligent systems of automated video identification, proposed solutions for some of them. The article also discusses promising directions for the further implementation of these systems in the law enforcement sphere.

Keywords: identification system; technical vision, neural networks; automated video identification system; pattern recognition, crime detection and investigation; Unified biometric system; biometric parameters; automation.

Одним из необходимых условий деятельности по раскрытию и расследованию преступлений является возможность осуществления надежной инструментальной идентификации личности участников преступных событий.

Научные методы идентификации человека развивались поэтапно на протяжении веков. Рассмотрев некоторые исторические этапы становления методов идентификации, можно выявить определенные закономерности.

Так, одним из первых исторических упоминаний о применении метода систематизированной идентификации является «Кулай-Пулай» – система описания внешности, существовавшая еще в Древнем Египте [1, с. 34].

В более поздний период, в 19 веке, Альфонсом Бертильоном был предложен концептуально сходный метод – антропометрическая идентификация; одновременно с этим началось формирование первой в истории системы криминалистической регистрации. Используя данный метод, А. Бертильон вносил в карточки метрические сведения, описывающие одиннадцать параметров тела человека. Данный метод получил широкое признание и применялся до тех пор, пока не был вытеснен более эффективной системой – дактилоскопической регистрацией в конце 19 – начале 20 века. Дактилоскопическая регистрация на протяжении многих лет была основным способом криминалистической регистрации и продолжает эффективно применяться в настоящее время.

Вместе с тем в последние десятилетия произошло существенное расширение круга технологичных идентификационных методов, имеющих существенную научную проработку и демонстрирующих высокую эффективность (геномная идентификация, идентификация по радужке, сетчатке глаза, сетке вен на руке, термограмме лица).

Все перечисленные методы, несмотря на свои различия, имеют в своей основе нечто общее – они основаны на анализе биометрических параметров человека (биометрических данных).

Одним из наиболее доступных для анализа биометрических параметров человека является его внешность и в первую очередь лицо как носитель большой совокупности идентификационных признаков.

Современный уровень развития фото- и видеотехники позволяет легко и быстро изготавливать высококачественные отображения указанных выше признаков внешности.

Простота получения отображений внешности человека, высокая идентификационная ценность такой информации и возможность анализа таких отображений при помощи инструментальных средств делает их ценным источником разыскной и доказательственной информации.

В данной связи существенной прикладной задачей, стоящей перед криминалистической наукой в настоящее время, является обеспечение более эффективного использования возможностей идентификации личности по фото- и видеоизображениям.

На наш взгляд, для решения этой задачи есть все необходимые предпосылки. Так, процессы, наблюдаемые в области цифровых технологий: лавинообразный рост объема данных в сети Интернет; создание технологий обработки и анализа больших объемов неструктурированной информации (Big Data); стремительный переход многих сфер услуг в интернет-пространство; развитие интеллектуальных технологий и создание самообучающихся систем – все это лишь небольшая часть свидетельств о глубокой информационной трансформации, которую претерпевает наше общество.

Однако, очевидно, что процесс цифровой трансформации общества еще очень далек от завершения. Несмотря на это, цифровая революция уже принесла свои первые плоды, далеко не все из которых идут на пользу обществу. Так, немало проблем возникло в правоохранительной сфере: вырос интернет-наркотрафик, увеличилось количество мошенничеств с использованием информационно-коммуникационных технологий; серьезной проблемой является анонимный оборот нерегулируемых электронных

средств платежа и учащение случаев кибератак на государственные и частные информационно-телекоммуникационные сети.

Вместе с тем прогресс в сфере информационных технологий открыл и новые возможности. Так, например, многократно увеличилась степень автоматизации процесса обработки данных. Развитие теории искусственного интеллекта, создание и совершенствование искусственных нейросетей и внедрение данных технологий представляют новые возможности в контексте обозначенной ранее задачи.

Так, обучив решению идентификационных задач электронно-вычислительную машину, можно многократно увеличить скорость достижения результата, что особенно актуально, например, при непроцессуальной форме идентификации, когда оперативность получения результата имеет первоочередное значение.

Технологии полностью автоматизированной (без участия человека) биометрической идентификации уже успешно применяются в различных областях, преимущественно в гражданской сфере. Так, например, система автоматизированной биометрической идентификации уже полномасштабно внедрена в сферу банковских услуг. Ведется работа по подготовке аналогичных систем к активному внедрению в иных сферах. Так, продекларированная в рамках национального проекта цифровизация экономики и общая информатизация многих сфер общественной жизни ознаменовала начало работы над созданием и запуском Единой биометрической системы (ЕБС). Данная система уже используется в пилотном режиме в различных направлениях. Так, например:

1) Летом 2020 года был реализован пилотный проект по использованию данных из ЕБС для организации пропускного режима в здании правительственного комплекса на Пресненской набережной в Москве. Система контроля и управления доступом (СКУД) распознает сотрудников по лицам и пропускает их в здание [2].

2) В 2020 году началась интеграция ЕБС с госуслугами. Был, например, реализован пилотный проект по идентификации граждан для дистанционного участия в судебных заседаниях по видеосвязи [3].

3) В конце 2020 года Минцифры РФ предложило использовать ЕБС в дистанционных образовательных технологиях для обеспечения идентификации личности (например, при дистанционной сдаче экзаменов) [4].

Говоря о применении подобных технологий в правоохранительной сфере, следует отметить имеющийся передовой отечественный опыт внедрения технологии технического зрения в Москве, где в настоящее время функционирует целая сеть интеллектуальных видеосистем. Уже за первые два года функционирования данная система позволила раскрыть более 3 тысяч преступлений [5, с. 40].

Интеллектуальное видеонаблюдение повсеместно внедрено на улицах и в метрополитене Москвы с сентября 2020 года. Данная технология активно развивается; в дальнейшем планируется расширение круга идентификационных объектов. Так, ожидается, что идентификация станет возможной не только по лицу, но и по радужной оболочке глаза, татуировкам и даже по голосу [6].

На наш взгляд, более широкому внедрению систем биометрической идентификации должны предшествовать решения ряда проблем юридического и технического характера.

Что касается юридического аспекта, то, на наш взгляд, необходима дополнительная правовая регламентация отдельных вопросов, связанных с применением технологий распознавания лиц. По нашему мнению, в действующем законодательстве требуется конкретизация случаев, в которых может осуществляться сбор и обработка биометрических персональных данных неопределенного круга лиц без их письменного согласия. Также должен быть определен режим, в котором может осуществляться сбор,

обработка и использование таких данных, порядок и сроки хранения собираемой информации [7, с. 19].

Что касается проблем технического характера, то к ним следует отнести недостаточную точность распознавания в определенных условиях и уязвимость некоторых алгоритмов, используемых в системах распознавания лиц, к атакам путем фальсификации распознаваемого образа (спуфинг-атакам).

Несмотря на то, что современные нейросети в целом демонстрируют высокую точность распознавания образов, в ряде случаев – даже превосходящую способность живого человека к распознаванию лиц, при одновременной работе с большим количеством объектов их результаты существенно ниже. Так, например, наиболее продвинутые в настоящее время технологии распознавания, построенные на основе CNN (сверточная нейронная сеть), имеют точность в диапазоне 70-82 % для сложных сцен с множеством объектов, динамической сменой фона, поз и других параметров видеосцены [8, с. 29].

Для повышения уровня точности распознавания потребуется создание более совершенных алгоритмов либо увеличение задействованных вычислительных мощностей, что не всегда обосновано с экономической точки зрения.

Еще один фактор, который необходимо учитывать, – это уязвимость некоторых алгоритмов распознавания к фальсификации данных. Так, в научной литературе неоднократно приводились результаты экспериментальных данных, свидетельствующие об указанной уязвимости.

Например, в научной статье Маршалко Г.Б. и Кругловой С.И. описаны возможности обхода системы идентификации внешности, функционирующей на базе одного из наиболее распространенных алгоритмов – Local Binary Patterns (LBP). Метод, созданный для выявления уязвимости, в большинстве случаев (69 %) позволил построить атакующий образ, распознаваемый биометрической системой как атакуемый. При этом модифицированное изображение имеет незначительные для глаза человека изменения, что позволяет скрывать факт атаки от сторонних лиц [9, с. 50].

Нельзя не согласиться с мнением указанных авторов о необходимости разработки адекватных мер защиты биометрических систем, использующих алгоритм LBP от спуфинг-атак.

Кроме того, известны также случаи фальсификации видеоизображений с помощью искусственных нейросетей. Видео, подделанные таким способом, получили собирательное обозначение – дипфейк (от англ. Deep fake). Проблема уже находится в фокусе внимания МВД России, заключившим контракт, в соответствии с которым к концу 2022 года ведомство получит программу «Зеркало», позволяющую выявлять признаки внутрикадрового монтажа видеоизображений, произведенного с помощью искусственных нейронных сетей, позволяющих синтезировать видеоизображения людей [10].

На наш взгляд, несмотря на указанные проблемы, внедрение интеллектуальных систем видеоидентификации весьма перспективно и способно качественно повысить эффективность работы правоохранительных органов по целому ряду направлений.

Перечислим возможные перспективные направления применения систем видеоидентификации.

Одним из таких направлений является распознавание потенциально опасных объектов (например, огнестрельного оружия) в видеопотоке. Данная функция может быть реализована на базе тех же принципов, по которым осуществляется распознавание лица человека. Определение контура, геометрии и размеров изображенного объекта и сопоставление их с эталонами потенциально опасных предметов, заложенными в базу, а также мгновенное информирование об этом операторов для принятия своевременных

решений снизит вероятность наступления тяжких последствий. Данная мера была бы способна снизить шанс повторения трагедии, аналогичной той, что случилась в Казани 11 мая 2021 года. В тот день преступник, прежде чем приступить к реализации своего умысла, преодолел существенное расстояние, открыто демонстрируя оружие, и несколько раз попал в поле зрения стационарных камер видеонаблюдения. Подключение камер наружного видеонаблюдения к нейросети, обученной распознаванию подобных объектов и информированию оператора о выявленных инцидентах, существенно повысило бы защищенность образовательных учреждений и иных уязвимых объектов.

Еще одним смежным направлением может стать интеграция в систему распознавания лиц программного обеспечения анализирующего по мимике эмоционально-психическое состояние человека [11]. Такой вид автоматизированного инструментального профайлинга может быть эффективен в целях повышения антитеррористической защищенности на авиационном, железнодорожном, морском транспорте, в метрополитене, а также в учебных заведениях, объектах культуры и торговых центрах.

Кроме того, возможности автоматизированной идентификации личности могут быть востребованы для целей дистанционного производства некоторых следственных действий. Так, проведение двухфакторной (в том числе биометрической – по изображению лица) идентификации через Портал государственных услуг Российской Федерации перед началом следственного действия, проводимого в дистанционном режиме, повысит надежность процедуры идентификации, а рост числа следственных действий, проводимых дистанционно, должен способствовать снижению экономических и временных издержек, связанных с необходимостью транспортировки участника уголовного судопроизводства в суд.

Таким образом, система идентификации личности стоит на пороге существенных изменений, основными направлениями которых будут расширение области применения идентификационных технологий, рост их функциональных возможностей, большая автоматизация процесса отождествления. Данные изменения будут способствовать качественному изменению многих аспектов деятельности правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимов И.Н. Опознание преступников. М., 1928. 56 с.
2. «Биометрический» пропускной режим в «Башне министерств» – начат эксперимент [Электронный ресурс] // D-russia.ru: ежедневное онлайн-издание. URL: <https://d-russia.ru/biometricheskij-propusknoj-rezhim-v-bashne-ministerstv-nachat-jeksperiment.html>.
3. «Ростелеком» подвел итоги работы Единой биометрической системы в 2020 году [Электронный ресурс] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-12-28_rostelekom_podvel_itogi.
4. В России студенты будут сдавать биометрию для допуска к онлайн-экзаменам [Электронный ресурс] // «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20210307/ekzameny-1600266402.html>.
5. Волкова В.Р., Сретенцев Д.Н. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 38-40.
6. МВД при помощи камер начнет искать преступников по татуировкам и походке [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3.

7. Сретенцев А.Н. Возможности и перспективы внедрения систем автоматического распознавания лица человека в процесс раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 1. С. 17-20.

8. Семенова А.Н., Аджиев Н.Д., Чочиева А.Н. Сравнение современных методов детектирования объектов на изображении // Тенденции развития науки и образования. 2019. С. 28-31.

9. Маршалко Г.Б., Круглова С.И. Исследование возможности обхода биометрических систем идентификации по лицам, использующих алгоритм LBP // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 1(29). С.45-53.

10. МВД к концу 2022 года получит IT-разработку по распознаванию видео с заменой лиц [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11307705>.

11. Интеграция с отпечатками пальцев и ДНК / РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ

предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования в журнале
«Научный вестник Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова»

ОБРАЗЕЦ

Иванов И.И.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ARTICLE TITLE IN ENGLISH

*Аннотация на русском языке 500-1000 знаков, включая пробелы.
The abstract in English is 500-1000 characters, including spaces.*

1. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале должна соответствовать отрасли «Юридические науки».

2. Статья представляется в бумажном варианте, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210x297 мм), заверенном подписью автора. Электронная версия статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см.

Статья должна быть набрана шрифтом Times New Roman (размер основного шрифта – 14 пунктов), межстрочный интервал – 1,5 строки. Абзацный отступ – 1,25 см.

Объем статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен быть не менее 10 стр. и не более 18 стр.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках.

В статье не должно быть сведений ограниченного распространения, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и МВД России.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1

Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст
-------	-------	-------	-------	-------

Размещение таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

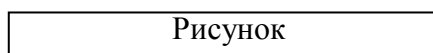

Рис. 1. Название рисунка.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и полный почтовый адрес (**пример см. ниже**).

Статья также должна содержать список ключевых слов на русском и английском языках (пять-десять основных слов статьи, характеризующих проблематику статьи, через точку с запятой).

В статье должен быть указан код УДК и шифр научной специальности, соответствующий тематике статьи.

Ссылки на литературу оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, **например**: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Затекстовая библиографическая ссылка должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый источник указывается в списке литературы один раз в порядке упоминания в тексте. При повторном использовании в тексте этого источника в квадратных скобках указывается один и тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается. Не допускается в одной ссылке приводить несколько источников или использовать словосочетание «Там же, с. __» и т.п.

Статья должна быть подписана автором, а также научным руководителем при его наличии.

3. К статье прилагаются:

- краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;
- рецензия (отзыв) научного руководителя (для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература, 1976. 166 с.
2. О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 6 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой си-

стемы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ (АХ)

Иванов Иван Иванович. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, профессор.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ivanov Ivan Ivanovich. Professor of the chair of Criminal Proceedings. Doctor of legal sciences, professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: 302027, Russian Federation, Orel, st. Ignatova 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; ювенальный суд; ювенальная юстиция; обвиняемый; защитник.

Keywords: criminal proceedings; juvenile court; juvenile justice; accused; defender.

УДК

Научная специальность, по которой подготовлена статья.

Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения.

_____
подпись

«___» _____ 2022 г.
дата

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.